

05 ~~100~~

Еврейская
старина

1910 в. 4

N 11-12

27

27 40 19

05 | 226078
899 | Спринские
Смолына

1910 № 4

20 110 189 124

Вып. 3447 № 18

Запись читателя

34

Еврейская
Гармония

1910 том 4

05
E22

Л. Н. Толстой.

Скончался Л. Н. Толстой—болѣе мѣсяца тому назадъ. За это время о немъ были, кажется, сказаны всѣ слова, какія возможны. И все же, нельзя пройти мимо этой смерти молчаливо. Отъ Толстого, отъ всей его жизни и личности вѣтъ тѣмъ, что на землѣ самое рѣдкое—подлиннымъ величіемъ, дыханіемъ вѣчности. Отсюда его неотразимая притягательная сила. Всѣ мы чувствуемъ внутреннюю потребность приобщиться къ тому, кто съ неслышанной въ новыя времена силой, рѣзко и рѣшительно, какъ „власть имѣющій“, поставилъ передъ человѣчествомъ въ цѣломъ и передъ каждымъ изъ насъ въ отдѣльности вѣчные вопросы о смыслѣ, цѣли и путяхъ жизни—и далъ на нихъ свои отвѣты. Измѣрить значеніе этихъ отвѣтовъ во всемъ ихъ содержаніи теперь еще, конечно, невозможно—но уже и сейчасъ несомнѣнно одно: грозное толстовское „остановитесь! одумайтесь!“ еще долго будетъ носится передъ нами какъ тревожный вопросительный знакъ надъ многими изъ цѣнностей нашей жизни и нашей культуры.

У евреевъ, кромѣ, того имѣются еще особыя основанія приобщиться къ Толстому. Вопросы объ отношеніи къ Богу и къ людямъ, о воцареніи праведной жизни, осуществленіи нравственности—„царства Божія“—на землѣ, эти и другіе связанные съ ними частные вопросы, которые сдѣлали Толстого предметомъ вниманія и преклоненія всего человѣчества, близкимъ ему, почти роднымъ,—всѣ эти вопросы всегда стояли въ центрѣ еврейской мысли и еврейской жизни. И нѣтъ, можетъ быть, на землѣ ни одного народа, въ жизни котораго, какъ коллектива, эти проблемы занимали бы такое видное мѣсто. Въ неустанныхъ стремленіяхъ и исканіяхъ Толстого, въ его высокому духовному напряженію и жгущему людскія сердца „глаголъ“ легко распознать характерныя черты еврейскихъ пророковъ, ихъ служеніе Богу, а въ основной,

226079

руководящей идеѣ Толстого—завѣщанную пророками и бережно лелѣемую еврействомъ идею-мечту о единомъ „человѣчествѣ будущаго“.

Но помимо этихъ еврейскихъ элементовъ, которые можно считать въ идеѣ почти что общепринятыми, мы находимъ въ воззрѣніяхъ Толстого еще и „важные по своему значенію іудаистическіе элементы въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ. Позиція Толстого по отношенію къ традиціонному христіанству и къ церкви, а главное—центральное мѣсто, какое занимаетъ въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ совѣсть-сознаніе, уже и сейчасъ обнаруживаютъ присутствіе этихъ элементовъ съ достаточною ясностью. Между тѣмъ далеко не все еще изъ этой сферы дѣятельности Толстого опубликовано, а опубликованное съ указанной стороны нисколько еще не подвергалось изслѣдованію. И тутъ передъ будущимъ изслѣдователемъ благодарная и поучительная задача: опредѣлить корни и происхожденіе іудаистическихъ элементовъ у Толстого, то мѣсто, какое они заняли въ его воззрѣніяхъ и, сопоставивъ ихъ съ другими воззрѣніями этого типа, выяснить историческое значеніе Толстого въ разрѣшеніи крупнѣйшихъ проблемъ человѣчества.

Но это, конечно, дѣло будущаго. Историческая точка зрѣнія имѣетъ свои права и свои условія. Какъ бы великъ ни былъ Толстой, или вѣрнѣе: именно потому, что онъ великъ, мы въ настоящій моментъ разсматривать его съ этой точки зрѣнія, охватить его въ цѣломъ, измѣрить и осознать не въ состояніи. Въ настоящій моментъ, когда мы только ощущаемъ это величіе, мы можемъ лишь склониться передъ прахомъ того, кто совершилъ такой огромный, такой богатый содержаніемъ, единственный въ своемъ родѣ жизненный кругъ, кто своимъ ученіемъ и дѣятельностью оживилъ душу человѣка и внесъ новую жизнь въ вѣковѣчный идеаль человѣчества о братствѣ и единеніи людей и народовъ.

Вѣчная ему память въ сердцахъ людей!

Л. С.

Исторія русскаго законодательства о евреяхъ въ связи съ системой взиманія налоговъ и отбыванія повинностей.

I.

Въ извѣстномъ изслѣдованіи А. С. Лаппо-Данилевскаго, о прямомъ обложеніи въ московскомъ государствѣ, мы находимъ слѣдующее описаніе тѣхъ порядковъ, которые существовали тамъ въ XVII вѣкѣ по отношенію къ свободѣ передвиженія населенія.

„Для того, чтобы пришлые люди подолгу не жилали въ чужомъ городѣ и бѣглымъ, пришлымъ людямъ пристанища не было, дворовладѣльцы, къ которымъ пріѣзжали чужіе люди для торговыхъ своихъ промысловъ и для иныхъ какихъ дѣлъ на малое время, къ сродникамъ или знакомцамъ, должны были о пріѣздѣ ихъ заявить въ приказной избѣ; пріѣзжіе также обязательно являлись къ воеводѣ. Послѣдній спрашивалъ каждого пріѣзжаго о томъ, какъ зовутъ его по имени, отчеству и прозвищу, изъ какихъ городовъ, къ кому, для какого дѣла и на сколько дней онъ пріѣхалъ или пришелъ, досматривалъ у него данныя ему воеводами и приказными людьми проѣзжіе памяти, и спрашивалъ тѣхъ людей, къ кому они пріѣхали, знаютъ ли они тѣхъ прихожихъ, и пріѣзжихъ людей, и добрые ли они люди и для чего они къ нимъ пріѣхали. Если досмотръ и разспросы оказывались удовлетворительными, воевода давалъ позволеніе пріѣзжему оставаться въ городѣ указанные дни „противъ воеводскихъ отписокъ и проѣзжихъ памятей“ и число дней, проведенныхъ имъ въ городѣ, записывалъ въ книги для вѣдома, а послѣ указаннаго срока отсылалъ его

обратно въ тѣ города, откуда кто пріѣхалъ или пришелъ. Пристанодержательство безъ заявленій о томъ воеводѣ наказывалось торговою казнью, кнутомъ, а въ позднѣйшее время довольно крупными денежными пенями, которыя для несостоятельныхъ замѣнялись ссылкой въ понизовые города и даже въ Сибирь. Всѣ эти предосторожности должны были соблюдаться не только на посадѣ, но и въ уѣздѣ. Въ черныхъ волостяхъ крестьянинъ или бобыль, отправляясь на работу или промыслъ изъ общины, долженъ былъ заявить о томъ земскимъ властямъ, обыкновенно, „сотскому съ товарищи“, который записывалъ имена вышедшихъ въ книги. Въ противномъ случаѣ, выходецъ подвергался нещадному наказанію батогами на сходѣ и сотскій „извѣщалъ о немъ въ сѣзжую избу“. Въ дворцовыхъ селлахъ и частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ обязанности сотскихъ выполняли приказчики, часто вмѣстѣ съ старостами и цѣловальниками ¹⁾).

Съ этой картинкой государственнаго быта XVII вѣка слѣдуетъ сопоставить нѣсколько статей изъ полженій 1894 г. о видахъ на жительство, относящихся къ евреямъ. „Виды на жительство выдаются евреямъ въ чертѣ ихъ осѣдлости съ надписью о томъ, что виды сіи дѣйствительны единственно въ тѣхъ, расположенныхъ въ означенной чертѣ мѣстахъ, гдѣ владѣльцамъ видовъ разрѣшается временное пребываніе или постоянное жительство. Евреи, пользующіеся по закону правомъ временнаго пребыванія внѣ черты ихъ осѣдлости, какъ по пріѣздѣ въ мѣстности внѣ сей черты находящіяся, такъ и при всякой перемѣнѣ въ этихъ мѣстностяхъ мѣста жительства или видовъ на жительство, обязаны предъявлять полиціи, независимо отъ своего вида на жительство, также и надлежащіе документы, удостовѣряющіе ихъ право на жительство въ данной мѣстности. Мѣстная полиція, удостовѣрившись изъ представленныхъ документовъ, что прибывшій еврей пользуется по закону правомъ отлучаться изъ черты осѣдлости и удовлетворяетъ прочимъ, постановленнымъ закономъ условіямъ, для постоянного или временнаго пребыванія внѣ предѣловъ этой

¹⁾ Лаппо-Данилевскій. Организациа прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. 1890 СПб. стр. 143—144.

черты, выдаетъ ему особый въ удостовѣреніе сего права билетъ, съ означеніемъ, въ подлежащихъ случаяхъ, дозволеннаго по закону срока пребыванія въ данной мѣстности. Билетъ этотъ за печатью припнуровывается къ узаконенному виду. Евреи, какъ въ случаѣ неимѣнія видовъ на жительство, когда таковой требуется, такъ равно и въ томъ случаѣ, когда они будутъ обнаружены, хотя бы и съ видомъ на жительство, но въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не имѣютъ права пребыванія, высылаются на мѣста постоянного ихъ жительства и привлекаются тамъ къ отвѣтственности порядкомъ, указаннымъ въ ст. 32 положенія о видахъ на жительство (71—74). А 32 ст. пол. о вид. на житель. гласитъ: „Лица сіи, какъ въ случаѣ неимѣнія видовъ на жительство, когда таковой требуется, такъ равно и въ случаѣ, когда они будутъ обнаружены, хотя бы съ видомъ на жительство, но въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не имѣютъ права пребывать, отсылаются мѣрами полиціи въ мѣста ихъ постоянного жительства, гдѣ и привлекаются къ отвѣтственности на основаніи статей 61 или 63 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“.

Эта редакція правилъ весьма недалеко отступаетъ отъ редакціи этихъ же правилъ въ 1827 году. И тутъ и тамъ отправленіе этапнымъ порядкомъ. Мудрость новыхъ законодателей заключается лишь въ томъ, что безпаспортные евреи или съ просроченными паспортами не именуются теперь бродягами, какъ они именовались, впрочемъ, еще до 1894 г. и не ссылаются въ Сибирь. Вотъ редакція правилъ 1827 года: „Евреи, неимѣющіе губернаторскихъ паспортовъ, или имѣющіе оные, но не имѣющіе права на пріѣздъ во внутренніе города, наконецъ, проживающіе долѣе опредѣленнаго срока, высылаются полиціею немедленно въ мѣста ихъ осѣдлости. Если послѣ таковаго распоряженія они или не выйдутъ, или опять возвратятся, то почитаются бродягами, и, по силѣ указовъ 15 ноября 1797 года, 23 февраля 1823 г. и 8 іюля 1826 г., вмѣстѣ съ допускающими и содержащими ихъ въ своихъ домахъ, дѣлается распоряженіе, какъ о бродягахъ или о покровительствующихъ бродягамъ“ ¹⁾.

¹⁾ П. С. З. № 1115.

Не случайно сходство между законами, опредѣляющими современный бытъ евреевъ въ Россіи и средневѣковыми порядками, не курьеза ради я указалъ на аналогію между стѣсненіями, сопровождающими передвиженіе русскаго еврея въ настоящее время въ Россіи съ тѣми порядками, которые прикрѣпляли крестьянское и городское населеніе къ селамъ и городамъ въ XVII вѣкѣ. Законы, ограничивающіе право жительства евреевъ, занятіе ихъ тѣми или другими промыслами, возникали по тѣмъ же причинамъ, по которымъ возникло то, что мы именуемъ средневѣковымъ строемъ.

Государственная власть въ тѣ времена, собирая дани и подати съ населенія, имѣла дѣло не съ отдѣльными лицами, не съ индивидуумами, а съ группой, корпораціей, общиной: съ цехами, гильдіями, городскими и сельскими обществами и т. д. и т. д.

Податью облагалась группа т. е. значительное число лицъ, связанныхъ круговой порукой, а не отдѣльное лицо, но для того, чтобы группа могла оказаться исправною въ платежѣ, къ ней надо было прикрѣпить отдѣльное лицо неразрывными узами.

Государству, говоритъ проф. Озеровъ, въ ранніе періоды его развитія некому поручить взиманіе налоговъ и сознавая свое безсиліе оно не рѣшается брать на себя этой задачи. Отсюда стремленіе государства найти посредника между собой и плательщикомъ, найти отвѣтственную организацію, на которую можно бы положиться и которая обезпечила бы правильное поступленіе доходовъ въ пользу государства Государство для взиманія налоговъ въ этотъ періодъ низкой финансовой техники пользуется чаще всего естественными союзами, а если ихъ нѣтъ, то создаетъ искусственные. Естественными союзами являются городъ и деревенская община. Правительство назначаетъ извѣстную сумму, какую оно должно получить съ даннаго города или общины, и эти союзы должны въ извѣстный срокъ собрать ее. Имъ (союзамъ) предоставляется право разложить эту сумму по своему усмотрѣнію. ¹⁾

¹⁾ Озеровъ. Финансовое право. Москва, 1905 г. II т. стр. 58.

Такъ было въ Европѣ въ средніе вѣка, такъ было въ Россіи вплоть до конца XIX вѣка (1885 г.).

Раскладочная система, говорить Бржескій, обуславливалась невозможностью для правительства вѣдаться съ каждымъ отдѣльнымъ тягломъ, входить въ подробную оцѣнку платежеспособности каждаго отдѣльнаго лица. Уровень матеріальнаго достатка тяглыхъ людей въ разсматриваемую эпоху былъ крайне низокъ, и не было средствъ разобратъ въ опредѣленіи разнообразныхъ оттѣнковъ налогоспособности каждаго отдѣльнаго плательщика. Да въ этомъ не было и надобности—къ услугамъ правительства была община....

Община была драгоцѣннымъ незамѣнимымъ сотрудникомъ правительства: задача послѣдняго состояла въ томъ, чтобы установить окладъ, задача общины—въ томъ, чтобы распределить его между плательщиками „по животамъ и промысламъ“, т. е. принимая во вниманіе всѣ тѣ признаки, которыми опредѣлялась налогоспособность каждаго плательщика ¹⁾).

Но тягло, которое носили отдѣльныя группы населенія, опредѣляло ихъ бытъ, сферу, ихъ занятія, мѣсто ихъ жительства, ихъ права и обязанности. Финансовыя требованія опредѣляли политику государства по отношенію къ нимъ.

Когда польскія провинціи были присоединены къ Россіи, первую заботою тогдашней государственной власти было взиманіе податей, установленіе государственнаго тягла. Такъ какъ податныхъ душъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ не было, то подушная подать названа была поголовною (слово „души“ въ сихъ губерніяхъ въ семъ случаѣ необыкновенно), но она опредѣлена была съ крестьянъ въ томъ же размѣрѣ, а съ городскихъ жителей въ размѣрѣ одного рубля, съ купечества въ размѣрѣ 1 руб. 20 коп. ²⁾). За сельскихъ жителей, за крестьянъ платили помѣщики. Кто же долженъ платить за городскихъ жителей,—за евреевъ? На этотъ вопросъ данъ былъ отвѣтъ еще въ 1772 году—приписать ихъ къ кагаламъ ³⁾). Болѣе подробно этотъ порядокъ изображенъ въ одномъ указѣ 1776 года. Тамъ сказано:

¹⁾ Цитировано у Озерова, II. стр. 63.

²⁾ П. С. З. 1772 г. № 13865

³⁾ П. С. З. № 13865.

„жидовъ въ поголовную перепись записать въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, котораго гдѣ ревизоры найдутъ, и дабы сборъ съ нихъ въ казну вѣрнѣе вступать могъ, такъ и въ прочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ, то учредить Кагалы, въ которые всѣхъ ихъ и росписать такъ, чтобы каждый изъ жидовъ, когда онъ куда для промысловъ своихъ ѣхать или гдѣ жить и поселиться захочетъ, или что либо арендовать будетъ, отъ Кагалу получалъ пашпорты, но сіи пашпорты должны быть явлены въ Провинціальныхъ Канцеляріяхъ и въ оныхъ записаны. Поголовныя же деньги платить долженъ Кагалъ и вносить оныя въ Провинціальную Канцелярію“ ¹⁾).

Эта приписка къ кагаламъ, находящимся въ городахъ, эта отвѣтственность кагаловъ за платежи причисленныхъ къ нимъ евреевъ уже вызвала рядъ стѣсненій въ сферѣ передвиженія и занятій, какъ это видно изъ приведеннаго указа: безъ разрѣшенія кагала отдѣльное лицо не могло отлучаться, переселяться, выбирать новое занятіе, ибо именно прикрѣпленіе къ данному мѣсту, къ данной терри-торіи давало кагалу возможность взыскивать съ него подати, обезпечивало правительство въ полученіи всего оклада, падавшаго на кагалъ.

Насколько для тогдашней государственной власти, для фискальных ея интересовъ была неудобна возможность свободы передвиженія, видно изъ тѣхъ затрудненій, которыя испытывала Курляндская мѣстная власть, когда Курляндія была присоединена къ Россіи. Тамошній губернаторъ доносилъ, что въ Курляндіи находится немалое число евреевъ, кои, хотя въ ревизскихъ сказкахъ и показаны, однако-жъ часто переселяются изъ одного мѣста въ другое и переходятъ изъ той губерніи въ инныя. «А какъ по сему случаю за нихъ никто не отвѣчаетъ, закрѣплять же ихъ ни за кѣмъ не велѣно, да и переходы запретить, какъ по мѣстному положенію губерніи, такъ и по пронырству и привычкѣ уже къ тому сего народа, никакъ невозможно», то губернаторъ, а также Губернское Правленіе не видѣло никакого средства взыскивать съ нихъ подати. Въ виду

¹⁾ П. С. З. № 14522.

этого предписано было учредить кагалы въ городахъ, куда должны были являться и записываться живущіе въ мѣстечкахъ и селеніяхъ (П. С. З. 1799 г. № 18889).

II,

Многочисленныя войны Екатерининскаго времени все болѣе и болѣе истощали казну и для наполненія ея необходимо было возвысить подати, раззорять населеніе. Такъ характеризуетъ царствованіе Екатерины II уже въ то время графъ А. Р. Воронцовъ. „Оно было, говоритъ онъ, конечно, съ большимъ блескомъ, особливо по внѣшнимъ дѣламъ; большія пріобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи и къ лучшему составленію всей массы; но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено; къ тому прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобы Россія могла оныя безъ изнуренія выносить“ ¹⁾.

И вотъ по указу 27 іюня 1794 года семигровенный окладъ подушной подати былъ возвышенъ въ однѣхъ губерніяхъ до 75 коп., а въ другихъ до одного рубля. (П. С. З. № 17222). Одновременно съ этимъ повелѣно было съ евреевъ, записанныхъ по городамъ въ мѣщанство и купечество, собирать съ 1 іюня 1794 года подати вдвое „противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій“ (П. С. З. № 17224).

Если общее повышение податей для всѣхъ податныхъ классовъ мотивировалось тѣмъ, что „цѣны предметовъ возвышаются отъ умноженія денежнаго обращенія и крестьянскіе доходы отъ того приращаются, а издержки государства увеличиваются, вслѣдствіе увеличенія численности арміи, соотвѣтственно обширности и достоинству Имперіи, для обезпеченія покоя и благоденствія подданныхъ“, то для установленія двойной подати съ евреевъ нашли излишнимъ какую бы то ни было разумную мотивировку, а къ повелѣнію обложить прибавили: „которые не похотятъ остаться, таковымъ дать свободу, на основаніи положенія о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней двойной подати, выѣхать изъ Имперіи нашей“.

¹⁾ Арх. Воронцова XXIX стр. 459.

Для такого постановленія можно найти аналогію лишь въ отношеніяхъ первобытныхъ народовъ къ водворившимся среди нихъ иностранцамъ и специально Екатерины II къ нимъ. Какъ я указалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, безусловно враждебное отношеніе къ иноземцамъ смѣняется довольно продолжительнымъ періодомъ, когда сношенія съ иностранцами, преимущественно для торговыхъ цѣлей, допускаются только въ пограничныхъ мѣстахъ или на ярмаркахъ. На смѣну этому періоду является третій, когда допускается водвореніе иностранцевъ въ той или другой мѣстности внутри страны для опредѣленной цѣли. Но какъ бы долго они и ихъ семьи ни оставались въ чужой странѣ, они не перестаютъ быть иноземцами. Ни дѣти, ни дальнѣйшее потомство ихъ не становятся дѣйствительными подданными въ чужой странѣ, если между ними и коренными жителями существуетъ разница въ вѣроисповѣданіи. Таково было отношеніе къ иностранцамъ въ Россіи еще при Екатеринѣ II, хотя и дозволялось имъ вступать формально въ подданство. „Которые иноземцы воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, и ихъ изъ російскаго государства не выпускать“ гласитъ указъ 1722 года (№ 4067) ²⁾.

Иностранцы, принадлежавшіе къ другимъ исповѣданіямъ, были особымъ сословіемъ русскихъ иностранцевъ, а потому имѣющихъ всегда право возвращаться въ свое отечество, уходить изъ Россіи. „Это право, говоритъ В. М. Гессенъ, категорически санкціонируется манифестомъ 22 іюня 1763 г.: „всякій иностранецъ, поселившійся въ Россіи и вступившій въ русское подданство, имѣетъ право безпрепятственнаго выѣзда изъ Россіи, подъ условіемъ возвращенія въ казну отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{10}$ нажитаго въ Россіи имущества“ ³⁾. Впослѣдствіи, въ 1784 году, условіе, при которомъ дозволяется иностранцу уходить изъ Россіи, нѣсколько видоизмѣняется.

Въ манифестѣ 1784 года сказано: „каждый изъ вступившихъ въ подданство иностранцевъ, разумѣя ихъ и потомство ихъ, свободенъ остаться въ подданствѣ, доколѣ въ томъ пользу свою собственную находить; а если пожелаетъ выйти

¹⁾ См. Евр. Стар. 1910, 2, стр. 227.

²⁾ См. В. Гессенъ. Подданство, 1909 стр. 212.

³⁾ Тамъ-же, стр. 229.

изъ онаго, то, по заплатѣ трехлѣтней подати, безпрепятственно получить увольненіе“ ¹⁾).

Это постановленіе и примѣнено къ евреямъ, какъ упомянуто въ самомъ указѣ о двойной подати. Сдѣлано это, несмотря на то, что въ плакатахъ 1772 и 1793 г. г. было объявлено, что жители присоединенныхъ земель отнынѣ навсегда имѣютъ состоять въ подданствѣ Россійской имперіи, что въ тѣхъ же плакатахъ „еврейскимъ обществамъ“, жительствующимъ въ присоединенныхъ городахъ и земляхъ, обѣщано, что они будутъ сохранены при тѣхъ свободахъ какими они пользовались ²⁾).

Къ такимъ обществамъ, присоединеннымъ къ Россіи, нельзя было, конечно, примѣнять постановленіи объ иностранцахъ. Тѣмъ не менѣе они были примѣнены въ 1799 году и къ евреямъ, оказавшимся въ присоединенномъ къ Россіи герцогствѣ Курляндскомъ, причемъ, даже прибавлено: „а которые изъ евреевъ по точному изслѣдованію не въ состояніи заплатить трехгодичной подати, таковыхъ высылаютъ за границу и безъ оного платежа“ (П. С. З. № 18.889). Это дополненіе отмѣнено уже въ слѣдующемъ 1800 году: евреевъ, не могущихъ заплатить, какъ и бродягъ иностранцевъ, велѣно отправлять на работу на рудокопные заводы (П. С. З. № 19.409).

Это, впрочемъ, единственный случай, когда еврей—коренные жители присоединенныхъ губерній, квалифицировались какъ иностранцы, когда имъ предоставлялось выбрать себѣ отечество. Въ правилахъ о временномъ пребываніи евреевъ внѣ черты имѣются нѣкоторые отзвуки отношенія первобытныхъ народовъ къ иностранцамъ, но лишь потому, что таковыми же были въ то время отношенія не только къ иноземцамъ, пріѣзжающимъ для торговли, но и къ иногороднимъ купцамъ, которымъ въ чужомъ городѣ предоставляется жить и торговать только временно. Такъ, въ законѣ 1824 года объ иногороднихъ купцахъ постановлено: „пріѣзжимъ купцамъ и всякаго званія людямъ, равно какъ и евреямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено только временное пребываніе, запрещается продажа товаровъ изъ домовъ или раз-

¹⁾ П. С. З. № 15935.

²⁾ См. мою статью: Екатерина II. Восходъ. 1896 г., ноябрь, стр. 134, 135

носомъ, подъ опасеніемъ конфискаціи оныхъ“¹⁾. Тоже повторено въ законѣ 1827 г. специально о евреяхъ, пріѣзжающихъ во внутреннія губерніи Россіи. Они не могутъ продавать ни въ лавкахъ, ни въ своихъ квартирахъ, тѣмъ менѣе въ разноску, никакихъ товаровъ, ни издѣлій ни чужихъ, ни своихъ. Имъ можетъ быть разрѣшено полицейскимъ начальствомъ пребываніе въ городахъ не болѣе 6-ти недѣль²⁾. Эти правила дѣйствовали въ средніе вѣка въ Европѣ не только по отношенію къ купцамъ иностранцамъ, но и по отношенію къ иногороднимъ купцамъ. Срокъ пребыванія въ чужомъ городѣ обыкновенно ограничивался шестью недѣлями или 40 днями, т. е. временемъ продолженія ярмарки³⁾, они не вправѣ были продавать товары въ розницу въ чужомъ городѣ⁴⁾.

Но эти и другія постепенно образовавшіяся правила временнаго пребыванія евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ были лишь послѣдствіемъ того, что евреямъ воспрещено было водвореніе во внутреннихъ губерніяхъ, приписка къ городскимъ обществамъ внѣ черты. Какъ уже указано мною въ другомъ мѣстѣ, евреи были приписаны къ кагаламъ и могли перейти на постоянное жительство въ другой городъ, водвориться тамъ, лишь приписавшись къ существовавшему тамъ еврейскому обществу, къ кагалу⁵⁾. О припискѣ евреевъ къ городамъ внутреннихъ губерній не могло быть и рѣчи, такъ какъ кагаловъ тамъ не было. Это начало и было примѣнено въ 1791 г., когда впервые возникъ вопросъ о запискѣ евреевъ въ смоленское и московское купечество. Указъ, состоявшійся въ этомъ году, гласить: „Евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутреннія російскія города и порты, а только по указамъ нашимъ дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи“⁶⁾.

¹⁾ П. С. З. № 30.115.

²⁾ В. П. С. З. № 1115.

³⁾ См. мои „Очерки сравн. этногр.“ СПб. 1887 г. стр. 219.

⁴⁾ І. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи эконо. быта. СПб. 1910, стр. 68, 203.

⁵⁾ См. мою статью: Екатерина II. Восходъ, 1896, ноябрь, стр. 145.

⁶⁾ П. С. З. № 17.006.

Во внутреннихъ губерніяхъ имъ, какъ и вообще иногороднимъ жителямъ, дозволялось только временное пребываніе, что и указано въ § 28 Положенія 1804 года.

Къ переселенію городскихъ жителей-посадскихъ изъ одного города въ другой руссiйское государство относилось враждебно. Оно допускало и практиковало принудительное переселеніе для разныхъ цѣлей, но не самовольное. Уложеніе Алексѣя Михайловича принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ для прикрѣпленія жителей къ посадамъ (гл. XIX ст. 19—32). Оно предписываетъ сыскивать посадскихъ, покинувшихъ тягло, „и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живаль напредъ сего, безлѣтно и безповоротно“ (гл. XIX ст. 13). Конечно, посадскіе уходили, бѣгали, какъ и крестьяне. Руссiйское государство мирится съ этимъ фактомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещаетъ въ 1682 г. впредь переходъ съ посада на посадъ ¹⁾. Эта прикрѣпленность городскихъ жителей къ мѣстамъ ихъ жительства продолжала существовать и впослѣдствіи, въ теченіи всего XVIII вѣка. „Свобода перехода изъ одного города въ другой, говоритъ Дитятинъ, по общему правилу недопускалась... Она допущена лишь какъ исключеніе въ Бѣлороссіи по указу 1782 года въ виду ожидаемаго отъ сего приращенія казенныхъ интересовъ“ ²⁾. Установленіе Городовымъ Положеніемъ 1785 г. особаго городского сословія-иногороднихъ и иностранныхъ гостей лишено было всякаго значенія, ибо на самомъ дѣлѣ такихъ иногороднихъ гостей нигдѣ не было и вслѣдствіе прикрѣпленности городскихъ жителей и быть не могло. Даже въ Петербургѣ изъ всѣхъ шести сословій, изъ которыхъ должна выбираться шестигласная дума, въ 40-хъ годахъ XIX вѣка было только купечество, мѣщане и ремесленники, (обывательскихъ книгъ, гдѣ должны были записываться эти сословія, нигдѣ не вели ³⁾). Такимъ образомъ и о запискѣ евреевъ-купцовъ внѣ мѣстъ ихъ жительства для постоянного водворенія не могло быть и рѣчи.

Понятно, что отъ благодѣяній русскаго правительства, отъ двойныхъ податей, еврейское населеніе все болѣе и

¹⁾ П.С.З. 980.

²⁾ Дитятинъ, Устр. гор. I, 401.

³⁾ Дитятинъ, II, стр. 157, 248.

болѣе старалось уклоняться: уходило изъ городовъ, гдѣ были записаны, въ другіе города, а въ особенности въ деревни, гдѣ они были внѣ предѣловъ досягаемости кагаловъ. Это, какъ мы знаемъ, противорѣчило основному положенію, господствовавшему въ Россіи, какъ въ XVII такъ и въ XVIII в.: жители селъ не въправѣ переселяться въ города и, наоборотъ, иногородніе не въправѣ водвориться въ другомъ городѣ. Въ рукахъ горожанъ должна быть сосредоточена промышленность и торговля, а крестьянамъ и другимъ людямъ запрещено владѣть на посадѣ или въ городѣ промышленными заведеніями. Такимъ образомъ, пребываніе евреевъ въ деревняхъ было недопустимо. Это, какъ мы знаемъ, противорѣчило и требованіямъ фиска: населеніе должно быть прикрѣплено къ мѣсту приписки.

И вотъ уже тогда, въ концѣ XVIII в., у государственныхъ людей того времени возникла мысль, что надо всѣхъ этихъ евреевъ, живущихъ по селамъ—арендаторовъ земель, корчемъ или упражняющихся въ какихъ либо промыслахъ (такъ этихъ жителей селъ характеризуетъ указъ 1776 года) переселить изъ деревень въ города, ибо въ деревняхъ имъ дѣлать нечего, а въ городахъ кагалы съ нихъ будутъ взysкивать подати какъ слѣдуетъ.

Эта мысль примѣняется въ 1795 году къ Минской губерніи. Предписывается „стараться переселять ихъ въ уѣздные города, дабы сіи люди не скитались во вредъ обществу (т. е. кагалу), но, производя торги и размножая руководѣлія и ремесла, и себѣ прибыль и обществу пользу приносили“ (П. С. З. № 17327).

Мысль о принудительномъ выселеніи изъ селъ въ города была примѣнена ко всѣмъ евреямъ по Положенію 1804 года, начиная съ 1807 и 1808 г.г. Для приличія запрещеніе селиться въ деревняхъ направлено якобы къ тому, чтобы воспрепятствовать торговлѣ евреевъ виномъ въ деревняхъ, экономическому гнету шинкарей надъ крестьянскимъ населеніемъ. Именно для этого еврей «ни въ какой деревни и селѣ не можетъ содержать никакихъ арендъ, шинковъ, кабаковъ и постоянныхъ дворовъ ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, ни продавать въ нихъ вина и даже жить въ нихъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, развѣ проѣздомъ». (ст. 34 Пол. 1804 г.) Этотъ мотивъ внесенъ Дер-

жавиннымъ. Но какъ онъ самъ относился къ нему, видно изъ воспроизведеннаго Ю. И. Гессеномъ письма его отъ 5 іюля 1800 года къ Оболянинову: „Трудно безъ прегрѣшенія и по справедливости кого либо строго обвинять,—писалъ онъ Оболянинову,—крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ, и оттого терпятъ недостатокъ въ ономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для пропитанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ. Словомъ, надобно бы всѣмъ сохранить умѣренность и черезъ то пользоваться общимъ благоденствіемъ. Но гдѣ же, и кто таковъ, кто бы въ полной мѣрѣ соблюдалъ оную? Всякъ себѣ желаетъ больше выгодъ“¹⁾).

Впрочемъ, мнѣніе Державина, противорѣчащее его официальной запискѣ, характеризуетъ больше всего его самого, а вотъ выводъ, къ которому пришелъ комитетъ, учрежденный по вопросу о выселеніи евреевъ изъ селъ въ 1812 году. «Помѣщики, ищущіе прибытковъ въ продажѣ вина, не перестанутъ искать ихъ и въ то время, когда на мѣсто евреевъ будутъ имъ услуживать въ томъ христіане, которые, заступивъ мѣсто евреевъ, найдутся принужденными поступать такъ же, какъ и евреи; извѣстно, впрочемъ, что сіи послѣдніе никогда продажею вина не обогащались, а извлекали одно только пропитаніе и удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей». ²⁾ Почти всѣ жившіе въ деревняхъ евреи были нищіе и это засвидѣтельствовано въ указѣ 1809 года о приостановленіи выселенія евреевъ. Тамъ указано, что переселеніе евреевъ по назначенію невозможно: „Невозможность сія не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что евреи, по нищетѣ ихъ, не имѣютъ самихъ способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избрать они должны. Правительство равнымъ образомъ не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ“. (П. С. З. № 23435).

¹⁾ Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи. СПб. 1906, стр. 311.

²⁾ Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи, стр. 333. См. также „Русскій Архивъ“, 1903 г. февраль.

Не допуская жительства евреевъ въ селахъ, поскольку они занимаются торговлей, такъ какъ они могли ускользнуть отъ обложенія податями, російское государство однако могло допустить водвореніе ихъ въ селахъ цѣлыми группами для занятія земледѣліемъ, такъ какъ предъ лицомъ казны оказывалось отвѣтственное за платежи общество-кагалъ. Отсюда и мысль объ образованіи земледѣльческихъ колоній на казенныхъ земляхъ изъ тѣхъ евреевъ, которые вынуждены были уходить изъ селъ и изъ городской голытьбы. Конечно, на нѣсколько лѣтъ требовались льготы отъ повинностей для переселенцевъ, но рассчитывали, что съ теченіемъ времени способность къ платежу государственныхъ повинностей явится. Именно поэтому было предписано съ самаго начала образовывать участки такимъ образомъ, чтобы евреи могли селиться особенно отъ другихъ поселянъ „для сохраненія пользы евреевъ въ разсужденіи ихъ вѣры, да и имѣть надъ ними, со стороны начальства, лучший надзоръ“¹⁾. Свыше 10.000 евреевъ, дѣйствительно, ушло изъ Бѣлоруссіи и Литвы въ Новороссію и значительная часть ихъ, дѣйствительно, образовала колоніи, но, благодаря попечительному начальству, назначенныя въ ихъ пользу пособія для первоначальнаго поселенія, были въ значительной мѣрѣ расхищены и дальнѣйшее поселеніе евреевъ въ Новороссію было приостановлено въ 1810 году²⁾. Само собой разумѣется, что мѣстное начальство приписывало неудачу въ дѣлѣ устройства колоній на первыхъ порахъ, выразившуюся въ большой смертности среди поселенцевъ, ихъ собственной винѣ. Херсонскій военный губернаторъ доносилъ, „что по непривычкѣ евреевъ къ хлѣбопашеству и по нечистотѣ въ житіи ихъ, смертность между ними весьма велика, и что переселять ихъ болѣе не должно, развѣ чрезъ два или три года по испытаніи склонности ихъ къ сему роду жизни“ (П. С. З. 1810 г. № 24.185 а).

Отъ такихъ мѣръ нужда среди евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи не уменьшилась. Отчасти по этой причинѣ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что закономъ 1810 года окладъ податей былъ вообще возвышенъ до 2-хъ рублей, при-

¹⁾ Никитинъ. Еврей-земледѣльцы, Спб. 1887, стр. 10.

²⁾ Никитинъ. Еврей-земледѣльцы, стр. 30.

чемъ, въ 1811 году была сдѣлана новая прибавка „для ускоренія уплаты государственныхъ долговъ“, ¹⁾ двойныя подати съ евреевъ были отмѣнены. Это не облегчало положенія евреевъ, такъ какъ этими и другими прибавками подушная подать вообще доведена была до 3 руб. 30 коп. въ 1818 году.

Тѣмъ не менѣе, русское правительство, какъ видно изъ указа отъ 1824 года, пришло въ большое уныніе отъ того, что оно не можетъ извлекать изъ евреевъ больше доходовъ, больше денежной пользы. Въ этомъ указѣ оно признается, что „мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени пользы для государства, составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и взысканіемъ средствъ къ переводенію евреевъ изъ селеній въ города, не могли имѣть доселѣ вполнѣжелаемаго успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя въ облегченіе ихъ отъ уплаты значительныхъ недоимокъ, или къ устраненію утайки душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны увеличенія казенныхъ доходовъ, евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало бы ожидать по ихъ числу и промышленности, и каковую имѣетъ государство отъ прочихъ жителей. Между тѣмъ число евреевъ мужескаго пола по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1804 году, составлявшее всего не болѣе 175.000 душъ, нынѣ возросло слишкомъ до 400.000, не включая множества пропущенныхъ по ревизіи, доселѣ безпрестанно обнаруживаемыхъ, ни прибывшихъ послѣ оной, которые для избѣжанія податей укрываются отъ переписи“ (П. С. З. № 30.004).

До чего доходили падавшія на евреевъ тяготы, видно изъ того, что на евреевъ Подольской губерніи, составлявшихъ 66.015 душъ, количество недоимки, какъ сказано въ положеніи Комитета Министровъ 1825 года, „умножилось вдругъ до 1.618.745 руб., къ платежу коихъ вмѣстѣ съ накопляющимися непрерывно текущими податями, многіе кагалы оказываются несостоятельными, даже и при допущенной ревизивавшими губернію сенаторами 6 лѣтней съ 1820 года разсерчкѣ“ (П. С. З. № 30.318).

¹⁾ Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. СПб. 1879 г., стр. 10.

Стремленіе къ прикрѣпленію населенія для обложенія его податью вызывало, конечно, съ другой стороны уклоненіе отъ переписей, образованіе большаго или меньшаго числа не попавшихъ въ перепись, такъ наз. „прописныхъ душъ“. Крупной государственной заботой и являлось по-этому, говоря словами П. Н. Милюкова, ловля податнаго субъекта, 1) принятіе мѣръ противъ утайки душъ (взиманіе подушныхъ въ двойномъ размѣрѣ), а затѣмъ и противъ недоимочности населенія. Еще въ уставѣ о податяхъ, изд. 1857 г., имѣлись такія мѣры воздѣйствія на государственныхъ крестьянъ.

„Если недоимки происходятъ отъ дурного поведенія, нерадѣнія, лѣни, упорства, то обличенные въ томъ подвергаются исправительному наказанію. Если за всѣми принятыми мѣрами крестьянинъ окажется неисправнымъ не по несчастью, а по крайнему нерадѣнію или распутству, то сельскій сходъ можетъ составить приговоръ объ отдачѣ такого крестьянина въ рекруты; а если онъ въ рекруты не годится и дурного поведенія, то общество имѣетъ право постановить приговоръ объ отсылкѣ такого крестьянина на поселеніе“ (624 и 625 Уст. о под.). О мѣрахъ противъ евреевъ рѣчь впереди.

III.

Окончательное прикрѣпленіе отдѣльныхъ евреевъ къ общинамъ, въ которыхъ они жили, закрѣпленіе всѣхъ евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости произведено введеніемъ новой государственной повинности съ евреевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, рекрутской, и именно съ цѣлью бездоимочнаго отправленія ими этой повинности. Уставъ рекрутской повинности и военной службы евреевъ, изданный въ 1827 г., возлагаетъ исправленіе этой повинности на отдѣльныя общества еврейскія и независимо отъ христіанъ (§ 13). На еврейскихъ обществахъ лежала отвѣтственность за точное и правильное исполненіе отдѣльными семействами этой повинности (§ 24).

¹⁾ См., между прочимъ, П. С. З. 1817. № 26.805, 1822 г. № 28.931.

А отвѣтственность заключалась въ томъ, что если требуемое число рекрутъ не будетъ своевременно представлено, т. е. очередныя семейства не поставятъ рекрутовъ, то губернское начальство беретъ ихъ въ данномъ обществѣ посредствомъ экзекуціи (§ 32). Непоставленнымъ рекрутомъ считается не только такой, который найдетъ средство укрыться отъ рекрутской повинности во время набора (§ 52), но и такой, который убѣжалъ, будучи принятымъ на военную службу, но еще не поступилъ подъ собственный надзоръ военнаго начальства (§ 80). Общество, не дожидаясь поимки бѣглеца, обязано представить въ теченіе трехъ дней другого (81). [Возлагая такую отвѣтственность на еврейскія общества, руссійское государство вполне логично вооружило эти общества такими средствами понужденія членовъ общества, которыя обращали ихъ въ совершенно подневольныхъ людей. Евреи, принадлежащіе къ обществу, не только обязаны были повиноваться его распоряженіямъ, какъ сказано въ 43 ст. Евр. Рекр. Уст., но они могли быть отданы обществомъ въ рекруты во всякое время за неисправность въ податяхъ, за бродяжество и другіе непорядки и такіе рекруты зачитывались обществу при будущемъ наборѣ (§§ 34 и 35). Обществу предоставлялся полный произволъ по отношенію къ столь жестокой повинности, какой являлась рекрутская для всѣхъ податныхъ классовъ и въ особенности для евреевъ, именно съ той цѣлью, чтобы эта повинность исполнялась во что бы то ни стало. Само собою разумѣется, что наставленіе, данное Евр. Рекр. Уставомъ Губернскому Правленію, чтобы оно при представленіи обществами рекрутъ безъ очереди, подъ предлогомъ пороковъ, не допускало притѣсненія людей бѣдныхъ и хорошаго поведенія за поступки, единственно противныя суевѣрію или злоупотребленіямъ (§ 16 Доп. къ Рекр. Уст.), лишено было всякаго практическаго значенія, или вѣрнѣе, имѣло лишь то вполне практическое значеніе, что вызывало необходимость воздаянія должнаго совѣтникамъ Губернскаго Правленія въ каждомъ данномъ случаѣ, т. е. соотвѣтствующей денежной мзды со стороны обществъ.

Совокупное дѣйствіе подушной подати и рекрутской повинности породило въ 40-хъ, а въ особенности въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка тотъ адъ, слабое представленіе,

которомъ можно получить изъ трехъ законовъ, изданныхъ въ 1856 и 1857 годахъ, отмѣнявшихъ все то, что нагромозжено было рукою государственныхъ фельдфебелей. По первому закону отмѣненъ былъ приѣмъ въ рекруты малолѣтнихъ дѣтей и представленіе обществами въ рекруты пойманныхъ безпаспортныхъ ¹⁾. По второму закону отмѣнено было правило, по которому за укрывшагося малолѣтняго брали съ общества штрафныхъ двухъ рекрутъ ²⁾ и правило, по которому и сами властители кагала, повѣренные обществъ, въ видѣ штрафа за недоборъ отдавались въ солдаты, и, въ случаѣ неспособности къ службѣ, въ арестантскія роты ³⁾. Наконецъ, третьимъ закономъ отмѣнено правило, по которому за недоимку въ 2.000 руб. брали съ общества рекрута въ видѣ пени, безъ зачета ⁴⁾.

Тогдашняя государственная мудрость успѣла, однако передать кое что и нынѣшнему времени. По закону 1851 года П. С. З. № 25,167) еврейское общество, въ которомъ укрывалось лицо, бѣжавшее отъ рекрутчины, подвергалось взысканію въ размѣрѣ 300 руб., а лицо, поймавшее еврея, скрывавшагося отъ рекрутской очереди, получало вознагражденіе въ размѣрѣ 30 рублей. Несмотря на отмѣну рекрутскаго Устава со всѣми его дополненіями, закономъ 12 апрѣля 1886 г. вновь возстановленъ и введенъ въ Уст. о воинск. повинн. штрафъ въ 300 рублей., но онъ наложенъ на членовъ рода (неправильно сказано семья, ибо даже дѣдъ и бабка отвѣтственны) того лица, которое уклонилось; возстановлено и вознагражденіе за поимку уклонившагося еврея въ нѣсколько большемъ размѣрѣ (395 ст. Уст. по изд. 1897 г.).

Такимъ образомъ, существовавшая система взиманія налоговъ и отбыванія государственныхъ повинностей неизбежно влекла за собою прикрѣпленіе евреевъ къ обществамъ — кагаламъ и недопустимость перехода отдѣльных лицъ или семействъ въ мѣстности, гдѣ кагаловъ не было.

Мнимое уничтоженіе кагаловъ, будто бы произведенное въ 1844 году, на самомъ дѣлѣ было только обезглавленіемъ

¹⁾ П. С. З. 1856, № 30888.

²⁾ П. С. З. 1840, № 13751.

³⁾ П. С. З. 1857, № 31420.

⁴⁾ П. С. З. 1857, № 3736.

кагаловъ, лишеніемъ ихъ той доли автономіи, которая принадлежала представительству еврейскому въ каждомъ городѣ—кагальнымъ и которой они пользовались, какъ во вредъ евреямъ, такъ и на пользу ихъ. Но кагалы продолжали существовать въ томъ смыслѣ, что все еврейское общество отвѣчало за повинности, лежавшія на отдѣльных лицахъ, что продолжала существовать круговая порука ихъ другъ за друга, что раскладка государственныхъ податей производилась самимъ обществомъ, и что они выбирали своихъ особыхъ сборщиковъ податей, ихъ помощниковъ и рекрутскихъ старостъ (П. С. З. 1844 г. № 18546). Также, какъ и прежде, общества уплачивали по числу ревизскихъ душъ за убылыхъ, старыхъ, увѣчныхъ и убогихъ. Не только мѣщане, но и купцы-евреи участвовали по тому городу, къ которому были приписаны, въ платежѣ податей и повинностей за мѣщанъ, если гильдейскія повинности составляли меньшую сумму, чѣмъ слѣдуетъ съ мѣщанъ съ надбавочными за неимущихъ (Пол. 1835 г. ст. 72—74).

Правило это введено въ 1831 году и безъ всякой надобности оправдывается въ законѣ, которымъ оно вводится, мотивомъ этнографическаго свойства, а именно, что по удостоверенію Еврейскаго Комитета, «еврейскіе купцы и мѣщане по ученію ихъ вѣры составляютъ одно общество, и затѣмъ, для надежнѣйшаго обезпеченія казны въ податяхъ и повинностяхъ, должны оказывать взаимную помощь мѣщанамъ» ¹⁾.

Дѣло, конечно, не въ экспертизѣ чиновниковъ еврейскаго комитета и не въ солидарности евреевъ по ихъ вѣрѣ, а въ принципахъ русскаго государства, которое не мыслило еврея, хотя бы и купца, производящаго особые (гильдейскіе) платежи, отдѣльно отъ общества еврейскаго, и избавленнаго отъ круговой поруки, лежащей на всякомъ, входящемъ въ составъ кагала. Мы уже видѣли, до какихъ размѣровъ доводилась круговая отвѣтственность членовъ еврейскихъ обществъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Никакой ссылки на еврейскую вѣру и народные обычаи въ этихъ случаяхъ не понадобилось. Достаточно вспомнить, что и по отношенію къ недоимочнымъ крестьянскимъ обществамъ Уставъ о податяхъ

¹⁾ П. С. З. № 4876.

по изд. 1857 г. предоставлялъ начальникамъ губерній „въ случаѣ безуспѣшности обыкновенныхъ мѣръ полицейскаго понужденія—употреблять, по соглашенію съ военнымъ начальствомъ, военную экзекуцію, но въ крайнихъ случаяхъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ окажется наиболѣе упорства“ (547 ст. Уст. о под.), т. е. крестьянскія общества отдавались на разграбленіе. При чемъ же тутъ еврейская вѣра?

Эти мѣры взысканія недоимокъ довольно часто практиковались, какъ по отношенію къ крестьянскимъ, такъ и по отношенію къ еврейскимъ обществамъ, ибо по тому же Уст. о подат., начальники губерній, въ случаѣ непринятія энергическихъ мѣръ, „яко недостойные довѣренности, съ званіемъ ихъ сопряженной, обращаютъ на себя лично всю строгость законовъ и праведный гнѣвъ Императорскаго правосудія“ (Ст. 511 Уст. о под.).

IV.

То положеніе, что черта осѣдлости—лишеніе евреевъ свободы передвиженія вызвано системой отбыванія податей и повинностей можетъ быть провѣрено въ настоящее время. Въ законахъ о чертѣ осѣдлости произведена была брешь только тогда, когда одинъ изъ источниковъ этого законодательства изсякъ. Въ 1856 г. евреи купцы были освобождены отъ обязанности участвовать въ тѣхъ городахъ, гдѣ они записаны, въ платежѣ податей и повинностей за убылыхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ и убогихъ евреевъ-мѣщанъ (П. С. З. № 31105). Въ 1859 г. была учреждена коммисія для пересмотра системы податей и сборовъ, которая пришла къ выводу, что „безъ совершенной отмѣны подушной системы нельзя достигнуть существеннаго улучшенія въ устройствѣ прямыхъ податей“ ¹⁾. Отмѣна подушной подати съ мѣщанъ произошла въ началѣ 1863 г. (П. С. З. № 39119). Въ томъ же году, въ которомъ учреждена была упомянутая коммисія, а именно въ 1859 г. евреямъ купцамъ 1 гильдіи предоставлено право жительства и торговли

¹⁾ Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. 1879 г. СПб. стр. 141.

внѣ черты осѣдлости евреевъ (П. С. З. № 34248). Такъ какъ купцы-евреи, какъ и купцы вообще, были свободны отъ исполненія рекрутской повинности (Евр. Рекр. Уст. § 58, П. С. З. 1829 г. № 3168), то связь ихъ съ обществами черты осѣдлости основана была лишь на отвѣтственности ихъ за исправный платежъ податей мѣщанами-евреями. Устраненіе этой отвѣтственности влекло за собою и уничтоженіе связи, которая до того существовала, тѣмъ болѣе, что въ 1859 г. и самая подать, взимаемая съ мѣщанъ, уже предназначена была къ уничтоженію.

Этимъ я не хочу сказать, что съ уничтоженіемъ разума, смысла закона, основной причины его возникновенія, всегда исчезаетъ и самый законъ, что *cessante ratione, cessat lex ipsa*. Напротивъ, законы весьма часто переходятъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, подобно наслѣдственнымъ болѣзнямъ. То, что было разумно, становится безсмыслицей, то, что было благодѣяніемъ, становится бѣдствіемъ.

Es erben sich Gesetz und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte
Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage;
Weh dir, dass du ein Enkel bist.

Тѣ же условія, которыя расчистили путь для предоставленія права жительства внѣ черты евреямъ-купцамъ 1 гильдіи, должны были бы повести къ предоставленію этого же права купцамъ 2 и 3 гильдіи (тогда еще были три гильдіи).

И дѣйствительно. Въ томъ же 1859 году въ городахъ Николаевѣ и Севастополѣ предоставляется право водворенія и торговли евреямъ—купцамъ всѣхъ трехъ гильдій (П. С. З. № 34691), въ 1860 г. это право предоставляется въ г. Ялтѣ опять таки евреямъ-купцамъ всѣхъ трехъ гильдій (П. С. З. № 36029).

Сохраненіе безправія купцовъ-евреевъ 2 и 3 гильдіи по отношенію къ водворенію во внутреннихъ губерніяхъ не находится ни въ какой связи съ системой отбыванія податей, является аномаліей и, слѣдовательно, можетъ быть объяснено лишь наслѣдственностью болѣзни. Это и есть подкладка обычнаго афоризма: нельзя же все вдругъ.

Само собою разумѣется, что евреямъ, получившимъ ученые степени, которые по общему правилу исключались изъ податного состоянія, т. е. не платили податей и не отбывали рекрутской повинности, могло быть предоставлено право жительства внѣ черты осѣдлости безъ всякихъ затрудненій. Это и было сдѣлано въ 1861 г. (П. С. З. № 37684).

Отмѣна подушной подати съ мѣщанъ и ремесленниковъ, уничтожая отвѣтственность еврейскихъ обществъ за платежъ податей, не устранила солидарной отвѣтственности еврейскаго мѣщанскаго общества по платежу государственнаго земскаго сбора, который является крайне тягостнымъ для податныхъ сословій—крестьянъ и мѣщанъ. „Мы встрѣчаемся, говоритъ проф. Алексѣенко, въ дѣлѣ государственнаго земскаго сбора со знакомыми уже (по подушной подати) предметами обложенія—съ ревизской душой, причѣмъ затрагиваются и мѣщане, съ которыхъ подушная подать отмѣнена“ ¹⁾. Реформа этого налога въ 1875 г. нисколько не измѣняетъ характера его, въ той мѣрѣ, какъ онъ падаетъ на мѣщанъ. „Подушный сборъ съ мѣщанъ взимается подъ названіемъ окладнаго сбора тѣмъ же порядкомъ, какой былъ установленъ для подушнаго сбора съ мѣщанъ“ ²⁾, т. е. съ ревизской души. Такимъ образомъ, отмѣна подушной подати въ собственномъ смыслѣ не устранила отвѣтственности еврейскаго общества за отдѣльныхъ евреевъ по данному налогу и зависимости ихъ отъ общества. Отмѣна подушной подати не устранила и другого основнаго условія, вызывавшаго прикрѣпленіе евреевъ мѣщанъ и ремесленниковъ къ обществу, не упразднило другого кита, на которомъ покоилась черта осѣдлости. Отбываніе рекрутской повинности по прежнему лежало на отвѣтственности еврейскихъ обществъ. Вотъ почему евреямъ-ремесленникамъ предоставлено въ 1865 году право жительства внѣ черты осѣдлости только по узаконеннымъ паспортамъ (П. С. З. № 42264). Они, слѣдовательно, продолжали оставаться тѣсно связанными съ еврейскими обществами, откуда они переселились. Эта принудительная связь не прерывалась, хотя бы ремесленники никогда не возвращались на родину.

¹⁾ Алексѣенко стр. 129.

²⁾ Алексѣенко стр. 133.

Напротивъ, упраздненіе отдѣльнаго сословія отставныхъ солдатъ и солдатскихъ дѣтей и предоставленіе отставнымъ солдатамъ права приписаться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ по ихъ усмотрѣнію въ теченіе извѣстнаго срока было распространено на отставныхъ солдатъ-евреевъ. Рекрутская повинность порвала ихъ связь съ еврейскими обществами и она не возстановлялась противъ ихъ воли.

Точно также фармацевтамъ, дантистамъ и фельдшерамъ предоставлено въ 1879 г. повсемѣстное право жительства (П. С. З. № 59236), ибо и они при полученіи дипломовъ исключались изъ податнаго сословія ¹⁾.

Введеніе всеобщей воинской повинности въ 1874 году на тѣхъ началахъ, на которыхъ она первоначально была устроена, могло вообще упразднить прикрѣпленіе евреевъ къ еврейскимъ обществамъ въ чертѣ осѣдлости, если бы не продолжалось существованіе взимавшагося съ мѣщанъ окладного сбора. Всякіе подушные сборы съ крестьянъ и мѣщанъ отмѣнены во всей имперіи, кромѣ Сибири, лишь указомъ 25 мая 1885 г. съ 1 января 1887 г. ²⁾. Прикрѣпленіе массы евреевъ къ чертѣ осѣдлости все еще сохранялось въ интересахъ фиска.

Да и съ воинской повинностью произошла метаморфоза. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ круговая порука евреевъ, призываемыхъ по данному участку за другихъ евреевъ того же призывного участка, была возстановлена.

По закону 3 февраля 1876 г. только за неспособныхъ или неявившихся къ призыву евреевъ отвѣчали своею шкурой другіе евреи того же участка; впослѣдствіи же число этихъ случаевъ замѣны еврея евреемъ расширилось до полной круговой поруки по всякимъ случайностямъ, (ст. 172 по изд. 1897 г.). По закону 9 мая 1878 г. даже перволюготные евреи принимаются за недостающихъ почему либо евреевъ (прим. къ 174 ст.), между тѣмъ какъ перволюготные христіане никогда на службу не принимаются, а зачисляются въ ополченіе (ст. 176). Для того, чтобы обезпечить возможность пополненія недостающаго числа евреевъ ев-

¹⁾ Уст. о подат. изд. 1857 г. ст. 312.

²⁾ Янжуль. Основныя начала финансовой науки. СПб. 1895 г., стр. 328. Ст. 2 Уст. о под. по прод. 1887 г.

реями же, закономъ 12 апрѣля 1886 г. перечисленіе въ предѣлахъ одного и того же уѣзда изъ городского въ сельскій участокъ, или изъ одного сельскаго участка въ другой вовсе воспрещено. Въ участки другихъ уѣздовъ и губерній перечисленіе допускается только тогда, когда призываемые имѣютъ тамъ право жительства (здѣсь разумѣются губерніи внѣ черты и сельскія мѣстности внутри черты) и прожили тамъ два года. При этомъ перечисляющіеся въ участки внѣ черты, хотя бы имѣли тамъ право жительства, теряютъ всѣ льготы по семейному положенію (ст. 139). Все это дѣлается, конечно, для того, чтобы они вѣрнѣе могли попасть на солдатскую службу. По разъясненіямъ Сената ремесленники-евреи не могутъ перечисляться въ участки внѣ черты осѣдлости, такъ какъ права постояннаго жительства они тамъ не имѣютъ—они живутъ тамъ только по паспортамъ ¹⁾. Уже эти мѣры должны были косвенно способствовать прикрѣпленію евреевъ къ чертѣ. Но независимо отъ этихъ мѣръ для того, чтобы возстановить черту по возможности въ прежнемъ видѣ, изданы новые законы и соотвѣтствующимъ образомъ истолковывались прежніе.

Въ 1880 г. евреямъ воспрещено водворяться и пріобрѣтать или арендовать недвижимыя имущества въ землѣ Войска Донскаго (П. С. З. № 60.970). Въ 1891 г. ремесленникамъ-евреямъ воспрещено переселяться въ Москву и Московскую губернію, какъ изъ черты, такъ и изъ другихъ мѣстностей Россіи. (П. С. З. № 7581). Въ 1892 г. воспрещено переселеніе въ Москву и Московскую губернію отставныхъ солдатъ-евреевъ (П. С. З. № 8951). Въ томъ же году воспрещено водвореніе евреевъ въ Кубанской и Терской областяхъ (П. С. З. № 8745). Въ 1893 г. воспрещено переселеніе евреевъ въ Ялту (П. С. З. № 9659). Въ 1897 г. воспрещено жительство въ Москвѣ и Московской губерніи фармацевтовъ, фельдшеровъ и акушеровъ (П. С. З. № 4631). Въ 1899 г. воспрещено переселеніе туда купцовъ 1 гильдіи (П. С. З. № 16.384). Въ 1898 г. разъясненіемъ Сената вся Сибирь отрѣзана для евреевъ отъ Россіи. Права жительства, предоставленныя имъ внѣ черты, не относятся будто бы къ Сибири (Рѣшеніе Общ. Собр. 18 декабря 1898 г. № 11).

¹⁾ Горяиновъ. Уст. о Вонн. пов. СПб. 1904 г. тезисъ 932, также 751

Необходимо имѣть въ виду, что такой центръ торговли и промышленности, какъ Москва и Московская губернія, къ которому тяготѣетъ вся Россія, имѣлъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ разрѣженія еврейскаго населенія въ чертѣ. Каменноугольная и желѣзодѣлательная промышленность на югѣ Россіи въ указанныхъ военныхъ областяхъ въ свою очередь привлекала туда евреевъ. Эти области, а также Сибирь и надо было отколотъ отъ Россіи для русскихъ евреевъ. Для сей специальной цѣли они оказываются непринадлежащими къ той російской имперіи, о которой говорится въ льготныхъ законахъ для евреевъ, между прочимъ, въ законѣ, которымъ предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ Россіи купцамъ евреямъ 1 гильдіи.

Но рядомъ съ этой заботой имѣется и другая—устранить евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей и сосредоточить ихъ только въ городахъ, въ чертѣ ли осѣдлости или внѣ черты. Уже въ 1864 г. евреямъ воспрещено пріобрѣтать землю отъ помѣщиковъ и крестьянъ въ 9 западныхъ губерніяхъ (П. С. З. № 41.039). Съ 1865 г. воспрещается въ западныхъ губерніяхъ не только пріобрѣтеніе евреями, но и отдача имъ въ аренду или залогъ участковъ казенныхъ земель, проданныхъ лицамъ русскаго происхожденія (П. С. З. № 42.328 а).

Мѣры эти вызваны политическими событіями, польскимъ возстаніемъ; онѣ примѣнялись и къ полякамъ. Тѣмъ же менѣе ихъ нельзя считать исключительными, преходящими съ минованіемъ того настроенія, которымъ онѣ были вызваны. Впослѣдствіи онѣ были завершены. Правилами 3 мая 1882 года евреямъ запрещено было впредь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдлости, пріобрѣтать, брать въ залогъ и арендовать тамъ недвижимыя имущества (П. С. З. № 834). Въ 1887 г. имъ запрещено было переходить изъ одного селенія, гдѣ они жили, въ другое. (П. С. З. 4924). Наконецъ, въ 1903 г. имъ воспрещено пріобрѣтать въ собственность, а также владѣть и пользоваться недвижимыми имуществами внѣ городовъ и внѣ черты осѣдлости (П. С. З. № 22.932). Этимъ косвенно прекращается общеніе евреевъ съ сельскими мѣстностями внѣ черты въ торгово-промышленномъ отношеніи.

При существованіи подушной подати евреевъ старались переселить въ города „дабы кагалы по крайности имѣли ихъ въ виду“, какъ говорится въ законодательномъ актѣ 1825 г. (П. С. З. № 30.318). Но чѣмъ объяснить это упорное стремленіе переселить въ города послѣ отмѣны подушныхъ сборовъ въ 1885 г. и связанной съ ними поруки еврейскаго общества.

Возвратъ къ старому послѣ происшедшей перемѣны, хотя бы безъ достаточныхъ основаній, атавизмъ, есть явленіе общее физическому и психическому міру человѣка, проявляется и въ индивидуальной жизни, и въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ и сила наслѣдственности идей, привычекъ, учреждений. Они цѣпки, борются за свое существованіе и не даютъ утвердиться вновь народившемуся. Наслѣдственность надо помнить и всегда имѣть въ виду. На это я уже указалъ словами Гете. Это была наслѣдственная болѣзнь. Сколько десятковъ лѣтъ гнали евреевъ изъ селъ и деревень подъ предлогомъ опасности ихъ для крестьянъ, а на самомъ дѣлѣ для болѣе успѣшнаго дѣйствія финансоваго насоса,—и вдругъ стопъ машина. Весь механизмъ губернской и уѣздной власти былъ рассчитанъ на гоненіе евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей. Въ немъ не было надобности для фискальныхъ цѣлей, но воззрѣніе, превратившееся въ догматъ объ опасности непосредственной, топографической близости евреевъ для крестьянъ, воззрѣніе, такъ долго культивировавшееся, продолжало существовать и старый механизмъ продолжалъ дѣйствовать въ 60-хъ и 70-хъ годахъ довольно слабо, а въ концѣ 80 г. съ удвоенной силой. Это усиленное дѣйствіе, и притомъ не кратковременное, нельзя отнести насчетъ наслѣдственности и нельзя приписать его исключительно воздѣйствію вновь возродившейся съ 1876 года круговой отвѣтственности евреевъ по отбыванію воинской повинности. Этотъ факторъ несомнѣнно вліялъ роковымъ образомъ на свободу передвиженія евреевъ. Для успѣшнаго дѣйствія круговой отвѣтственности необходимо было сосредоточить евреевъ именно въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости. Но дѣйствіе этого фактора было бы ослаблено противодѣйствіемъ финансоваго режима, если бы въ немъ были элементы такого противодѣйствія.

Начиная съ 1874 г. евреи настойчиво доказываютъ, что къ набору призываются въ большемъ количествѣ мертвыя души, ибо родившіеся въ одномъ мѣстѣ умирали въ другихъ мѣстностяхъ и свѣдѣнія объ этомъ на мѣстѣ призыва отсутствуютъ, хотя и могли бы быть приняты мѣры къ доставленію такихъ свѣдѣній. Далѣе, съ тѣхъ поръ, какъ началась эмиграція евреевъ въ Америку, явился новый значительный контингентъ мертвыхъ душъ, призываемыхъ къ набору, причѣмъ Сенатъ находитъ вполне правильнымъ замѣну такихъ мертвыхъ душъ другими евреями, явившимися къ призыву¹⁾, т. е. переложеніе на нихъ отвѣтственности за эмигрантовъ.

Такимъ образомъ, уклоняются отъ явки къ призыву въ большемъ числѣ не тѣ молодые люди-евреи, которые имѣются на лицо, а мертвыя души, а потому и выводъ, дѣлаемый изъ этого мнимаго, явно лживаго факта о необходимости принятія мѣръ для устраненія вредныхъ послѣдствій неявки евреевъ къ призыву для христіанскаго населенія, не вытекаетъ изъ него, а является по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы, когда въ полной мѣрѣ выяснена лживость мнимой цифры евреевъ, уклоняющихся отъ отбыванія воинской повинности, клеветой на нихъ со стороны людей, органически неспособныхъ къ воспріятію истины, какъ бы очевидна она ни была.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы заявленія объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности явно не опровергались тѣмъ фактомъ, что призывается ежегодно гораздо большій процентъ 20-лѣтнихъ евреевъ, чѣмъ должно быть по самымъ тщательнымъ вычисленіямъ, гораздо большій процентъ, чѣмъ призывается христіанъ, повторяю, даже въ случаѣ дѣйствительности этого факта возвратъ къ понятіямъ о коллективной отвѣтственности кафѣрскаго крааля, возможенъ лишь тамъ, гдѣ финансовый строй не испытываетъ тѣхъ потерь, которыя онъ испытываетъ въ культурныхъ странахъ отъ примѣненія примитивныхъ возрѣній.

Несомнѣнно, что переложеніе налоговъ съ лица на имущество и торгово-промышленныя предпріятія, въ чемъ въ

¹⁾ Горяиновъ, тез. 784 рѣш. 1899 г.

извѣстной мѣрѣ выражалась дѣятельность финансоваго вѣдомства, въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ, должно было содѣйствовать раскрѣпощенію еврейскаго населенія, внушить всѣмъ власть имущимъ представленіе о томъ, что необходимо устранить всѣ препятствія для свободной инициативы и самостоятельности всѣхъ слоевъ населенія, ибо только эта дѣятельность создаетъ тѣ источники, изъ которыхъ черпаются государственные доходы. Трудно думать, чтобы эта элементарная истина была чужда пониманію финансистовъ-практиковъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они прошли и университетскую школу.

И дѣйствительно, въ той или иной формѣ министры финансовъ, начиная съ 1858 года, не разъ высказывались за дозволеніе евреямъ, занимающимся торговлей и промыслами, селиться во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи ¹⁾ и возставали противъ ограничительныхъ мѣръ. Не противодѣйствовало энергично финансовое вѣдомство стремленіямъ прикрѣпить евреевъ къ городамъ черты осѣдлости, такъ какъ во 1-хъ, до 1885 г. еще продолжали существовать остатки подушной системы, а во 2-хъ, въ законодательныхъ актахъ о налогахъ, явившихся на смѣну подушной подати, имѣются правила, заставляющія мириться съ прикрѣпленіемъ евреевъ къ городамъ въ интересахъ фиска и не считать его большимъ зломъ. Первымъ изъ такихъ налоговъ былъ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

Онъ былъ введенъ въ 1863 году—въ годъ отмѣны подушной подати и былъ предназначенъ именно для возмѣщенія поступленій отъ подушной подати ²⁾. Налогу этому подлежатъ: строенія жилыя, хозяйственные, промышленныя, а также пустопорожнія мѣста, сады и т. д., находящіеся въ предѣлахъ города, или мѣстечка (ст. 82 уст. о Прям. Нал. по изд. 1903). Налогъ этотъ раскладочный. Тѣмъ не менѣе, при вычисленіи губернскихъ и городскихъ контингентовъ, должны быть приняты во вниманіе свѣдѣнія о числѣ, цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ городахъ и мѣстечкахъ. (ст. 88 Уст. Пр. Нал.). Ясно, что

Ю. Гессенъ, см. подъ словомъ Александръ II Евр. Энциклопедія, т. I, стр. 816 и слѣд.

²⁾ Алексѣенко. Дѣйствующіе законы о прямыхъ налогахъ, стр. 70, 72.

безпрепятственное расселеніе евреевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, сообразно ихъ личнымъ выгодамъ и удобствамъ, повлекло бы за собою уменьшеніе губернскихъ и городскихъ контингентовъ, а слѣдовательно, и суммы налога, въ чертѣ осѣдлости, ибо только принудительное пребываніе евреевъ во многихъ изъ этихъ городовъ и мѣстечекъ дѣлаетъ ихъ доходными и цѣнными.

Пошлины за право торговли и другихъ промысловъ—это другой налогъ, введенный Положеніемъ 1863 г. для замѣны въ извѣстной части подушной подати съ мѣщанъ и ремесленниковъ. Устанавливая свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы для лицъ, (мѣщанъ и цеховыхъ), которые занимаются ремеслами съ помощью членовъ своего семейства, т. е. устанавливая суррогатъ подушной подати ¹⁾ безъ круговой ответственности, Положеніе это освобождаетъ отъ пошлины «содержаніе сельско-хозяйственныхъ заведеній—маслобоенъ, лѣсопиленъ, кирпичныхъ заводовъ внѣ городовъ, для переработки матеріала собственнаго или мѣстнаго сельскаго хозяйства, если въ такихъ заведеніяхъ не болѣе 16 работниковъ и если въ нихъ не употребляются машины, или снаряды, приводимые въ движеніе паромъ или водою; содержаніе водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, а также приводимыхъ въ дѣйствіе подвижными паровыми двигателями (локомобилями) если онѣ расположены внѣ городскихъ поселеній и имѣютъ не болѣе 4 поставовъ».

Точно также землевладѣльцы въ своихъ имѣніяхъ и сельскіе обыватели всѣхъ состояній въ мѣстахъ ихъ приписки могутъ безъ платежа пошлинъ содержать на землѣ, состоящей у нихъ въ собственности, пользованіи или въ арендѣ, постоянныя помѣщенія для продажи продуктовъ собственнаго хозяйства (Въ Полож. о госуд. промысл. нал. 1898 г., п. 19-23 ст. 371, права землевладѣльцевъ и сельскихъ обывателей еще болѣе расширены. Текстъ статей нѣсколько измѣненъ). Надо думать, что евреи западныхъ губерній воспользовались бы этими льготами для торговли и промысловъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, если бы имъ не было закрытъ доступъ въ сельскія мѣстности.

¹⁾ Алексѣенко. стр. 93.

Такимъ образомъ, и этотъ налогъ усиливалъ тенденцію сосредоточить евреевъ въ городахъ. Столь же сильно вліялъ въ этомъ отношеніи, т. е. въ усиленіи стремленій къ сосредоточенію евреевъ въ городахъ, и притомъ черты осѣдлости, спеціальныя налоги съ евреевъ—коробочный сборъ. По внѣшнему виду этотъ налогъ, хотя и лишающій еврейскую бѣдноту возможности питаться мясомъ, никакого другого вліянія имѣть не можетъ. Онъ предназначенъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей евреевъ: устройство школъ, больницъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій спеціально еврейскихъ. У государства не было, слѣдовательно, никакого основанія въ интересахъ фиска заботиться объ увеличеніи суммы этого налога, объ увеличеніи числа плательщиковъ его. Но на самомъ дѣлѣ сборъ этотъ, а въ особенности накапливающіеся остатки его, которые должны храниться въ Государственномъ банкѣ для приращенія процентами и употребленія на нужды еврейскихъ обществъ, (ст. 65 Положенія о кор. сб.) расходуются въ значительной мѣрѣ на нужды общегосударственные. Достаточно посмотреть на слѣдующіе цифры изъ смѣты расходовъ по Волынской губерніи. Всего по Волынской губерніи на губернскія, т. е. общія всѣмъ еврейскимъ обществамъ этой губерніи нужды, на четырехлѣтіе съ 1906 по 1910 годъ ассигновано 95 тысячъ рублей. Изъ нихъ на усиленіе средствъ волостныхъ правленій по врученію евреямъ повѣстокъ—52 тысячи рублей, на пособіе Волынскому Губернскому Правленію на дѣлопроизводство—10000 рубл., и на пособіе Канцеляріи Волынскаго Губернатора на тотъ же предметъ—8000 рублей, всего на эти статьи 70 тысячъ изъ смѣты въ 95 тысячъ. Таковы нужды еврейскіе не только въ Волынской, но и въ Кіевской и Подольской губерніяхъ. Возведеніе зданія судебныхъ мѣстъ въ Кишиневѣ на остатки коробочнаго сбора есть одинъ изъ многихъ однородныхъ способовъ расходованія этихъ остатковъ ¹⁾. При такихъ условіяхъ забота объ увеличеніи суммы этого сбора въ интересахъ фиска, объ увеличеніи числа потребителей кошернаго мяса въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости, гдѣ этотъ сборъ взимается, является настоятельной.

¹⁾ Сліозбергъ. Правовое и экономическое положеніе евреевъ въ Россіи. Спб. 1907, стр. 35.

V.

И. Г. Оршанскій указаль, что русское законодательство въ своихъ отношеніяхъ къ евреямъ, между прочимъ, руководствовалось принципомъ пользы ¹⁾. Съ тѣхъ поръ этотъ мотивъ приводится въ видѣ укоризны для русскаго законодательства. Тутъ, повидимому, кроется нѣкоторое недоразумѣніе. Всякое усовершенствованіе культурной жизни пріобрѣтается именно благодаря пользѣ, приносимой этимъ усовершенствованіемъ. Культура потому и совершаетъ побѣдное шествіе по всему міру, что она приноситъ пользу,—и руководствоваться въ дѣлѣ устройства человѣческаго общества вообще и государственной жизни въ частности принципомъ пользы, значить руководствоваться не только почтеннымъ, но и единственно-жизненнымъ мотивомъ. Люди обыкновенно руководствуются принципомъ пользы въ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ и если существуетъ разногласіе, то не въ томъ, слѣдуетъ ли руководствоваться имъ, а въ пониманіи того, что соотвѣтствуетъ этому принципу. Культурные люди и общества считаютъ полезнымъ одно, некультурные—другое. Слѣдовательно, дурно не то, что законодатель данной страны руководствуется принципомъ пользы, а то, что онъ считаетъ полезнымъ нѣчто такое, что съ болѣе культурной точки зрѣнія является вреднымъ или несущественнымъ, дурно то, что у законодателя примитивныя понятія о пользѣ. Это и нужно доказать, а не возмущаться и негодовать по поводу того, что полезность играетъ роль при оцѣнкѣ данной законодательной мѣры.

До тѣхъ поръ, пока въ странѣ прямые налоги взимаются подушно, до тѣхъ поръ полезнымъ будетъ признано все то что способствуетъ прикрѣпленію населенія къ мѣсту его жительства. Конечно, съ точки зрѣнія современнаго чело-вѣка, или вѣрнѣе съ точки зрѣнія интересовъ современнаго культурнаго государства это не только вредно,—это прямое безуміе. Но не слѣдуетъ забывать, что это безуміе властвовало вѣками, что у насъ оно властвовало, какъ мы видѣли и сейчасъ увидимъ, вплоть до конца XIX вѣка. «Гулящихъ или праздныхъ людей, говорить проф. Денъ, наше законо-

¹⁾ Русск. законодательство о евреяхъ. Спб. 1877, стр. 179 и сл. 234 и сл.

дательство такъ же не терпѣло, какъ природа не терпитъ пустаго пространства. Вездѣ, гдѣ оно ихъ находило, оно накладывало на нихъ свою руку и насильно втискивало ихъ въ одну изъ тѣхъ группъ, на которыя распадался податной классъ. Подъ праздными людьми разумѣлись такіе, которые не положены въ окладъ и въ тоже время не несутъ какой либо другой повинности, освобождающей отъ оклада. Отъ такихъ праздныхъ или гулящихъ людей, по мнѣнію законодателя, „государственной пользы надѣяться не мочно, но токмо умножается воровство“¹⁾. Понятно послѣ этого, какъ такое законодательство должно было относиться къ евреямъ, которые, какъ характеризуетъ ихъ законъ 1824 года, воспреещающій переселеніе въ Россію иностранныхъ евреевъ, „переходя съ мѣста на мѣсто, теряются изъ вида мѣстнаго начальства, а потомъ отлучками своими даютъ поводъ къ накопленію на еврейскихъ обществахъ значительныхъ недоимокъ и къ постепенному ихъ оскуденію... Между тѣмъ, говорится дальше въ томъ же законѣ, казна остается безъ всякаго обезпеченія въ сборѣ съ нихъ податей, а сами они скитаются по мѣстечкамъ и селеніямъ, снискивая себѣ пропитаніе презрѣнными и часто непозволительными способами“ (П. С. З. № 30, 004). Мы уже знаемъ, что къ числу такихъ презрѣнныхъ и непозволительныхъ способовъ относилось не только арендованіе корчемъ, но и разносная торговля въ селеніяхъ. Какъ мы видѣли, эти понятія о вредѣ евреевъ или о пользѣ, которую можно и должно извлекать изъ нихъ вполне соотвѣтствуютъ финансовому строю государства въ то время и въ позднѣйшія времена. Тутъ нѣтъ ничего произвольнаго, ничего неожиданнаго.

Точно также нѣтъ ничего произвольнаго и неожиданнаго въ томъ, что въ странѣ, гдѣ косвенные налоги взимаются посредствомъ откуповъ, законодатель считаетъ полезнымъ въ интересахъ фиска привлеченіе евреевъ къ конкуренціи при сдачѣ откуповъ, въ особенности питейнаго. Мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи, между прочимъ, законъ, предоставившій купцамъ-евреямъ I гильдіи брать подряды, а слѣдовательно, и откупа во внутреннихъ губерніяхъ (онъ состоялся въ 1847 году, но изданъ въ 1848 г. № 22,057), привели

¹⁾ День. Населеніе Россіи, Спб. 1902, стр. 41.

къ тому, что поступления питейнаго дохода въ великороссійскихъ губерніяхъ, составлявшія въ 1837 — 39 годахъ меньше 30 милліоновъ, возросли въ 1847—49 годахъ до 46,9 милліоновъ, т. е. на 40%)¹⁾. Такіе и подобные благопріятные результаты для фиска отъ участія евреевъ въ конкуренціи при торгахъ и проложили путь для закона 1859 года о повсемѣстномъ жительствѣ купцовъ евреевъ первой гильдіи.

Извѣстна резолюція, состоявшаяся по ходатайству полоцкаго кадетскаго корпуса о дозволеніи евреямъ-извозчикамъ возить кадетовъ отъ Полоцка до Пскова въ виду дороговизны и недостатка русскихъ извозчиковъ. Резолюція эта гласила: „согласенъ, но не до Пскова, а до Острова“ (П. С. З. 1848 г. № 21.858). Но и эта резолюція не есть нѣчто случайное, а является компромиссомъ между стремленіемъ прикрѣпить евреевъ къ чертѣ съ одной стороны и допустить евреевъ къ участію въ подрядахъ въ интересахъ фиска съ другой стороны.

Тутъ сплелись въ одинъ клубокъ два начала, свойственныя тому періоду.

Конечно, доказывать примитивность понятій о пользѣ тѣмъ людямъ, которые срослись съ ними, живутъ ими, обыкновенно очень трудно. Надо, чтобы они переросли тотъ строй жизни, который внушалъ эти понятія. Тогда новыя понятія о пользѣ найдутъ доступъ въ ихъ умы. Нельзя доказывать законодателю страны, въ которой вся финансовая система покоится на подушной подати, тѣсно связанной съ стѣсненіемъ передвиженія, съ ограниченіемъ его посредствомъ паспортовъ, пользу свободы передвиженія, ибо она даетъ населенію возможность примѣнять свой трудъ, гдѣ и когда оно найдетъ болѣе выгоднымъ для себя, является поэтому источникомъ благосостоянія страны, а слѣдовательно и средствомъ увеличенія государственныхъ доходовъ.

Коммиссія, назначенная въ 1869 году для пересмотра паспортнаго устава, пришла къ заключенію, что нельзя измѣнить паспортныя правила для податныхъ сословій впредь до преобразованія податной части, а также рекрутской по-

¹⁾ Озеровъ. Основы финансовой науки. I. Москва, 1908, стр. 463.

винности. Къ такому заключенію она пришла, не смотря на заявленія экспертовъ по полицейской части, а также мѣстныхъ учреждений по финансовой части, что паспортныя правила крайне стѣснительны и отяготительны для населенія. До 1869 года были сдѣланы только первые шаги къ устраненію подушной системы, а новый воинскій уставъ еще вырабатывался. Но въ 1885 году подушная система была устранена а всеобщая воинская повинность давно дѣйствовала. Тѣмъ не менѣе коммиссія, назначенная въ этомъ году, вновь настояла на сохраненіи паспортной системы, хотя и по другимъ основаніямъ, а именно, что при существующемъ складѣ нашей общественной жизни, при существующемъ у насъ полицейскомъ устройствѣ паспортъ представляется необходимымъ. Нѣтъ надобности останавливаться на проводимыхъ коммиссіею доказательствахъ этой необходимости.

Тутъ говорить наследственность паспортной болѣзни, какъ это призналъ довольно простодушно Государственный Совѣтъ въ 1894 году при обсужденіи Положенія о видахъ на жительство. „О совершенномъ упраздненіи паспорта или узаконеннаго вида въ Россіи“ говорится въ разсужденіяхъ Государственнаго Совѣта, „не можетъ быть пока еще и рѣчи. Равнымъ образомъ лишать паспортъ того значенія, которое онъ въ теченіе почти двухвѣковаго своего существованія приобрѣлъ у насъ въ податномъ и фискальномъ отношеніяхъ, было бы затруднительно...“¹⁾ Все это слова, потерявшія въ настоящее время всякій смыслъ, а тѣмъ не менѣе паспортъ существуетъ, потому что онъ сросся съ російскимъ полицейскимъ устройствомъ. Онъ будетъ отсѣченъ тогда когда для извлеченія доходовъ изъ увеличивающагося благосостоянія населенія потребуется соответствующая финансовая система, которая существуетъ въ болѣе культурныхъ странахъ и не существуетъ у насъ.

Именно въ виду трудности доказывать при данныхъ условіяхъ пользу для государственной казны такого права, какъ право свободного передвиженія, считаютъ достаточнымъ указаніе, что это право—основа общежитія, элемен-

¹⁾ Дерюжинскій. Полицейское право, СПб. 1908, стр. 44—46.

тарное, естественное право гражданина и возстаютъ противъ примѣненія къ данному вопросу принципа пользы.

На самомъ дѣлѣ это право естественно, элементарно только въ умахъ культурныхъ людей и въ культурныхъ странахъ, гдѣ можетъ быть доказана вполне наглядно и полезность его. Только свобода передвиженія создала современное торгово-промышленное благосостояніе Германіи, являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ государственныхъ доходовъ.

Польза отъ распространенія образованія въ странѣ, въ особенности высшаго, трюизмъ, который смѣшно доказывать. Эта польза должна, конечно, отразиться и косвенно отражается и на государственныхъ доходахъ. Но какъ доказывать эту пользу для казны въ странѣ, гдѣ образованіе служило основаніемъ къ исключенію изъ податного сословія и гдѣ люди либеральныхъ профессій, какъ врачи, адвокаты, архитекторы и т. д. и нынѣ освобождены отъ всякихъ платежей, кромѣ квартирнаго налога, какъ бы ни было велико, ихъ благосостояніе. Отсюда возможность похода противъ „кухаркиныхъ дѣтей“, противъ открытія широкаго доступа дѣтямъ низшихъ классовъ въ среднія, а слѣдовательно и высшія учебныя заведенія. Этотъ походъ начать въ 1886 году, тотчасъ послѣ состоявшейся въ 1885 г. отмены для крестьянъ подушной подати, когда значительно облегчалась для нихъ возможность поступленія въ среднія учебныя заведенія.

Всякій ремесленникъ, крестьянинъ, мѣщанинъ въ той или иной формѣ является платежной единицей. Лицо, получившее образованіе, если оно не занимается торговлей или промышленностью, рѣдко попадаетъ въ плательщики прямыхъ налоговъ. Отсюда и возможность установленія въ дѣлѣ образованія процентной нормы для евреевъ. При наличности подоходнаго налога, конечно, сразу оказалась бы непосредственная польза для государственныхъ доходовъ отъ увеличенія числа людей съ высшимъ образованіемъ, достигающихъ благосостоянія знаніемъ и трудомъ своимъ.

Немногимъ, вѣроятно, извѣстно, что изъ числа доходовъ, подлежащихъ по проекту обложенію налогомъ, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1909—10 г.г. и представленнымъ въ Государственную Думу, второе мѣсто по суммѣ

занимають доходы отъ личнаго труда (первое мѣсто занимають доходы отъ торгово-промышленныхъ предпріятій), а именно свыше 28%, между тѣмъ какъ доходъ отъ земли и недвижимыхъ имуществъ въ городахъ гораздо меньше, что далѣе изъ числа 300 тысячъ будущихъ плательщиковъ налога, получающихъ доходы отъ личнаго труда, больше половины принадлежитъ къ либеральнымъ профессіямъ (остальные—это чиновники и служащіе въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ) ¹⁾. При такихъ условіяхъ государство во всякомъ случаѣ не имѣетъ основанія препятствовать увеличенію числа лицъ, занимающихся либеральными профессіями. Это значило бы работать себѣ же въ убытокъ, радѣть объ уменьшеніи государственной казны. Кто себѣ врагъ?

Система налоговъ, основанная на принципѣ подоходности и сопряженная съ освобожденіемъ отъ налога минимальныхъ доходовъ, необходимыхъ для существованія, можетъ научить правящій элементъ и кое-чему другому. А именно, что государство не имѣетъ никакого основанія искусственно создавать посредствомъ стѣсненія права передвиженія и сферы примѣненія труда громадный классъ людей, живущихъ впроголодь и лишенныхъ возможности, не смотря на каторжный трудъ и скромность потребностей, добыть себѣ необходимый минимумъ средствъ для существованія. Эти вырождающіяся отъ голода и холода массы евреевъ сѣверо- и югозападнаго края, откупающіяся грошами и рублями отъ практическихъ сторонниковъ паспортнаго устава полицейскихъ чиновъ, найдутъ неожиданныхъ защитниковъ и поборниковъ ихъ равноправія въ людяхъ хотя бы не отличающихся особымъ добросердечіемъ, но умѣющихъ правильно считать доходы казны и взвѣшивать тѣ убытки, которые причиняются ей попечительной властью.

Наглость и безстыдство неуязвимы,—ихъ не проймешь ни указаніемъ на средневѣковый характеръ тѣхъ порядковъ, которые господствуютъ по отношенію къ евреямъ, ни указаніемъ на невыгодность этихъ порядковъ для финансовъ страны.

¹⁾ Матеріалы къ проекту Положенія о государственномъ подоходномъ налогѣ. СПб. 1910, стр. III, VI.

Но несмотря на нарочитое глумленіе надъ интересами и правами евреевъ, производимое по всей линіи, есть, однако, основаніе думать, что недалеко то время, когда и неповоротливые умы сознають, что нынѣшнія кошмарныя условія, окружающія евреевъ, столь же вредны для государства, сколько они гибельны для самихъ евреевъ.

М. Кулишеръ.

Исаакъ Беръ Левинзонъ и его время.

I.

Въ истекающемъ 1910 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти И. Б. Левинзона. Это имя, воплощающее цѣлую эпоху культурно-общественной жизни русскаго еврейства, давно уже стало достояніемъ исторіи, а между тѣмъ еще до сихъ поръ не дана всесторонняя и безпристрастная оцѣнка этой крупной личности. Не подведены еще итоги дѣятельности Левинзона, ибо многія детали ея еще не выяснены.

Въ третьемъ томѣ „Пережитого“ Ю. Гессенъ дѣлаетъ попытку „остановиться на той неизслѣдованной страницѣ его (Левинзона) жизнеописанія, которая представляется нашему поколѣнію большой печальной загадкой“¹⁾. Этой „неизслѣдованной страницей“ авторъ считаетъ „общественную сторону его дѣятельности, поскольку таковая выразилась въ борьбѣ съ идейными противниками“. Ю. Гессенъ использовалъ архивныя данныя—преимущественно переписку Левинзона съ правительствомъ. Статья эта значительно пополняетъ имѣвшіеся до сихъ поръ матеріалы для характеристики многообразной дѣятельности Левинзона. Но, сосредоточивъ все свое вниманіе на одной только сторонѣ этой дѣятельности, авторъ дѣлаетъ иной разъ такія обобщенія, съ которыми, на нашъ взглядъ, не всегда можно согласиться при болѣе детальномъ анализѣ. „Только они (литературные труды), заявляетъ авторъ, извѣстны широкимъ еврейскимъ кругамъ, общественная же сторона дѣятельности осталась скрытой за кулисами, и здѣсь то Левинзонъ примѣнилъ то средство борьбы, которымъ не разъ злоупотребляли въ Западной Европѣ, особливо въ Галиціи, радѣтели просвѣщенія, проповѣдники такъ называемой „гаскалы“, т. е. еврейскаго образованія“²⁾.

¹⁾ Ю. Гессенъ, „Смѣна общественныхъ теченій“, сборн. „Пережитое“, т. III, стр. 2.

²⁾ *ibid.* 5—6.

Къ этому выводу, на нашъ взглядъ, ошибочному, авторъ потому и пришелъ, что онъ ужъ слишкомъ разграничиваетъ обѣ стороны дѣятельности Левинзона, которыя фактически тѣсно межъ собою переплетены; для полнаго и вѣрнаго ихъ освѣщенія далеко недостаточенъ односторонній, хотя и цѣнный матеріалъ въ видѣ официальныхъ записокъ, подававшихся въ разное время Левинзономъ правительству. Общественная дѣятельность Левинзона не оставалась „за кулисами“—о каждомъ своемъ шагѣ, о каждомъ обращеніи къ правительству Левинзонъ подробно говорить въ своихъ литературныхъ трудахъ, и эти его разъясненія вполне опредѣленно указываютъ на непроходимую пропасть, какая лежитъ между Левинзономъ и западно-европейскими „радѣтелями просвѣщенія“. Даже оперируя однимъ только архивнымъ матеріаломъ, Ю. Гессенъ не могъ не замѣтить слѣдующей характерной подробности: „Друзья просвѣщенія, рисуя перелъ правительствомъ духовный обликъ единовѣрцевъ, не скупились на темныя краски, и жертвой этой необузданной расправы падалъ прежде всего Талмудъ... они даже преднамѣренно отождествляли положительный лозунгъ „за просвѣщеніе“ съ отрицательнымъ „противъ Талмуда“, лишь бы привлечь на свою сторону внѣшнюю силу“¹⁾. Левинзонъ же, указываетъ далѣе авторъ, „выгодно отличается своимъ отношеніемъ къ Талмуду. Не по какимъ-либо побужденіямъ дипломатическаго характера, а въ силу внутренняго убѣжденія онъ не считалъ возможнымъ позорить въ глазахъ русскаго общества сокровищницу вѣковой народной мысли. Болѣе того, Левинзонъ взялъ Талмудъ подъ свою защиту и подъ его сѣнью сталъ проповѣдывать просвѣщеніе. Это обстоятельство кладетъ рѣзкую грань между Левинзономъ и его товарищами по преслѣдуемой цѣли“²⁾.

Это является далеко не чѣмъ то случайнымъ, а вполне логическимъ слѣдствіемъ всего міровоззрѣнія Левинзона, которое именно и кладетъ грань между нимъ и „его товарищами“.

II.

Первые еврейскіе „просвѣтителѣ“ въ Пруссіи и Галиціи, ослѣпленные блескомъ западной культуры, не будучи въ состояніи критически разобратъ, какъ въ окружающемъ ихъ мірѣ, такъ и въ своемъ историческомъ прошломъ—во всемъ рабски копировали „другихъ“. Для нихъ, воспитанныхъ на сухой схоластикѣ, оторванныхъ отъ реальной жизни, высшимъ идеаломъ считалось уподобленіе во всемъ христіанскому обществу, усвоеніе его взглядовъ и обычаевъ. И не подлежитъ сомнѣнію, что въ ихъ пренебрежительномъ отношеніи къ Талмуду извѣстную роль сыграла непріязнь, питаемая къ нему христіанскимъ

¹⁾ ibid. 6.

²⁾ ibid. 10.

обществомъ. Все еврейское, какъ таковое, считалось ретрограднымъ, устарѣвшимъ, и только тамъ, на „томъ берегу“, передъ ними сіяла въ сказочной красотѣ таинственная богиня Просвѣщеніе; все не свое, „чужое“ (языкъ, обычаи) считалось олицетвореніемъ прогресса и культуры¹⁾.

Левинзонъ же проявилъ научно-критическое отношеніе какъ къ историческому развитію еврейской религіи и ея роли въ жизни народа, такъ и къ христіанской культурѣ. Онъ не разрушалъ стараго міра, стремясь къ новому, а пытался гармонично слить эти два міра. Считая долгомъ своей совѣсти защищать еврейскую религію отъ злостныхъ и лживыхъ нападокъ, онъ никогда не останавливался предъ опасеніемъ, что этимъ навлечетъ на себя немилость сильныхъ міра сего. Когда въ 1833 г. одинъ крещенный еврей изъ Витебска, Темкинъ, „убѣдившись въ истиннахъ христіанства и желая просвѣтить своихъ собратій“, написалъ сочиненіе „Путь къ познанію истинной вѣры“, на каковое было обращено даже вниманіе Николая I и за счетъ правительства было отпечатано на еврейскомъ и русскомъ языкахъ²⁾, — Левинзонъ не задумался открыто выступить противъ этой книги, избличая автора (въ специально посвященномъ этому вопросу произведеніи „Iemin Zidki“) въ невѣжествѣ, клеветѣ и злонамѣренномъ искаженіи фактовъ. Левинзонъ всегда съ большимъ достоинствомъ отстаивалъ ту истину, что христіанскому обществу нечего кичиться передъ еврействомъ своей культурой и моралью. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерно одно сочиненіе Левинзона, которое, къ сожалѣнію, наименѣе извѣстно широкой публикѣ. Въ 1839 г. появилась книга англійскаго миссіонера Макола „Nessibath Olam“, въ которой авторъ пытался доказать, что Талмудъ и вся еврейская письменность наполнены нелѣпостями и враждебными выходками противъ всего нееврейскаго, въ особенности противъ христіанства. Книга, переведенная на европейскіе языки (въ томъ числѣ и на еврейскій), получила значительное распространеніе. Тогда Левинзонъ написалъ свой наиболѣе обширный трудъ „Zerubabel“³⁾, въ которомъ, разсматривая Талмудъ съ исторической точки зрѣнія, легко опровергъ ложь и клевету на еврейскую религію и этику, распространяемая разными Темкиными и Макола. Одновременно съ этимъ научнымъ изслѣдованіемъ Левинзонъ направилъ противъ того же Макола замѣчательный полемическій памфлетъ „Achija Haschiloni“, который по цензурнымъ условіямъ не могъ появиться въ Россіи и былъ опубликованъ за границей. Если „Zerubabel“ является апологіей еврейства, „Achija Haschiloni“ — вызовъ христіанскому обществу, съ такимъ

¹⁾ Болѣе подробно см. нашъ очеркъ „Два теченія въ евр. жизни“ гл. XI и статьи: „Ассимиляція“ (Евр. Энцикл. т. III.) и „Гаскала“ (ibid. т. VI).

²⁾ И. Г. Оршанскій, Русск. законод. о евреяхъ, 22—3.

³⁾ Надъ этимъ сочиненіемъ Левинзонъ работалъ 12 лѣтъ.

высокомѣріемъ толковавшему о порочности и моральномъ паденіи еврейскаго племени.

Книга написана въ формѣ діалога между лютераниномъ Don Alfonso и евреемъ Zedoc Misrachi, устами котораго говоритъ самъ авторъ.

Въ сущности, заявляетъ Misrachi, мы, евреи, не можемъ диспутировать съ вами, христіанами. Европейскія государства, гордящіяся своей толерантностію, посылаютъ миссіонеровъ пропагандировать христіанство среди евреевъ. Они хулятъ нашу вѣру, насъ же лишаютъ возможности возражать. Они хотятъ насъ побѣдить силой, потому что они владыки страны, а мы чужіе... Они беззастѣнчиво клеветуютъ на нашу религію, намъ же насильно закрываютъ ротъ¹⁾. Мы, евреи, терпѣли больше всѣхъ и до сихъ поръ служимъ объектомъ ненависти; у насъ отнимаютъ права, насъ презираютъ и угнетаютъ. Пусть же скажутъ тѣ христіане, которые нарушаютъ основу еврейскаго и христіанскаго ученія, чтó изрекутъ они въ грозный день Суда, когда предстанутъ предъ ожидаемымъ ими судомъ Спасителя. Не оправдаетъ ихъ Небесный судъ! ибо Онъ скажетъ имъ: если вы вѣрите въ Меня и Мои заповѣди, почему же вы не исполнили первой и важнѣйшей изъ нихъ: любви всякаго, носящаго образъ человѣческой, какъ самого себя, даже врага! „Если же вы нарушаете эту основу Моего ученія, вы тѣмъ самымъ разрушаете все Мое зданіе, и если вы сами не исполняете Моихъ заповѣдей, зачѣмъ же вы преслѣдуете тѣхъ, которые не вѣрятъ въ Меня?“²⁾. И, бросая вызовъ: „Вы требуете, чтобы мы стали христіанами, но христіане ли вы?“³⁾, Misrachi, останавливаясь на главныхъ заповѣдяхъ Христа, указываетъ, какъ ихъ попираютъ тѣ, кто именуетъ себя ревнителями христіанскаго ученія: христіанство говоритъ о братствѣ и единеніи и любви даже по отношенію къ врагу, но мы, евреи, на себѣ испытали, какъ христіане исполняютъ эту заповѣдь на практикѣ: они проливаютъ нашу кровь, клеветуютъ на насъ, позорятъ и унижаютъ на каждомъ шагѣ⁴⁾; Христіанское ученіе предостерегаетъ отъ корыстолюбія, но вѣдь даже ваши священнослужители отказываются хоронить покойника, если имъ не будетъ заплачено заранѣе, хотя бы семья покойнаго жила въ крайней нуждѣ⁵⁾. Евреевъ упрекаютъ въ предразсудкахъ и невѣжествѣ, но развѣ христіанскіе народы не грѣшатъ въ этомъ отношеніи еще въ большей степени?⁶⁾. Вы говорите объ отсталости нашихъ раввиновъ, указываете, что они по невѣжеству отягчаютъ бремя народа, но развѣ жестокость раввиновъ, заключающаяся въ зап-

¹⁾ I. с. 7.

²⁾ I. с. 13—14.

³⁾ I. с. 54.

⁴⁾ I. с. 52, 153.

⁵⁾ I. с. 53.

⁶⁾ I. с. 87.

ретѣ варить мясное съ молочнымъ, можетъ сравниться съ тѣми невѣроятными жестокостями, которыя творило хотя бы католическое духовенство¹⁾.

На упреки евреевъ въ испорченности нравовъ и закоренѣломъ невѣжествѣ Левинзонъ указываетъ, что несмотря на свое безправное положеніе, польское еврейство въ нравственномъ и умственномъ отношеніи стоитъ значительно выше средняго сословія коренного населенія. И Левинзонъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ большую духовную силу и красоту патриархальнаго еврейства. Достаточно прочесть этотъ восторженный дифирамбъ еврейской старозавѣтной жизни (*ibid.* 116—128²⁾), чтобы понять, какая неизмѣримая пропасть отдѣляетъ Левинзона отъ разныхъ Вольфсоновъ, Гомберговъ и имъ подобныхъ «радѣтелей просвѣщенія».

III.

Воспитанный на традиціяхъ „просвѣтителей“ 18-го вѣка,³⁾ Левинзонъ видѣлъ въ знаніи и просвѣщеніи первое условіе для прогресса и доминирующее значеніе онъ придавалъ упорядоченію воспитанія. «Главная цѣль, писалъ онъ въ благодарственномъ письмѣ (на нѣмецкомъ языкѣ) Николаю I, послѣ того какъ ему была выдана субсидія въ 1000 р. за его книгу „Teudah“ —, которую я желалъ достигнуть своимъ сочиненіемъ, это улучшеніе системы воспитанія и образованія еврейскаго юношества, находящейся по сію пору въ пренебреженіи, такъ какъ тогда только можно будетъ ожидать пользы отъ будущаго поколѣнія. Необходимо, чтобы знанія соотвѣтствовали потребностямъ ума и сердца, и чтобы бессистемное обученіе было замѣнено преподаваніемъ по выработанному плану“⁴⁾.

Но программа Левинзона однимъ просвѣщеніемъ не исчерпывалась. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ кругу еврейской интеллигенціи той эпохи замѣчалось въ общемъ то же явленіе, что и среди либеральной интеллигенціи другихъ націй. Либеральная интеллигенція главное вниманіе удѣляла не социальнымъ идеямъ, а политическимъ реформамъ, направленнымъ къ расширенію правъ личности; еврейскіе „маскилы“ также являлись представителями идейнаго движенія, направленнаго прежде всего къ просвѣщенію и освобожденію личности отъ религіозныхъ путъ. Левинзонъ же, который, какъ сказано раньше, не стоялъ въ оппозиціи къ старому,

¹⁾ *ibid.* 107—108.

²⁾ Левинзонъ подчеркиваетъ при этомъ, что моральной мощью и чистотой нравовъ еврейство обязано „талмуду, этому великому учителю евреевъ“ (*ibid.* 123).

³⁾ Книга „Achiah Haschiloni“ указываетъ на близкое знакомство Левинзона съ трудами французскихъ энциклопедистовъ по нѣмецкимъ переводамъ.

⁴⁾ О самой книгѣ „Teudah“, а также о другомъ капитальномъ трудѣ „Beth Jehudah“, см. нашъ очеркъ „Исаакъ Беръ Левинзонъ“ (1900).

а стремился его примирить, вѣрнѣе—спаять съ новымъ, тѣснѣе чувствовалъ свою связь съ еврейской массой; поэтому въ его программѣ, заодно съ проповѣдью просвѣщенія, занимаютъ видное мѣсто и заботы о непосредственномъ и осязательномъ улучшеніи экономическаго быта народныхъ массъ.

Въ томъ же письмѣ къ Николаю I онъ говоритъ, что „многихъ бѣдныхъ дѣтей слѣдуетъ опредѣлить на казенный счетъ въ институты или въ частныя школы, дабы обучившись разнымъ профессіямъ, занимаясь земледѣліемъ, служа въ войскѣ и т. д. они могли со временемъ принести пользу государству“. Тутъ мы подходимъ къ второму основному пункту программы Левинзона—производительный трудъ, преимущественно земледѣльческій.

Въ странахъ исключительно земледѣльческихъ, какъ Пруссія, Галиція и Россія, легче всего могли привиться зародившіяся въ эпоху французскихъ просвѣтителей идеи фیزیократовъ, противопоставившихъ торговлѣ и обрабатывающей промышленности сельское хозяйство, какъ единственное производительное занятіе; земля была признана единственнымъ факторомъ производства. Этотъ усвоенный Левинзономъ взглядъ на земледѣліе, какъ на наиболѣе благородное занятіе, легъ въ основу его программы, которая была въ общемъ воспринята еврейскими прогрессистами 40-хъ годовъ. Программа реформирования быта русскаго еврейства, выставленная еще въ 20-хъ годахъ Левинзономъ, гласитъ ¹⁾:

- 1) Учредить школы для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ не только религіознымъ и общеобразовательнымъ предметамъ, но главнымъ образомъ ремеслу:—„каждый ребенокъ долженъ научиться какому-либо ремеслу, потому что отсутствіе вѣрнаго источника пропитанія—причина всякаго преступленія... Вовсе не нужно, чтобы поголовно всѣ евреи сдѣлались раввинами, учеными, докторами, философами и поэтами... Для простолудина достаточно, если онъ будетъ знать библію съ соотвѣтствующимъ комментариемъ, немножко грамматики, самые необходимые законы изъ „Шулханъ Аруха“; если онъ кое какъ научится чтенію и письму на государственномъ языкѣ и первымъ начаткамъ ариѳметики, если онъ будетъ въ состояніи читать на древне-еврейскомъ языкѣ правоучительныя книги и немного писать на томъ же языкѣ“.
- 2) Слѣдуетъ избрать верховнаго раввина и при немъ устроить консисторію для завѣдыванія всѣми духовными дѣлами евреевъ ²⁾.
- 3) Каждый городъ долженъ имѣть своего проповѣдника, но не для схоластическихъ упражненій, а для живой проповѣди по вопросамъ этики и реальныхъ требованій жизни.
- 4) Надѣлать по

¹⁾ „Beth Jehudah“, II 130—134 (изд. 1878 г.); см. также Sefer Hasichronoth“, 116—118.

²⁾ Beth Jehudah, II, 131—2, выноска. По сообщенію Левинзона, правительство дважды предлагало ему постъ верховнаго раввина (Land-rabinathstelle), но онъ отказывался, считая себя мало пригоднымъ для подобной роли.

крайней мѣрѣ треть еврейскаго населенія земель, чтобы оно могло заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ. 5) Евреи не должны позволять себѣ никакой роскоши ни въ платьѣ, ни въ домашней обстановкѣ, такъ какъ это вызываетъ зависть и имѣетъ дурныя послѣдствія. „Означенные пять пунктовъ внесутъ коренное улучшеніе во всѣ стороны еврейской жизни“.

Для осуществленія этой программы Левинзонъ обратился къ правительству: онъ не вѣрилъ въ возрожденіе русскаго еврейства безъ дѣятельной помощи власти. Глубоко убѣжденный, что всѣ ошибки и заблужденія происходятъ отъ незнанія, что достаточно только разъяснить, „открыть глаза“, и торжество правды обезпечено, Левинзонъ поставилъ себѣ двойную задачу: дѣйствовать силой убѣжденія на своихъ собратьевъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ, и ознакомить правительство съ внутреннимъ духовнымъ бытомъ еврейскаго народа и съ его насущными нуждами; разъяснить, что непріязненное отношеніе къ евреямъ — роковая ошибка, основанная на незнаніи и что о еврейской религіозной жизни и богословской письменности христіанское общество имѣетъ превратное представленіе. Необходимо помнить, что Левинзонъ, какъ и его единомышленники, усвоившіе просвѣтительныя идеи вмѣстѣ съ зачатками нѣмецкой культуры, выросли при совершенно исключительныхъ культурныхъ условіяхъ; они жили обособленной культурной жизнью, какъ бы внѣ времени и пространства, безъ яснаго представленія о фактическомъ положеніи страны и государства, въ которомъ провели всю свою жизнь. Но въ то же время они считали своимъ долгомъ быть преданными патріотами, любящими свою родину, причемъ представленіе о родинѣ и государствѣ переплеталось у нихъ съ понятіемъ о „правительствѣ“ въ нѣчто смутное и абстрактное.

Патріотизмъ Левинзона и его вѣра въ „просвѣщенный абсолютизмъ“ имѣли къ тому еще особыя причины. Раннее дѣтство Левинзона протекло на Волыни подъ польской властью, дошедшей тогда до полной деморализаціи и анархіи; отецъ Левинзона пострадалъ отъ разнузданнаго представителя польской шляхты, искалѣчившаго его. Первое же знакомство молодого Левинзона съ представителями русской власти относится къ знаменательной эпохѣ отечественной войны¹⁾, „эпохѣ русской славы и искренняго народнаго патріотизма“, говоря словами Пирогова. И патріотически настроенный Левинзонъ, желая внушить своимъ единовѣрцамъ любовь къ отечеству, пишетъ: „Въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы евреямъ даны уже свободы, въ особенности въ Россіи, которая никогда не относилась къ намъ недоброжелательно. Мы не знаемъ историческихъ примѣровъ, чтобы это государство когда либо намъ причиняло зло. Наши предки издавна наслаждались спокойствіемъ подъ владычествомъ Россіи, даже во

¹⁾ Левинзонъ состоялъ тогда переводчикомъ при радзивилловскомъ комендантѣ Гирсѣ.

время ея неоднократно вторженій въ польскія владѣнія. Съ тѣхъ же поръ, какъ эти владѣнія присоединены къ Россіи, правительство всѣми силами старается поднять нашъ духовный и экономическій уровень; оно значительно расширило наши гражданскія права, дало намъ свободу совѣсти, предоставило всякому желающему заниматься тѣмъ или другимъ трудомъ, поощрять общія учебныя заведенія наравнѣ со всѣми привилегированными сословіями страны, устраивать для себя спеціальныя школы, строить фабрики, приобрѣтать недвижимость и заниматься земледѣліемъ“¹⁾).

Въ восторженныхъ выраженіяхъ Левинзонъ отзывается о Николаѣ I: „Николай I не переставалъ заботиться о нашемъ духовномъ и матеріальномъ благополучіи, онъ нашъ милосердный отецъ, пекущійся о нашемъ благѣ и указывающій намъ путь правды и справедливости“²⁾. Несомнѣнно, въ этой аттестаціи нѣкоторую роль играли чисто цензурныя и политическія соображенія, и въ этомъ отношеніи весьма любопытны предшествующія этой цитатѣ строки, въ которыхъ эзоповымъ языкомъ говорится о еврейскомъ равноправіи: „Если бы, пишетъ онъ, всѣ цивилизованныя націи шли по тому же праведному пути, по которому слѣдуетъ наше мудрое правительство, и предоставили евреямъ равныя права съ христіанами. Я положительно недоумѣваю, почему цивилизованныя націи ограничиваютъ евреевъ въ правахъ на томъ только основаніи, что они—евреи“³⁾).

IV.

Левинзонъ зналъ, что имп. Николай I издавалъ суровые законы противъ евреевъ, и на одномъ, наиболѣе крупномъ изъ нихъ,—выселеніи изъ селъ и деревень, онъ подробно останавливается. Высказанныя имъ по этому поводу соображенія весьма характерны.

У другихъ народовъ, пишетъ онъ, огромная часть населенія занимается земледѣльческимъ трудомъ, незначительная же часть—преимущественно крупной торговлей, которая „ведется, понятно, на началахъ справедливости“; русско-польское же еврейство въ огромной своей части занято мелкой торговлей, посредничествомъ и другими непроизводительными занятіями, которыя изъ-за большой конкуренціи и ничтожныхъ заработковъ часто связаны съ обманомъ и всякими предосудительными поступками. Евреи въ моральномъ отношеніи нисколько не ниже другихъ народовъ, но, вытѣсненные въ средніе вѣка изъ другихъ отраслей труда, они, поясняетъ Левинзонъ, поневолѣ стали народомъ мелкихъ торговцевъ и посредниковъ. Такое ненормаль-

¹⁾ „Teudah“, 176 (изд. 1878).

²⁾ „Beth Jehudah“, II, 146 (изд. 1878).

³⁾ *ibid.*

ное явленіе и способствуетъ тому, что на евреевъ смотрятъ какъ на вредный элементъ; „оттуда и ненависть къ намъ, изъ-за этого мы даже во многихъ отношеніяхъ теряемъ гражданскія права; а для большей ясности я укажу на слѣдующій примѣръ: почему изгнали всѣхъ евреевъ, проживавшихъ въ деревняхъ въ пятидесятиверстной пограничной полосѣ,—мѣра, принятая только по отношенію къ намъ, а не по отношенію къ какой либо другой народности многоплеменной Россіи?“. Не религиозной непріязнью, подчеркиваетъ Левинзонъ, продиктована эта мѣра, а сознаниемъ вреда, какой приноситъ контрабанда и торгашество. Мы, правда, не повинны въ томъ, что вытѣсненные изъ другихъ сферъ, принуждены отдаться этимъ предосудительнымъ занятіямъ, но мы должны стремиться къ измѣненію этого ненормальнаго социальнаго положенія. Указывая на привилегіи, предоставляемыя русскимъ правительствомъ евреямъ, занимающимся земледѣліемъ, Левинзонъ говоритъ, что еврейство должно быть особенно благодарно правительству, которое даетъ евреямъ возможность вернуться къ производительному труду и открываетъ передъ ними, взамѣнъ торгашества, доступъ къ новымъ отраслямъ, въ особенности къ земледѣлію.

Скорѣе чутъемъ, чѣмъ яснымъ пониманіемъ положенія вещей, Левинзонъ сознавалъ, что съ паденіемъ Польши и включеніемъ ея въ организмъ Россіи, социальныя функція еврейства лишились реальной базы; къ замѣнѣ устарѣлыхъ формъ въ процессѣ хозяйственной жизни новыми — и сводилась экономическая программа Левинзона. Другой вопросъ, насколько эта программа соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ еврейства. Въ ней бесспорно было много утопизма, наивной вѣры въ мудрость и идеализмъ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Левинзонъ, оторванный отъ широкихъ идейныхъ общественныхъ теченій, не могъ въ то время проникнуться хотя бы той, ставшей теперь элементарной истиной, что недостаточно издать новый законъ, а необходимъ еще годный соотвѣтствующій механизмъ для его примѣненія. Но бесспорно и то, что привѣтствуя желаніе правительства приобщить еврейское населеніе къ земледѣльческому труду, Левинзонъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ сочувствовать мѣрамъ, клонящимся къ принудительному и немедленному превращенію торговцевъ и лавочниковъ въ хлѣбопашцевъ. Само собою понятно, что въ то суровое николаевское время Левинзонъ не дерзалъ выступить съ критикой какого бы ни было правительственнаго распоряженія¹⁾. Но въ своихъ про-

¹⁾ Объ ужасныхъ послѣдствіяхъ одного распоряженія—рекрутскаго набора, Левинзонъ не считъ однако возможнымъ умолчать. Къ великой его чести, онъ, единственный изъ его современниковъ, осмѣлился поднять голосъ противъ связаннаго съ тогдашней рекрутчиной института „ловчиковъ“ и „пойманиковъ“; въ сатирѣ „Hefker Welt“ Левинзонъ, какъ обличитель социальныхъ неурядицъ еврейской жизни, яв-

изведеніяхъ Левинзонъ неустанно высказывается противъ рѣзкихъ мѣръ, усиленно подчеркивая, что только медленнымъ путемъ могутъ быть достигнуты реальные результаты. Чтобы не утомлять обиліемъ цитатъ, мы ограничимся лишь указаніемъ на его извѣстное „посланіе“ (50-ые годы) по случаю печальныхъ недоразумѣній, возникшихъ между защитниками и противниками порядковъ, установившихся въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ.

Считая „власть привычки—крупнѣйшей силой“, онъ находитъ вполне естественнымъ тяготѣніе массы къ преданіямъ старины и ея подозрительное отношеніе ко всякимъ новшествамъ. Можно поэтому направить массу на правильный путь „не крайностями, не силой и принужденіемъ, а любовью; не сразу, а мирнымъ постепеннымъ путемъ“. И онъ рѣзко выступаетъ противъ тѣхъ самозванныхъ проповѣдниковъ „гаскалы“, которые, твердя неустанно „просвѣщеніе, просвѣщеніе!“, въ дѣйствительности столь же вредятъ дѣлу просвѣщенія, какъ ханжи и святоши со словомъ „chassidoth“ на устахъ—вредятъ дѣлу искренняго благочестія ¹⁾.

Сатирическія нападки Левинзона на тѣхъ, у кого слово „chassidoth“ на устахъ, т. е. на хасидовъ, извѣстны. Но ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ обычнымъ у „маскильмъ“ проявленіемъ непріязни къ хасидамъ, какъ къ „гасителямъ свѣта“, погрязшимъ въ „предразсудкахъ“ и „фанатизмѣ“. Непріязнь къ хасидизму у Левинзона истекала изъ другихъ источниковъ; онъ въ данномъ случаѣ близко подходилъ къ точкѣ зрѣнія ортодоксовъ-миснагидовъ ²⁾. Живя въ глухомъ углу Волыни, гдѣ выродившійся цадикизмъ принялъ наиболѣе грубыя формы, Левинзонъ боролся съ послѣднимъ не столько какъ съ врагомъ общаго просвѣщенія, сколько съ гасителемъ еврейскаго знанія ³⁾. Говоря о борьбѣ Левинзона съ его идейными противниками необходимо остановиться на выработанномъ Левинзономъ въ 1833 г. проектѣ объ уничтоженіи еврейскихъ типографій повсюду, кромѣ городовъ, гдѣ находится цензура, и о пересмотрѣ цензурой всѣхъ еврейскихъ книгъ. Тѣмъ болѣе необходимо, что въ этомъ былъ усмотрѣнъ актъ „братоубійственной борьбы, въ пылу которой обѣ стороны пользовались отравленнымъ оружіемъ“ ⁴⁾.

ляется достойнымъ предтечей С. Я. Абрамовича. Можно только пожалѣть, что до сихъ поръ это единственное жаргонное произведеніе Левинзона не достаточно оцѣнено.

¹⁾ Ialkut Ribal, 152—157.

²⁾ Не лишне отмѣтить, что трудъ Левинзона „Teudah“ появился съ апробаціей извѣстнаго раввина-миснагида р. Абеле Прослеверъ, который заявилъ, что единственный недостатокъ этой книги—то, что ея авторъ не Илья Гаонъ (виленскій).

³⁾ Интересны въ этомъ отношеніи нападки Левинзона на цадикизмъ въ „Hefker Welt“.

⁴⁾ Ю. Гессенъ, „Смѣна обществ. теченій“, сборн. Пережитое, т. III, стр. 14—15.

Самъ Левинзонъ подробно сообщаетъ о своемъ поступкѣ въ письмѣ къ одному изъ представителей „враждебнаго лагеря“—волынскому раввину, члену коллегіи раввиновъ, которой передано было цензурированіе книгъ. Это письмо, относящееся къ 1840 г. и опубликованное Левинзономъ въ слѣдующемъ году въ „Beth Haozer“, представляетъ значительный культурно-бытовой интересъ.

V.

Левинзонъ съ возмущеніемъ говоритъ въ письмѣ о раввинахъ-цензорахъ, искажившихъ по своему невѣжеству много мѣстъ въ Талмудѣ. „Какъ вы смѣете, восклицаетъ онъ, позорить нашихъ мудрецовъ! Вашими поправками вы оскверняете и фальсифицируете нашу Тору, унижаете нашихъ великихъ учителей!“. Указывая, что большинство раввиновъ его края не обладаютъ необходимыми для цензоровъ филологическими и историческими знаніями, Левинзонъ отмѣчаетъ при этомъ любопытную подробность: „во многихъ городахъ, пишетъ онъ, имѣются раввины, которые и Талмуда не знаютъ, такъ какъ они назначены общиной только на амплуа штадлонимъ или для исполненія однѣхъ только официальныхъ обязанностей раввиновъ, для рѣшенія же ритуальныхъ вопросовъ существуютъ спеціальныя даіонимъ“. И вотъ, эти-то раввины, желая добросовѣстно исполнить цензорскія обязанности, не нашли лучшаго способа, „какъ искромсать и испортить множество прекрасныхъ книгъ... Они не оставили въ цѣлости ни одного листа, ни единой страницы, и къ позору нашему мы должны признать, что иные раввины вычеркивали каждую непонятную имъ фразу“.

При этомъ Левинзонъ сообщаетъ, что въ отвѣтъ на запросы, сдѣланные ему изъ разныхъ городовъ послѣ опубликованія указа, онъ предостерегалъ представителей общинъ, „что если цензурированіе книгъ будетъ поручено раввинамъ, большинство изъ нихъ испортятъ всѣ книги“, а потому онъ совѣтовалъ обратиться къ правительству съ просьбой прислать изъ Петербурга свѣдущихъ и вполнѣ подходящихъ для этой работы людей. Тогда, добавляетъ Левинзонъ, изъ многихъ городовъ обратились къ нему съ просьбой хлопотать объ этомъ въ Петербургѣ. Началась длительная переписка. Сперва Левинзонъ обратился съ запросомъ къ волынскому губернатору, одобряетъ ли онъ его, Левинзона, проектъ¹⁾. Затѣмъ къ Левинзону стали поступать изъ разныхъ городовъ за подписями представителей кагала, старѣйшинъ города, раввиновъ и ихъ помощниковъ, полномочія возбудить ходатайство въ Петербургѣ²⁾. На это ушло довольно много времени и пока Левинзонъ обратился съ ходатайствомъ къ ми-

¹⁾ Утвердительный отвѣтъ губернатора Жуковского помѣщенъ въ томъ же „Beth Haozer“, 297,

²⁾ Нѣкоторые документы приведены въ „Beer Izchok“, 46—48.

нистру Блудову, истекъ срокъ, назначенный правительствомъ для просмотра книгъ, и раввины получили приказаніе приступить къ исполненію цензорскихъ обязанностей ¹⁾. Послѣ этой неудачи, рассказываетъ Левинзонъ, многія волынскія общины забросали его просьбами, чтобы онъ за извѣстную плату былъ ихъ цензоромъ, но онъ отказался, такъ какъ эта обязанность была связана съ переѣздомъ изъ города въ городъ, а онъ прикованъ тяжелой болѣзнью къ постели.

Сообщая всѣ эти подробности, Левинзонъ отнюдь не скрываетъ той роли, какую онъ лично игралъ при составленіи даннаго указа. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее:

„Вы должны знать, что послѣ того, какъ я получилъ запросъ отъ сановника С. относительно еврейскихъ типографій: вѣрно ли, что въ нихъ часто печатаются безъ всякаго цензурнаго разрѣшенія книги, среди которыхъ попадаются и весьма предосудительныя—я, опасаясь, что это можетъ имѣть крайне вредныя послѣдствія для всѣхъ еврейскихъ типографій и напечатанныхъ въ нихъ книгъ, обратился 20-го іюля 1833 г. къ министру Блудову съ проектомъ, чтобы существовали только три типографіи, одна въ Вильнѣ, остальные въ двухъ другихъ городахъ, гдѣ имѣется цензура. Я послалъ также большой списокъ книгъ, старыхъ и новыхъ, съ указаніемъ, что печатаніе ихъ необходимо: какъ собранія молитвъ, такъ и комментаріи къ Библии и Талмуду, а также книги по раввинской письменности ранняго и позднѣйшихъ періодовъ; отмѣтилъ я также важныя и полезныя книги для воспитанія и обученія дѣтей, а равно и книги, охотно читаемыя простолюдинами и женщинами. Все это я подробно объяснилъ, указалъ на достоинство и большую цѣнность этихъ книгъ и на значеніе ихъ авторовъ. Я предложилъ также, чтобы всѣ три типографіи были въ рукахъ одного человѣка за извѣстную ежегодную плату. Моей цѣлью было благо нашихъ братьевъ и польза правительства. Объ этомъ пришлось бы слишкомъ долго рассказывать, да и здѣсь не мѣсто... Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ зрѣлымъ человѣкомъ, я всѣ свои силы посвящаю благу нашихъ братьевъ въ Россіи; всѣ мои помыслы направлены къ тому, чтобы принести пользу народу, поддерживать достоинство и славу нашей Торы и нашихъ мудрецовъ и защищать отъ всякихъ поклеповъ какъ на своихъ братьевъ, такъ и на славную память нашихъ учителей“ ²⁾

Чтобы судить, дѣйствительно-ли имѣли подъ собой реальную почву опасенія Левинзона относительно репрессій, угрожавшихъ еврейскимъ типографіямъ и ихъ изданіямъ, необходимо принять во вниманіе, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ Николай I поже-

¹⁾ Ходатайство Левинзона было и безъ того обречено на неудачу, такъ какъ фактически „свѣдущихъ людей“, о которыхъ онъ хлопоталъ, не было.

²⁾ *ibid.*

лалъ имѣть свѣдѣнія о томъ, гдѣ именно, и съ чьего дозволенія существуютъ еврейскія типографіи и сколько ихъ ¹⁾. Матеріаломъ для доклада, спѣшно составленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, послужили между прочимъ записки двухъ крещенныхъ евреевъ Фоделло и Зандберга. О характерѣ этихъ записокъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ записки Зандберга: „Иныя типографіи, находясь на время безъ работъ, придумываютъ сами или поощряютъ какого нибудь сочинителя къ изданію книгъ, какихъ бы не было, хотя самыхъ глупыхъ и безсмысленныхъ, только, чтобы содержали критики, скрытыя насмѣшки, хуленія другихъ вѣръ и было бы что печатать. Таковыя книги внушаютъ юношеству ненависть къ христіанскому отечеству и невѣрность къ правительству“ ²⁾.

Какъ видимъ, опасенія Левинзона имѣли извѣстное основаніе и онъ, дѣйствительно, могъ допустить, что со стороны николаевского правительства, весьма склоннаго къ рѣшительнымъ мѣрамъ, еврейскимъ книгамъ угрожала серьезная опасность. Но если даже допустить, что Левинзонъ ошибся, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что предпринятый имъ шагъ явился актомъ защиты дорогой ему еврейской письменности, а не борьбы съ врагомъ. Такъ смотрѣло на шагъ Левинзона и тогдашнее ортодоксальное еврейство, и ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что когда одинъ изъ столповъ тогдашней ортодоксіи, извѣстный Давидъ Лурье изъ Быхова ³⁾, предложилъ представить правительству обоснованную докладную записку съ опроверженіемъ всѣхъ тезисовъ хулителей Талмуда, онъ обратился (въ 1852 г.) съ этой пѣлюю ни къ кому другому, какъ къ Левинзону, и велъ съ нимъ дѣятельную переписку относительно изданія въ русскомъ переводѣ „Zerubabel“ и нѣкоторыхъ другихъ произведеній Левинзона ⁴⁾. Смерть Лурье (1853) помѣшала осуществленію этого проекта.

VI.

Обращенія Левинзона къ правительству по общественнымъ вопросамъ были довольно часты, причемъ, повторимъ, о каждомъ своемъ шагѣ онъ сообщалъ въ печати или въ письмахъ къ общественнымъ дѣятелямъ. Въ томъ же письмѣ къ раввину, о которомъ рѣчь шла въ предыдущей главѣ, Левинзонъ рассказываетъ какъ о своей до-

¹⁾ Ю. Гессенъ, „Къ исторіи евр. типографій“, Евр. Стар. 1909, IV, 251.

²⁾ *ibid.*

³⁾ Можно пожалѣть, что до сихъ поръ еще не написана біографія этого человѣка. Его жизнь, полная драматизма (заключеніе въ крѣпости по ложному доносу, трагическая борьба съ сыномъ, закончившаяся насильственной смертью послѣдняго), представляетъ большой культурно-историческій интересъ.

⁴⁾ См. *Sefer Hasichronoth*, 102—103; *Ber Jzchok*. 165—169.

кладной запискѣ отъ 21 дек. 1831 г. мин. просвѣщенія Ливену ¹⁾, такъ и о письмѣ отъ 16 окт. 1836 г. имп. Николаю I «о нуждахъ своихъ братьевъ». „Съ Божьей помощью, пишетъ онъ, я 22 декабря того же года былъ удостоенъ милостиваго отвѣта, позволившаго питать радостную надежду, что вскорѣ государь милостиво откликнется на помощь моему народу“ ²⁾. Болѣе подробно онъ говоритъ объ этомъ въ Beth Jehudah:

„Я хлопоталъ у правительства о надѣленіи евреевъ землей. Устно и письменно я усиленно агитировалъ среди народа въ пользу земледѣлія, и съ Божьей помощью, моя агитація имѣла успѣхъ: явилось много охотниковъ, выразившихъ желаніе заняться земледѣліемъ. Тогда я обратился къ правительству и оно увѣдомило меня, что оно согласно надѣлить евреевъ безвозмездно землей въ Херсонской губерніи. Многіе отцы семейства письменно изъявили свое согласіе переселиться туда. Всѣ эти документы, какъ и нотаріальныя уполномочія, выданныя на мое имя, а также моя переписка съ правительствомъ—переданы министру внутреннихъ дѣлъ Блудову статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ по приказу государя, какъ о томъ увѣдомилъ меня (кто?) собственноручнымъ письмомъ, которымъ я очень дорожу ³⁾. Черезъ два года

¹⁾ Въ предисловіи къ „Beth Jehuda“ Л. указалъ, будто его книга является отвѣтомъ на вопросъ, предложенный ему „важнымъ сановникомъ выдающимся ученымъ Эмануиломъ Ливеномъ“. Но въ двадцатыхъ годахъ сановника подъ этимъ именемъ не было, министр нар. просвѣщенія (1828—33) Ливенъ назывался Карломъ. Разъясненіе этой загадки даетъ самъ Левинзонъ въ письмѣ къ Р. Кулишеру. „Моя книга Beth Jehudah, носившая сперва заглавіе „Maamar koroth hadath bijoschurun“ (трактатъ о развитіи еврейской религіи), была мною послана въ Вильно моимъ знакомымъ для передачи въ цензурный комитетъ. Получивъ цензурное разрѣшеніе въ 1829 г., я распорядился, чтобы книгу печатали въ видѣ второй дополнительной части моего только что отпечатаннаго „Teudah“. Въ началѣ книги мною былъ помѣщенъ рядъ вопросовъ, отвѣтомъ на нихъ и явилась сама книга... Но когда виленскіе раввины ознакомились съ этими вопросами, они возмутились, находя ихъ крайне опасными для религіи. Они при этомъ выставили еще и такіе доводы, о которыхъ неудобно писать. Виленскій раввинъ обратился ко мнѣ съ письменной просьбой не печатать своего „Трактата о религіи“, типографія же тоже отказалась печатать и вернула мнѣ рукопись. Я написалъ тогда раввину, что инкриминируемые вопросы не отъ меня исходятъ, а задалъ ихъ мнѣ важный и ученый сановникъ и я обязанъ дать ему отвѣтъ. Это ихъ нѣсколько успокоило, но печатать они все таки отказались“. И лишь спустя десять лѣтъ, послѣ долгихъ мытарствъ, рукопись подъ другимъ заглавіемъ увидѣла свѣтъ.

Въ томъ же письмѣ Левинзонъ упоминаетъ о своемъ докладѣ на нѣмецкомъ языкѣ министру Ливену, въ которомъ ходатайствовалъ объ упорядоченіи образованія и улучшеніи быта евреевъ. „Хотя, добавляетъ Л., я ему писалъ не въ видѣ прошенія, а какъ частное письмо, оно тѣмъ не менѣе навѣрно не затерялось и хранится въ архивѣ“ (Jgroth Ribal 17).

²⁾ Beth Haezer 296.

³⁾ Эта неловко построенная фраза и создала легенду о томъ, что Левинзонъ получилъ собственноручное письмо отъ Николая I. (см. Sefer

послѣ моихъ ходатайствъ, государь издалъ благія и цѣлесообразныя распоряженія о евреяхъ: онъ разрѣшилъ имъ заниматься земледѣліемъ, гдѣ имъ угодно, предоставляя при этомъ большія льготы желающимъ заняться этимъ трудомъ; число этихъ желающихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось“ (ibid. ч. 2-ая, изд. III, 134).

Но въ то самое время, когда Левинзонъ радовался вѣсти, что его переписка съ правительствомъ передана министру Блудову, послѣдній, совмѣстно съ шефомъ корпуса жандармовъ Бенкердорфомъ, добивался отміны указа 12 ноября 1835 г. о предоставленіи евреямъ для земледѣлія пустопорожныхъ степей Сибири, такъ какъ онъ, Блудовъ, опасался, что евреи, которые „не могутъ хвалиться нравственностью“, будутъ въ Сибири „разорять и развращать жителей“¹⁾.

Какъ извѣстно, хлопоты Блудова увѣнчались успѣхомъ, переселеніе евреевъ въ Сибирь было пріостановлено, находившіеся въ пути возвращены съ дороги и сотни семействъ были разорены.

Неприглядная дѣйствительность не замедлила принести разочарованіе нашимъ романтикамъ 30—40 годовъ; и весьма любопытна въ этомъ отношеніи грустная повѣсть, сообщаемая однимъ изъ идейныхъ выразителей этой эпохи, В. Мандельштамомъ (братъ Леона Мандельштама) въ докладной запискѣ, поданной имъ М. Монтефіоре во время пребыванія послѣдняго въ Россіи. Мандельштамъ не меньше, чѣмъ Левинзонъ, привѣтствовалъ заботы правительства о привлеченіи евреевъ къ земледѣльческому труду²⁾; но прошло нѣсколько лѣтъ и Мандельштамъ съ прискорбіемъ пишетъ, въ какія безысходно-тяжелыя внѣшнія условія были поставлены еврей-земледѣльцы³⁾.

Такъ плачевно закончилось дѣло, которому Левинзонъ посвятилъ столько силъ и энергіи. Много разочарованій ожидало его и по пути осуществленія другой основной части его программы—упорядоченіе образованія среди евреевъ.

VII.

Надежда Левинзона, выраженная имъ въ вышецитированномъ письмѣ волынскому раввину, что „царь въ ближайшемъ будущемъ приступитъ къ реформѣ школьнаго образованія“—вскорѣ осуществилась. Еще въ 1838 г. подольскій губернаторъ не безъ вліянія, какъ полагаетъ историкъ С. Финъ⁴⁾, со стороны Левинзона,

Hasichronoth 144). Опубликованный Ю. Гессеномъ документъ устанавливаетъ съ несомнѣнностью, что письмо написано Лонгиновымъ, а не государемъ.

¹⁾ В. Н. Никитинъ, Евреи земледѣльцы, 209, 217.

²⁾ См. его Chason Iamoad II, 17.

³⁾ Ibid., 58—59.

⁴⁾ Sofo Ienehmonim, 170.

обратился съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о положеніи школьнаго образованія у евреевъ. Въ томъ же году, когда Левинзонъ послалъ упомянутое письмо, въ чертѣ осѣдлости были учреждены 6 комитетовъ, явившіеся первымъ шагомъ къ планомѣрной постановкѣ вопроса о просвѣщеніи евреевъ. Д-ръ Юсть, къ которому въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ видныхъ еврейскихъ писателей Германіи, русскіе государственные люди обращались съ запросами о мѣрахъ къ улучшенію духовнаго быта евреевъ, свидѣтельствуетъ объ интересѣ Николая I къ дѣлу просвѣщенія евреевъ. Д-ръ Лиліенталь тоже утверждалъ, что мысль объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ образованія принадлежала самому государю, который нашелъ въ Уваровѣ энергичнаго и преданнаго исполнителя. Во всякомъ случаѣ, можно съ большою увѣренностью сказать, что принятое правительствомъ рѣшеніе о просвѣщеніи евреевъ было въ значительной степени вызвано докладными записками Левинзона. Это прекрасно сознавали еврейскіе интеллигентные кружки, воспрянувшіе духомъ послѣ учрежденія комитетовъ. Опасаясь противодѣйствія со стороны ортодоксовъ, они обращались къ содѣйствію Левинзона, считая его наиболѣе вліятельнымъ лицомъ.

„Намъ пишутъ изъ Вильны, сообщаютъ дубенскіе маскилымъ Левинзону: живетъ среди васъ ¹⁾ защитникъ нашего народа Левинзонъ. Просите его, чтобы онъ въ такую минуту не держался въ сторонѣ, пусть откликнется на нужды народа. Мы надѣемся, что онъ не преминетъ выступить своимъ авторитетнымъ мнѣніемъ и будетъ просить правительство объ улучшеніи нашего быта. Авось сжалятся надъ нами Господь и тогда мы, и дѣти наши будемъ благодарны этому славному мужу и имя и дѣла его занесены будутъ на скрижали исторіи нашего народа. Мы увѣрены, что онъ самъ не успокоится, пока не претворятся въ жизнь идеи, изложенныя имъ въ его произведеніяхъ, которыя и побудили сановниковъ подумать о нашемъ благоѣ, въ чемъ насъ убѣждаютъ сужденія этихъ сановниковъ, цѣликомъ основанныя на его доводахъ“ ²⁾.

Въ это время на арену еврейской общественной дѣятельности выступаетъ д-ръ Максъ Лиліенталь, съ именемъ котораго неразрывно связана школьная реформа.

„Среди многочисленныхъ документовъ, пишетъ Ю. Гессенъ³⁾, относящихся къ просвѣтительной реформѣ, въ области которой слѣдовало бы ожидать личнаго общенія между Левинзономъ и Лиліенталемъ, ихъ имена нигдѣ не встрѣчаются рядомъ; тамъ, гдѣ дѣйствовалъ одинъ, отсутствовалъ другой“.

Это вполне правильно отмѣченное странное явленіе становится болѣе понятнымъ при близкомъ ознакомленіи съ сохранив-

¹⁾ Дубно находится въ 40 верстахъ отъ Кременца.

²⁾ Sefer hasichronoth, 56.

³⁾ Пережитое, т. III.

шимся въ еврейскихъ источникахъ письмами и сообщеніями общественныхъ и литературныхъ дѣятелей этой эпохи ¹⁾). Въ виду большой культурно-исторической цѣнности этихъ документовъ, мы имъ удѣлимъ въ дальнѣйшемъ особое вниманіе.

VIII.

Укоренилось представленіе, будто Лиліенталь всюду встрѣчалъ со стороны прогрессивныхъ кружковъ самый радужный пріемъ. Что это мнѣніе нуждается въ весьма существенныхъ поправкахъ, насъ легко можетъ убѣдить интересный во многихъ отношеніяхъ дневникъ-хроника вышеупомянутаго В. Мандельштама—„Chason lamoed“.

При первой вѣсти о проектѣ правительственной реформы Мандельштамъ, находившійся тогда въ Вильнѣ, пришелъ въ восторгъ отъ „милостей государя“. „Мы, дѣлится онъ радостной вѣстью, съ нетерпѣніемъ ждемъ милостей государя черезъ министра Уварова, который, какъ говорятъ, вскорѣ пріѣдетъ“ (12). „Мы хотѣли бы обо всемъ повѣдать министру, дабы онъ зналъ, въ какую тину завязъ нашъ народъ, какъ велико наше паденіе, такъ что безъ милостей царя не подняться намъ“ (18). Тотъ самый Уваровъ, который говорилъ: „если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ назадъ, то я исполню свой долгъ“—не только казался нашимъ маскिलымъ, но въ дѣйствительности былъ искреннимъ поборникомъ просвѣщенія евреевъ; въ то время, какъ онъ видѣлъ въ просвѣщеніи и культурѣ большую деморализирующую опасность для русскаго народа, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ, что только путемъ общечеловѣческаго образованія можно уничтожить въ евреяхъ „фанатизмъ разъединенія и приобщить ихъ къ общему началу гражданственности“. Это обстоятельство необходимо всегда имѣть въ виду, для правильной оцѣнки точки зрѣнія тогдашнихъ маскилымъ ²⁾).

Надежды Мандельштама и его единомышленниковъ не сбылись: пріѣхалъ въ Вильну не Уваровъ, а посланный имъ Лиліен-

¹⁾ М. Г. Моргулисъ не могъ использовать въ своихъ прекрасныхъ „Очеркахъ“ эти источники, такъ какъ послѣдніе въ значительной своей части не были еще опубликованы, когда онъ въ началѣ 70-хъ годовъ приступилъ къ описанію „лиліенталевской“ эпохи.

²⁾ Въ то время, какъ сановники николаевской эпохи смотрѣли съ большимъ пренебреженіемъ на представителей литературы (достаточно напомнить отношеніе Уварова къ смерти Пушкина), фигура „ученаго еврея“ Левинзона возбуждала въ нихъ интересъ, какъ рѣдкостное и любопытное явленіе. Каждый изъ наиболее образованныхъ русскихъ сановниковъ какъ бы считалъ своимъ долгомъ навѣстить Левинзона при проѣздѣ черезъ Кременецъ. Вибиновъ чуть ли не съ этой цѣлью специально туда заѣхалъ (см. письмо Левинзона въ „Sefer Hasichronoth“, 103), а гр. Д. А. Толстой (будущій министръ просвѣщенія) при посѣщеніи Левинзона срисовалъ съ него портретъ, который преподнесъ вел. кн. Маріи Павловнѣ.

таль. До прїѣзда въ Вильну Лиліенталь обратился письменно къ Мандельштаму съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ народномъ дѣлѣ. Польщенный Мандельштамъ посылаетъ Лиліенталю докладную записку съ указаніемъ на главныя причины печальнаго положенія еврейства: 1) незнаніе государственнаго языка; 2) отличие въ одеждѣ отъ другихъ народовъ ¹⁾; 3) пренебреженіе науками; 4) высокомѣрное отношеніе къ ремесламъ; 5) отсутствіе промышленныхъ предпріятій у евреевъ; 6) отсутствіе земледѣлія. Обо всѣхъ этихъ недочетахъ и о средствахъ къ ихъ устраненію единомышленники Мандельштама и собирались доложить министру. Въ отличіе отъ Левинзона, который стоялъ за умѣренные и постепенныя реформы, Мандельштамъ находилъ, что „осталась единственная надежда: чтобы царь далъ намъ путеводителей, облеченныхъ достаточной властью, чтобы повести этихъ глухихъ и слѣпцовъ властной рукой (курсивъ автора) по пути жизни“ (17); этими поводьями должны быть просвѣщенные богословы, вооруженные европейскимъ знаніемъ. Прїѣзду Лиліенталья виленскіе прогрессисты очень обрадовались. При первой встрѣчѣ съ Мандельштамомъ Лиліенталь заявилъ ему, что „для глушцовъ-ортодоксовъ необходимы узда и кнутъ“ и тогда „они покорно пойдутъ, куда ихъ направятъ“ ²⁾. На Мандельштама и его единомышленниковъ Лиліенталь сначала произвелъ чарующее впечатлѣніе. „Онъ въ моихъ глазахъ чуть ли не новый Мойсей, избранный Богомъ спасти народъ!“ патетически восклицаетъ Мандельштамъ ³⁾. Но скоро наступило охлажденіе. Уже въ слѣдующемъ письмѣ Мандельштамъ, сообщаетъ, что „многіе изъ прогрессистовъ сердятся на д-ра Лиліенталья, за то, что онъ держится вдали отъ ревнителей знанія, совѣтуется только съ ортодоксами, надѣвая на себя маску набожнаго человѣка. Маскилымъ считаютъ это ханжествомъ и ему не довѣряютъ“ ⁴⁾.

Когда Лиліенталь былъ приглашенъ въ Минскъ тамошними раввинами и кагаломъ для переговоровъ, Мандельштамъ и его единомышленники, лучше Лиліенталья знакомые съ мѣстными условіями и нравами, отговаривали его отъ поѣздки въ Минскъ, подозрѣвая въ приглашеніи ловушку ⁵⁾. Лиліенталь не послушалъ и, какъ извѣстно, опасенія маскилымъ оправдались; онъ встрѣтилъ со стороны минскихъ ортодоксовъ суровый пріемъ и подвергся разнымъ оскорбленіямъ, о которыхъ подробно сообщаетъ

¹⁾ Большинство тогдашнихъ маскилымъ считало замѣну традиціоннаго костюма платьемъ современнаго покроя однимъ изъ важнѣйшихъ условій для успѣшнаго приобщенія еврейства къ просвѣщенію. Интересна въ этомъ отношеніи статья М. А. Гиндбурга „Al habegodim“ (Leket amorim 90—2).

²⁾ Chason lamoed 20.

³⁾ ibid.

⁴⁾ ibid.

⁵⁾ ibid. II, 25.

Мандельштамъ ¹⁾. Рѣзкая оппозиція, которую встрѣтилъ Лиліенталь въ Минскѣ, пріободрила и виленскихъ ортодоксовъ, и когда Лиліенталь вернулся въ Вильну, онъ убѣдился, что и тамъ положеніе значительно ухудшилось. Всѣ общанія, данныя ему представителями общины при его первомъ пріѣздѣ, были взяты обратно, и на устроенномъ имъ собраніи его встрѣтили съ бранью ²⁾.

Увы, не только ортодоксы отвернулись отъ него, но и прогрессисты, которые считали его виновникомъ ухудшившагося положенія. „Лиліенталь, пишетъ Мандельштамъ, когда ему улыбнулась надежда, вознесся гордыней, и прогрессистовъ, озабоченныхъ благомъ народа, онъ третировалъ какъ пѣшекъ. Этого прогрессисты ему простить не могутъ; они говорятъ: „этотъ человѣкъ думаетъ только о своемъ благѣ и насъ онъ отталкиваетъ отъ священной работы, дабы онъ могъ заявить, что только онъ одинъ избранъ для великой цѣли, а другіе да не посмѣютъ принять участіе“ ³⁾.

Мандельштамъ также находить, что Лиліенталь принадлежитъ къ той группѣ людей, которые думаютъ только о себѣ и своемъ честолюбіи; Лиліенталь все опасается, что не сможетъ такъ быстро выдвинуться, если и другіе будутъ участвовать въ работѣ; онъ не преданъ самой идеѣ, поэтому весь трудъ его построенъ на пескѣ, такъ какъ ему самому не одолѣть такой громадной работы безъ содѣйствія тѣхъ, которыхъ онъ устраняетъ отъ всякаго участія ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе Мандельштамъ не одобряетъ и прогрессистовъ, отвернувшихся отъ Лиліенталю,—они должны помнить, что это приноситъ вредъ народному дѣлу ⁵⁾.

Какъ передаетъ Мандельштамъ, прогрессисты надѣялись, что Лиліенталь, послѣ того, какъ его надежды на сочувствіе ортодоксіи рухнули, въ концѣ концовъ обратится къ прогрессистамъ за содѣйствіемъ при проведеніи школьной реформы, и они были поражены, когда Лиліенталь неожиданно уѣхалъ въ Петербургъ.

IX.

Было бы однако ошибочно заключить, будто таковы были отношенія къ Лиліенталю всего виленскаго кружка прогрессистовъ. Съ нѣкоторыми видными представителями кружка онъ велъ дружественную переписку и послѣ своего отъѣзда изъ Вильны. Лѣтомъ 1842 г., когда министръ Уваровъ, руководствуясь отчетомъ Лиліенталю, готовилъ докладъ Государю и заканчивалъ детальную разработку плана школьной реформы, Лиліенталь старался держать въ курсѣ дѣла своихъ виленскихъ друзей, которые въ свою очередь сообщали ему о настроеніяхъ въ провин-

¹⁾ *ibid.* II, 26.

²⁾ *ibid.* II, 36.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *ibid.* 37.

⁵⁾ *ibid.*

ціи¹⁾. Въ бумагахъ Готлобера мы нашли копію письма Лиліенталъ (отъ 10-го іюля 1842 г.) къ видному виленскому прогрессисту Цеви Гиршъ Каценельбогену. Написанное черезъ пару дней послѣ подписанія Государемъ указа о школьной реформѣ и объ учрежденіи раввинской комиссіи, оно представляетъ несомнѣнный интересъ. Сообщая въ радостно-торжествующемъ тонѣ объ этомъ событіи (при чемъ онъ увѣдомляетъ, что для участія въ комиссію приглашаются также Монтефіоре и Кремье²⁾), Лиліенталъ пишетъ: „И если вы спросите, но вѣдь этотъ указъ не дастъ намъ ни хлѣба, ни платья, зачѣмъ же намъ знанія и науки когда нѣтъ матеріальной опоры? Тогда знайте, что указъ этотъ является первымъ, за которымъ еще въ этомъ году послѣдуютъ три или четыре новыхъ указа, изъ которыхъ вы воочію убѣдитесь, что правительство дѣйствительно желаетъ принести добро и благо нашимъ братьямъ. Наступающіе дни будутъ лучше дней минувшихъ, когда мы были отданы на смѣхъ и позоръ“³⁾.

Въ концѣ лѣта Лиліенталъ, посланный Уваровымъ во вторую командировку по чертѣ осѣдлости, снова посѣтилъ Вильно, гдѣ опубликовалъ свое посланіе къ еврейскому обществу „Magid jeschna“ (Вѣстникъ спасенія)⁴⁾. Посланіе еще больше возбудило противъ Лиліенталъ многихъ виленскихъ прогрессистовъ. Посылая брошюру Лиліенталъ своему другу, Мандельштамъ пишетъ съ горькой ироніей: „ознакомься изъ этой брошюры со всѣми „спасеніями и утѣшеніями“, которыми Лиліенталъ вздумалъ обрадовать насъ“. Съ насмѣшкой Мандельштамъ говоритъ о еврейско-нѣмецкихъ органахъ, „побѣдоносно возвѣщающихъ“ о подвигахъ Лиліенталъ. „Тамъ (въ Германіи) празднуютъ наше торжество, мы же въ недоумѣніи и никакъ не возьмемъ въ толкъ: чему они радуются? въ чемъ они видятъ спасеніе?“⁵⁾. Непріятно пораженный высокоторжественнымъ тономъ посланія, Мандельштамъ недово-

¹⁾ Письмо Лиліенталъ отъ 21 іюля 1842 г. къ виленскому дѣятелю Ниссону Розенталю опубликовано лѣтъ двадцать назадъ въ „Leket amogim“, 87—88.

²⁾ Повидимому, гр. Уваровъ имѣлъ намѣреніе пригласить не только Монтефіоре и Кремье, но и Левинзона. „Я очень обрадовался, пишетъ Левинзону видный представитель одесской интеллигенціи Фриденбергъ въ сентябрѣ 1842 г., что министръ Уваровъ приглашаетъ васъ въ Петербургъ“ (Beer Izchok, 108). Объ этомъ пишетъ также самъ Левинзонъ Готлоберу въ декабрѣ 1842: „Пригласили и меня въ Петербургъ засѣдать въ комиссіи, учреждаемой для блага народа, но что я могу дѣлать? противъ воли я принужденъ былъ отвѣтить отказомъ, такъ какъ я очень слабъ“. (Naboker Or, 1876, 278).

³⁾ Полностью письмо опубликовано въ 3-мъ т. „Пережитого“.

⁴⁾ Переиздано Леттерисомъ въ „Michtabe kedem“ (1866) и Готлоберомъ въ Naboker Or., 1879, стр. 912—918. Лиліенталъ написалъ посланіе по нѣмецки, перевелъ же его на древнееврейскій языкъ извѣстный впослѣдствіи писатель С. І. Финъ, который ввелъ даже въ концѣ посланія свою анаграмму, желая этимъ запечатлѣть свою прикосновенность къ документу. См. А. Gottlob, „Naboker Or“. 1879, 912—13.

⁵⁾ I. c. II, 38.

лень и тѣмъ, что Лиліенталь, какъ онъ о томъ сообщаетъ, передалъ Уварову и другимъ сановникамъ о суровомъ приѣмѣ, встрѣченномъ имъ въ Минскѣ, при чемъ ставить себѣ въ заслугу, что онъ не мститъ обидчикамъ. „Народъ такъ нищъ и бѣденъ, онъ прибитъ и униженъ, и вотъ Господь послалъ намъ доктора, который не нашелъ ничего лучшаго, какъ рассказать расположеннымъ къ намъ сановникамъ объ упрямствѣ и невѣжествѣ евреевъ“¹⁾. Особенно возмутило Мандельштама сообщеніе Лиліенталья о предполагаемомъ созывѣ раввинской комиссіи. „Чѣмъ могутъ намъ помочь наши раввины? Еслибы Лиліенталь совѣтовалъ министру пригласить раввиновъ изъ Германіи, какъ мы надѣялись, это было бы весьма справедливо и цѣлесообразно и принесло бы намъ большую пользу, но чѣмъ помогутъ намъ эти нѣмые истуканы, лишенные языка и знаній?“²⁾. Еще болѣе суровой критикѣ подверглись „Посланіе“ Лиліенталья и вся его дѣятельность со стороны извѣстнаго писателя М. А. Гинцбурга.

Немедленно послѣ появленія „Magid Jeschua“ Лиліенталья, Гинцбургъ, подъ псевдонимомъ Jonah bar Amitai, опубликовалъ свой памфлетъ „Magid emeth“. Изданный въ Лейпцигѣ, „Magid emeth“ представляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Брошюра безспорно написана въ слишкомъ пристрастномъ тонѣ, нужно поэтому нѣсколько критически относиться къ освѣщенію фактовъ, но сами факты, сообщаемые Гинцбургомъ, заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ его „Magid emeth“ появился тогда, когда Лиліенталь былъ въ Россіи³⁾, и онъ могъ бы опровергнуть невѣрные сообщенія противника.

Гинцбургъ начинаетъ съ обращенія къ русскимъ евреямъ: „Слушайте, вы, русскіе граждане! Нѣмцы высокомерно кичатся передъ вами, заявляя, что среди сотенъ тысячъ русскихъ евреевъ не нашлось ни одного, на котораго правительство могло бы положиться, пока не явился нѣмецкій раввинъ изъ дальней страны, котораго правительство и избрало исполнителемъ его воли. Подобное заявленіе обидно и къ тому же глубоко несправедливо“. Указывая, что и въ Вильнѣ много просвѣщенныхъ людей и не мало обывателей, „посылающихъ своихъ дѣтей въ гимназіи и университеты“, Гинцбургъ скорбитъ, что до сихъ поръ не удалось объединить разрозненные прогрессивныя силы въ одну организованную группу, во главѣ которой стояло бы подходящее лицо. При этомъ Гинцбургъ сообщаетъ любопытную подробность, что въ главари группы виленскіе прогрессисты сперва прочли Тугенгольда, но онъ, находясь на государственной службѣ (онъ былъ цензоромъ), отказался, такъ какъ не могъ „обращаться къ правительству въ качествѣ представителя группы, желающей быть посредникомъ между правительствомъ и народомъ“. Тогда прогрессисты

¹⁾ I. с. 41;

²⁾ ibid. 40.

³⁾ Въ концѣ 1842 г. или въ началѣ 1843 г.

обратились къ директору одесскаго училища Бецалелу Штерну, но тотъ „по какой то непонятной причинѣ счелъ возможнымъ отвѣтить обратившимся къ нему писателямъ и ученымъ въ такомъ тонѣ, въ какомъ принято отвѣчать школьникамъ“. Лиліенталь же, подчеркиваетъ Гинцбургъ, менѣе всего соотвѣтствовалъ возложенной на него роли. Авторъ внимательно присматривался къ Лиліенталю во время его пребыванія въ Вильнѣ и убѣдился, что если онъ при скромныхъ знаніяхъ и можетъ недурно управлять училищемъ, то для миссіи народнаго печальника и наставника совершенно не годится. „Этотъ чужестранецъ не въ состояніи даже вникнуть въ положеніе народа, уразумѣть его нужды и найти путь къ его спасенію“. И любопытнѣе всего, какъ Гинцбургъ пытается доказать, что Уваровъ остановился на Лиліенталѣ совершенно случайно, да и то при содѣйствіи одного изъ вліятельныхъ членовъ вилenskaго кружка, Ниссона Розенталя, ходатайствовавшего ¹⁾ тогда въ Петербургѣ о разрѣшеніи открыть въ Вильнѣ образцовое училище. „Розенталь былъ, поясняетъ Гинцбургъ, однимъ изъ представителей народа, съ которымъ правительство совѣтовалось при обсужденіи раввинскаго вопроса“. „Министръ, рассказываетъ Гинцбургъ, будучи лестнаго мнѣнія о Розенталѣ, обсуждалъ съ нимъ вопросъ объ упорядоченіи образованія среди евреевъ и предложилъ ему отдаться этому благодѣтельному для народа дѣлу. Розенталь не отказался и самоотверженно принялъ на себя эту тяжелую обязанность, зная, что въ Вильнѣ у него имѣются помощники. Онъ предвидѣлъ, что фанатики будутъ ставить большія препятствія, и памятуя, что „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ“, онъ попросилъ министра, чтобы тотъ далъ ему въ спутники чужестранца Лиліенталья, который будетъ въ его рукахъ волшебнымъ жезломъ, помощью котораго станетъ возможнымъ творить знаменія предъ глазами народа. Министръ согласился и далъ распоряженіе, чтобы Лиліенталь сопутствовалъ Розенталю въ теченіе шести недѣль. На обратномъ пути изъ Петербурга Розенталь заѣхалъ въ Ригу, забралъ съ собою Лиліенталья и вмѣстѣ направились въ Вильну. По дорогѣ ихъ всюду встрѣчали съ большимъ почетомъ, такъ какъ Розенталь былъ человѣкъ весьма обходительный и всѣ поздравляли его съ новымъ почетнымъ назначеніемъ, какимъ удостоило его правительство. Когда представители Вильны выѣхали Розенталю на встрѣчу, тотъ познакомилъ ихъ съ Лиліенталемъ и просилъ оказать и ему радушный пріемъ. Нечего поэтому быть особенно въ претензіи на этого молодого человѣка, если онъ возмечталъ, что лично ему была устроена эта торжественная встрѣча... На собраніяхъ, гдѣ сходились представители народа обсуждать планы правительства, Розенталь продолжалъ свою тактику выдвигать на первый планъ Лиліенталья; Розенталь утаилъ поэтому отъ нихъ имѣвшійся.

¹⁾ Въ текстѣ сказано *мѣри*, что означаетъ—„былъ приглашенъ“ но очевидно, что это простая опечатка и должно быть *пѣри*.

у него указъ министра, въ которомъ ясно было сказано, что Розенталя является исполнителемъ воли министра, Лиліенталя же назначенъ лишь помощникомъ Розенталя. Розенталя былъ душою дѣла, а Лиліенталя являлся его рупоромъ. И вотъ, вначалѣ Розенталю удалось добиться отъ виленской общины согласія на благія начинанія правительства. Но Лиліенталя продолжалъ по прежнему свою тактику, наивно полагая, что онъ главная двигательная сила и только благодаря его умѣнію дѣло успѣшно подвигается впередъ. Увѣренный въ свои силы, онъ направился въ Минскъ, не обративъ вниманія на предостереженія прогрессистовъ...“.

Разсказавъ о неудачѣ, постигшей Лиліенталя въ Минскѣ, и о печальныхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ она привела въ Вильнѣ, Гинцбургъ сообщаетъ, что Розенталя на собственный счетъ отправилъ Лиліенталя въ Петербургъ, предварительно пославъ подробныя докладныя записки съ отчетомъ о положеніи дѣла. Когда изданъ былъ указъ объ учрежденіи раввинской комиссіи, Уваровъ послалъ Розенталю благодарственное письмо за его самоотверженную дѣятельность.

Поведеніе Лиліенталя при его второмъ посѣщеніи Вильны, куда онъ пріѣхалъ, снабженный особыми полномочіями министра, вызвало особое недовольствіе Гинцбурга. Онъ обвиняетъ Лиліенталя въ томъ, что тотъ, третируя прогрессистовъ, „вооруженныхъ только знаніями, но не золотымъ мѣшкомъ“, всячески ухаживалъ за богачами-заправилами и заигрывалъ съ хасидами и ортодоксами. Съ нескрываеомой ироніей Гинцбургъ передаетъ, какъ Лиліенталя лицемѣрно выполнялъ всѣ религіозныя обряды, даже „ташлихъ“, „капороть“ и „малкутъ“, а въ праздникъ симхатъ-тору онъ въ Минскѣ вмѣстѣ съ хасидами распивалъ въ молельнѣ водку. „Я поневолѣ долженъ признать, что это лицемѣріе и ханжество“—заявляетъ Гинцбургъ. Онъ отмѣчаетъ, что Лиліенталя, сообщая въ своемъ „Посланіи“ о первой поѣздкѣ въ Вильну, совершенно замалчиваетъ роль Розенталя; себя, второстепенную фигуру, Лиліенталя выдвигаетъ на первый планъ, о главномъ же лицѣ, Розенталѣ, которому онъ столькимъ обязанъ, онъ не упоминаетъ вовсе; не счелъ даже нужнымъ упомянуть о томъ, что если ему удалось сравнительно благополучно выбраться изъ Минска, то исключительно благодаря Розенталю, поспѣшившему эстафетамъ увѣдомить представителей власти въ Минскѣ. Какъ и Мандельштамъ, Гинцбургъ укоряетъ Лиліенталя въ томъ, что онъ огульно обвинялъ передъ петербургскими сановниками весь еврейскій народъ въ упорствѣ и фанатизмѣ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить одну любопытную подробность. Въ указаніи Лиліенталя, что правительство намѣрено при успѣшномъ проведеніи школьной реформы приступить и къ улучшенію матеріальнаго быта еврейства—Гинцбургъ видитъ какъ бы оскорбленіе, нанесенное еврейскому народу. Какъ дѣтей, пишетъ Гинцбургъ, орѣхами и пряниками уговариваютъ отправиться въ школу, такъ

Лиліенталь думаетъ расположить народъ къ школьной реформѣ общаніемъ матеріальныхъ благъ,—будто у насъ нѣтъ тысячъ людей, жаждущихъ знанія какъ самоцѣли, не требуя за это никакой награды.

Эта реплика Гинцбурга весьма характерна для многихъ идейныхъ представителей той эпохи. Безспорно всегда нуженъ извѣстный идеализмъ, чтобы имѣть успѣхъ въ великихъ преобразованіяхъ, но широкій и прочный успѣхъ идейнаго движенія только тогда обезпеченъ, когда оно опирается на реальныя потребности и нужды широкихъ слоевъ. Гинцбургъ же и многіе изъ его единомышленниковъ въ своемъ идеалистическомъ порывѣ, никакъ не могли понять того, что достаточно ясно формулировали минскіе ортодоксы въ своемъ отвѣтѣ Лиліенталю: „До тѣхъ поръ, пока государство не предоставитъ евреямъ гражданскихъ правъ, образованіе было бы для нихъ однимъ только несчастьемъ“. Въ до-реформенной Россіи безправному еврейству не къ чему было бы примѣнять европейское знаніе; послѣднее не вызывалось реальными потребностями, а потому всѣ усилія его радѣтелей и печальниковъ разбивались о „фанатизмъ“ массы. Но какъ только явилась реальная потребность, фанатизмъ исчезъ какъ по мановенію жезла, и указъ о всеобщей воинской повинности гораздо болѣе способствовалъ устремленію еврейскихъ дѣтей въ школы, чѣмъ краснорѣчивыя проповѣди маскилымъ.

Гинцбургъ по мотивамъ, о которыхъ можно лишь догадываться, былъ особенно озабоченъ тѣмъ, чтобы его псевдонимъ не былъ раскрытъ и съ этой цѣлью онъ подвергъ обстоятельному критическому разбору брошюру „Magid emet“ въ статьѣ „Kikojon De-jona“¹⁾, обличая при этомъ „безвѣстнаго автора“ Іону бенъ Амитай въ недостаточномъ знаніи древне-еврейскаго языка. Но по существу Гинцбургъ почти ничего не возражаетъ и даже подробнѣе развиваетъ нѣкоторые лишь вскользь затронутые въ разбираемой брошюрѣ пункты. Гинцбургъ съ ироніей говоритъ о тѣхъ радужныхъ надеждахъ, которыми увлеклись при первомъ появленіи Лиліенталю прогрессисты. Имъ, говоритъ онъ, импонировало званіе „докторъ философіи“ и каково было ихъ разочарованіе, когда Лиліенталь оказался самымъ обыкновеннымъ смертнымъ и они нашли въ немъ какъ разъ противоположное тому, что „савская царица нашла въ Соломонѣ“. Особенно интересна для характеристики тогдашнихъ настроеній одна, весьма сильно подчеркнутая въ статьѣ Гинцбурга подробность: оппозиціонное отношеніе извѣстныхъ слоевъ прогрессистовъ къ нѣмецкому еврейству вообще и къ его прессѣ въ частности²⁾. „Какъ глина въ рукахъ гончара, жалуется Гинцбургъ, мы въ рукахъ нашихъ нѣмецкихъ ученыхъ собратьевъ:

¹⁾ Hamoriah, 38—48.

²⁾ О причинѣ матеріальнаго свойства, вызвавшей это отношеніе, рѣчь будетъ дальше.

они издають многочисленныя органы и каждый, умѣющій писать въ газетѣ, мнить себя всеильнымъ судьей. Я этимъ ничуть не думаю огульно нарекать на органы печати, они несомнѣнно приносятъ большую пользу нашему народу, но они по временамъ слишкомъ деспотично поступаютъ съ авторами и сотрудниками. Весьма полезно поэтому доказать, что и мы не безсловесны; эти господа ученые будутъ тогда болѣе осторожны въ выраженіяхъ, зная, что за ихъ слова ихъ могутъ призвать къ отвѣту¹⁾.

При этомъ Гинцбургъ выражаетъ свое негодованіе, что германское еврейство смотритъ свысока на русское, которое будто на столько невѣжественно, что даже по дѣламъ, близко его касающимся, „правительство принуждено прибѣгать къ услугамъ чужестранца“. Въ опроверженіе этого мнѣнія Гинцбургъ указываетъ на то, что въ „созванной въ настоящее время раввинской комиссіи“ засѣдаютъ просвѣщенные русскіе евреи Б. Штернъ и Л. Мандельштамъ.

Авторъ недоволенъ также тѣмъ, что германскія еврейскія общины такъ пренебрежительно относятся къ раввинату и на должность раввиновъ назначаютъ людей, у которыхъ свѣтскія знанія значительно преобладаютъ въ ущербъ богословскимъ; сюда въ Россію подобные нѣмецкіе раввины-„доктора“ могутъ быть приглашены только какъ проповѣдники и какъ завѣдующіе училищами, но ничуть не какъ раввины.

„Къ вамъ, господа доктора, я обращаюсь. Если правительство или общины пригласятъ васъ—милости просимъ! Вы будете весьма желанны, такъ какъ несомнѣнно сумѣете принести много пользы. Но вы должны заранѣе знать, для какой миссіи, для какихъ обязанностей вы ѣдете сюда. Если вы явитесь къ намъ въ качествѣ проповѣдниковъ и учителей, вы найдете внимательную аудиторію, которая съ большой признательностью будетъ слушать ваши произносимыя на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ проповѣди и охотно будетъ подъ вашимъ руководствомъ изучать свѣтскіе предметы, недостатокъ которыхъ чувствуется у насъ... Если же вы думаете занять раввинскіе посты—мой единственный совѣтъ: привезите съ собой Тору, Тору и Тору!“.

Х.

Разочаровавшіеся въ Лиліенталъ виленскіе прогрессисты устремили свои взоры на Штерна. „Онъ,—пишетъ В. Мандельштамъ,—человѣкъ честный, неліцепріятный и неподкупный, онъ не продастъ блага и счастья народа изъ-за корыстолюбія или тщеславія“¹⁾. Но въ юго-западномъ краѣ, куда Лиліенталь при

¹⁾ Chason lamoed, II 42. Интересны также опубликованныя въ сборн. Pardes III, письма С. I. Финна къ Штерну, которыя бросаютъ свѣтъ на отношенія виленскихъ маскилымъ къ Штерну въ началѣ 40-хъ годовъ.

первой своей поѣздкѣ, не заглянулъ, прогрессивные элементы ожидали его съ нетерпѣніемъ; они всюду устраивали ему торжественную встрѣчу и въ значительной степени способствовали тому, что его вторая поѣздка увѣнчалась успѣхомъ. Особенно сильную поддержку Лиліенталь встрѣтилъ въ обществѣ „друзей новаго просвѣщенія“, основу котораго положилъ въ Бердичевѣ И. Б. Левинзонъ въ началѣ 20-хъ годовъ.

Но и въ юго-западномъ краѣ не обошлось безъ треній, и въ торжествующемъ хорѣ вскорѣ зазвучали и ноты недовѣрія. И въ юго-западномъ краѣ Лиліенталь стали обвинять въ авторитарныхъ наклонностяхъ, и если въ Вильнѣ поводомъ для такого обвиненія послужило его нѣсколько высокомерное отношеніе къ мѣстнымъ прогрессистамъ, въ юго-западномъ краѣ причиной недовольства явились двусмысленныя отношенія Лиліенталь къ Левинзону.

Юго-западные маскилымъ не сомнѣвались, что первую роль будетъ играть Левинзонъ, и Лиліенталь поспѣшилъ къ нему, чтобы обсудить предложенныя реформы. Еще въ іюлѣ 1842 г., при первомъ извѣстіи о созывѣ комиссіи, А. Л. Тиктинъ изъ Одессы пишетъ Левинзону: „Я думаю, что когда Лиліенталь будетъ по близости вашего города, онъ безъ сомнѣнія завернетъ къ вамъ. Вы первый своими самоотверженными трудами и полезными сочиненіями склонили государя быть милостивымъ къ намъ. Ваши творенія бросили свѣтлыя сѣмена въ сердцахъ многихъ тысячъ нашихъ братьевъ, будили ихъ отъ сна¹⁾“.

Въ увѣренности, что Лиліенталь войдетъ въ тѣсныя сношенія съ Левинзономъ, многіе изъ маскилымъ, мечтавшихъ объ учительскихъ мѣстахъ въ новыхъ школахъ, обращались къ Левинзону съ просьбой хлопотать за нихъ у Лиліенталь. „Еще разъ прошу тебя, пишетъ Яковъ Рейфманъ Левинзону, замолви за меня доброе слово передъ Лиліенталемъ... Я скоро пошлю тебѣ обширное письмо со вложеніемъ письма для Лиліенталь“²⁾. „Вы сообщили своему племяннику—пишетъ изъ Одессы извѣстный Я. Эйхенбаумъ въ сентябрѣ 1842 г.,— что Лиліенталь заѣдетъ повидаться съ вами. Мы уже здѣсь знаемъ, какимъ почетомъ и вліяніемъ онъ пользуется въ высшихъ сферахъ и что правительство вполне солидарно съ нимъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся евреевъ. Я обращаюсь поэтому къ вамъ съ просьбой замолвить за меня доброе слово, дабы мое имя осталось у него въ памяти. И когда съ Божіей помощью будетъ осуществленъ царскій проектъ объ открытіи еврейскихъ училищъ, пусть онъ (Лиліенталь) вспомнитъ обо мнѣ и дастъ мнѣ учительскую должность... Мнѣ до сихъ поръ не удалось устроиться..., а меня Господь благословилъ шестью дочерьми и однимъ сыномъ“³⁾. Съ анало-

¹⁾ Sefer Hasichronoth, 70.

²⁾ Jalkut Ribal, 96.

³⁾ Beer Izchok. 93.

гичной же просьбой обратился и Готлоберъ сперва къ Левинзону¹⁾, а потомъ непосредственно къ Лиліенталю²⁾, съ которымъ онъ познакомился въ декабрѣ 1842 г. въ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Но именно въ дѣлѣ зачисленія въ кандидаты на учительскія должности—Лиліенталь находился въ щекотливомъ положеніи. Какъ извѣстно, правительство намѣревалось пригласить учителей изъ-за границы. По порученію Уварова Лиліенталь вступилъ объ этомъ въ переписку съ заграничными учеными. Болѣе 200 человекъ ждали въ Германіи разрѣшенія вопроса объ открытіи училищъ, иностранные органы даже посылали Лиліенталю упреки за медлительность въ приглашеніи, и Лиліенталь торжественно пообѣщаль, что немедленно по учрежденіи училищъ послѣдуютъ приглашенія³⁾. Но самъ Лиліенталь, противъ собственной воли, значительно содѣйствовалъ тому, что правительство отказалось отъ своего первоначальнаго плана. Поѣздка Лиліенталья вполне убѣдила его въ томъ, что имѣется лишь одинъ немногочисленный классъ, т. н. „друзей просвѣщенія“, который встрѣтитъ съ сочувствіемъ предстоящія реформы. Эти свои впечатлѣнія онъ и передалъ Уварову. Для правительства это было пріятной неожиданностью: оно не предполагало, чтобы имѣлась такая группа. „Правительству, писалъ Уваровъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, остается дѣйствовать тутъ въ духѣ горсти лучшихъ между евреями, давши имъ своими мѣрами покровительства надлежащій перевѣсъ“⁴⁾. Правительство отказалось поэтому отъ приглашенія иностранныхъ учителей. Одна изъ инструкцій, данныхъ Лиліенталю передъ его второй поѣздкой, гласила: „Обратите особое вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые похвальнымъ своимъ трудолюбіемъ приобрѣли уже нѣкоторыя познанія въ наукахъ и могутъ своимъ благороднымъ рвеніемъ въ пользу блага своихъ единовѣрцевъ содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, или назначеніемъ ихъ на должность учителей, или же приготовленіемъ ихъ къ педагогическому поприщу въ общихъ заведеніяхъ имперіи“⁵⁾. Лиліенталь не могъ сочувствовать этому новому плану, хотя бы потому, что онъ этимъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе передъ заграничными кандидатами. Интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій рассказъ Готлобера: „Во время своего пребыванія въ Могилевѣ на Днѣстрѣ Лиліенталь уединился разъ со мною и подробно сообщилъ мнѣ о своей миссіи. Между прочимъ онъ передалъ мнѣ, что, согласно желанію министра Уварова, онъ въ каждомъ городѣ долженъ освѣдомляться о приверженцахъ просвѣщенія, какъ бы ни малочислены они были, укрѣплять ихъ духъ сообщеніемъ о благихъ намѣреніяхъ правительства. Но такъ

¹⁾ Неизданные письма Готлобера къ Левинзону.

²⁾ Naboker Og, 1879, 919.

³⁾ М. Г. Моргулисъ, Вопросы евр. жизни 69—70.

⁴⁾ Тамъ-же, 45.

⁵⁾ Тамъ-же.

какъ онъ лично не знаетъ этихъ приверженцевъ, онъ обратился ко мнѣ съ просьбой сообщить ему, кого я знаю въ тѣхъ городахъ, куда онъ направляется, дабы онъ могъ снестись съ ними и совѣтоваться относительно предстоящей цѣли. Я далъ ему списокъ всѣхъ маскилымъ, которыхъ я знаю въ разныхъ городахъ, и обѣщалъ ему также составить для него очеркъ по исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи¹⁾.

Какъ видимъ, о самомъ главномъ, о томъ, что особенно могло интересоваться Готлобера, о предположеніи министра назначить „друзей просвѣщенія“ на должности учителей—Лиліенталь умолчалъ²⁾. Казалось бы, что Лиліенталю было бы цѣлесообразнѣе обратиться за справками не къ молодому и мало тогда извѣстному Готлоберу, или къ совершенно безвѣстнымъ „друзьямъ просвѣщенія“, а къ И. Б. Левинзону. Игнорированіе Левинзона нельзя объяснить тѣмъ, что Кременецъ лежалъ въ сторонѣ отъ маршрута Лиліенталья: вѣдь и Воложинъ, и Любавичи, лежали въ сторонѣ, что однако не помѣшало Лиліенталю посѣтить тамъ обоихъ корифеевъ ортодоксіи—миснагды р. Исаака³⁾ и хассида р. Менделя. Самъ Лиліенталь, которому значеніе Левинзона было давно извѣстно⁴⁾, поспѣшилъ увѣдомить Левинзона, что онъ заѣдетъ къ нему, но потомъ подъ разными предлогами сталъ откладывать исполненіе обѣщанія. Когда Готлоберъ сообщилъ Левинзону въ декабрѣ 1842 г. объ услугахъ, оказанныхъ имъ Лиліенталю во время пребыванія послѣдняго въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Левинзонъ отвѣтилъ: „Ты пишешь, что прислуживалъ этому выдающемуся и преданному народнымъ интересамъ человѣку; увѣряю тебя, ты сдѣлалъ этимъ благое дѣло. Этотъ человѣкъ избранъ Богомъ стать спасителемъ народа, и онъ вполне подходитъ для взятой на себя миссіи... Я надѣялся, что онъ будетъ у меня въ Кременцѣ, онъ даже писалъ мнѣ изъ Петербурга, что специально ѣдетъ въ Кременецъ повидаться со мной, но потомъ онъ велѣлъ передать мнѣ, что не заѣхалъ, такъ какъ Кременецъ не по дорогѣ, но обѣщалъ быть у меня весною“⁵⁾. Но Лиліенталь обѣщанія не исполнилъ.

¹⁾ Naboker Or, 1879, 922.

²⁾ Подобная тактика Лиліенталья не мало способствовала охлажденію къ нему „друзей просвѣщенія“. Весьма характерно въ этомъ отношеніи письмо Федорова-Гринбаума къ Готлоберу, гдѣ тотъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о Лиліенталѣ, къ которому онъ обратился съ просьбой пристроить его въ учреждаемыхъ школахъ; см.—Евр. Стар., 1910, III, 417.

³⁾ Свое посѣщеніе Исаака Воложинскаго Лиліенталь описываетъ въ письмѣ къ Н. Розенталю, опубликованномъ въ „Leket amogim“, стр. 88—89.

⁴⁾ См. его письмо къ М. А. Гинцбургу (Пережитое, т. II, 289—293).

⁵⁾ Naboker Or, 1879, 278.

XI.

Нѣкоторыя любопытныя подробности, бросающія свѣтъ на отношенія Лиліенталя къ Левинзону, мы находимъ въ письмахъ друзей послѣдняго по случаю пребыванія Лиліенталя въ Одессѣ. Тиктинъ затрагиваетъ въ своемъ письмѣ къ Левинзону (18 сентября 1842 г.) одинъ пунктъ, на которомъ г. М. Моргулисъ подробно остановился въ своихъ очеркахъ: отъѣздъ Штерна изъ Одессы въ Крымъ передъ пріѣздомъ Лиліенталя¹⁾. Тиктинъ возмущенъ тѣмъ, что „негодные люди, тщеславные и ханжи... распускаютъ ложные слухи... Находятся люди, которые считаютъ для себя выгоднымъ сѣять раздоры..., разъединить благородныя сердца. Эти господа не хотятъ понять, насколько для счастья нашихъ братьевъ необходимо, чтобы славные мужи, призванные заботиться о благѣ народа, жили въ мирѣ и любви. И вотъ эти то господа распространяютъ ложные слухи, будто директоръ (Штернъ) уѣхалъ, не желая быть свидѣтелемъ торжественной встрѣчи Лиліенталя, между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, что онъ (Штернъ) уѣхалъ еще за недѣлю до того, какъ стало извѣстно, что Лиліенталь пріѣзжаетъ. И мнѣ доподлинно извѣстно, что Штернъ намѣревался уѣхать еще до праздника Рошъ-гашана, но онъ, какъ самъ мнѣ объяснилъ, нарочно отложилъ свою поѣздку, такъ какъ рассчитывалъ, что Лиліенталь пріѣдетъ сюда до праздника. Когда же оказалось, что Лиліенталь задержался въ дорогѣ и не доѣхалъ еще даже до Бердичева, Штернъ уѣхалъ, надѣясь, что успѣетъ еще вернуться до пріѣзда Лиліенталя“²⁾. Тиктинъ, опасаясь, что раздоры будутъ имѣть дурныя послѣдствія, проситъ Левинзона, чтобы онъ своимъ авторитетомъ вырвалъ „сѣмя раздора прежде, чѣмъ оно успѣетъ дать плоды“. „Хотя, добавляетъ онъ, и вамъ извѣстна доброта Лиліенталя, обширность его ума и его преданность дѣлу, такъ что не легко будетъ сѣятелямъ раздора найти у него откликъ... Но вы вѣдь изъ предыдущихъ моихъ писемъ знаете, каковы нравы нашихъ одесситовъ... Очень прошу васъ поэтому, когда Лиліенталь будетъ у васъ въ Кременцѣ, ознакомьте его съ положеніемъ дѣла и съ замыслами этихъ людей... Если же Лиліенталь уже уѣхалъ изъ Кременца, объясните все ему письменно“³⁾.

Итакъ, были люди, желавшіе усилить разрывъ между Штерномъ и Лиліенталемъ. И если вѣрно предположеніе, что Штернъ

1) „Директора Штерна, пишетъ г. Моргулисъ, не было въ Одессѣ въ то время, когда Лиліенталь тамъ стяжалъ лавры. Хотя Штернъ испросилъ себѣ отпускъ въ Крымъ для изученія древнихъ памятниковъ, но можно полагать, что отпускъ этотъ не былъ случайный; потому что изъ собранныхъ нами свѣдѣній видно, что отношенія между ними были неровныя и что между ними и послѣ во время засѣданія въ раввинской комиссіи, происходили столкновенія, принимавшія подчасъ личный характеръ“.

²⁾ Beer Jzechok, 89.

³⁾ ibid.

въ своемъ недружелюбномъ отношеніи къ Лиліенталю „дѣйствовалъ подѣ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, что правительство въ великомъ починѣ преобразованія русскихъ евреевъ отдало предпочтеніе Лиліенталю“ — одесситы старались еще сильнѣе уязвить самолюбіе Штерна, избравъ, въ его отсутствіи, Лиліенталю въ раввина и проповѣдника города Одессы ¹⁾. Возможно, что тутъ извѣстную роль сыграло то обстоятельство, что тогда въ Одессѣ сильно было вліяніе бродскихъ выходцевъ, которыми могло льстить, что во главѣ реформы стоитъ нѣмецкій еврей. Но Левинзону не удалось „вырвать сѣмя раздора“; даже противъ него самого были уже вскорѣ предприняты въ Одессѣ недружелюбныя дѣйствія. Одинъ изъ почитателей Левинзона. Я. Германъ, пишетъ ему (январь 1843 г.): „Я совершенно не понимаю вопроса вашего въ послѣднемъ письмѣ: „или можетъ мои недруги не дадутъ вамъ заѣхать ко мнѣ?““. Никто ни изъ друзей, ни изъ недруговъ, не можетъ мѣшать мнѣ видѣться съ вами, когда я хочу“. Въ томъ же письмѣ Германъ пишетъ: „Очень меня огорчило ваше сообщеніе, что недруги ваши причинили вамъ много непріятностей, и что изъ-за этого и Лиліенталь не навѣстилъ васъ, такъ какъ васъ оклеветали предъ нимъ“ ²⁾.

Наибольшій интересъ представляетъ письмо дяди Германа, Моисея Фриденберга, къ Левинзону. Какъ мы видѣли, Фриденбергъ въ сентябрѣ мѣсяца 1842 г. выразилъ Левинзону свою радость по случаю приглашенія его въ раввинскую комиссію. Зналъ ли Фриденбергъ, что Левинзонъ отказался по болѣзни, или ему было извѣстно, что не одна болѣзнь мѣшаетъ Левинзону засѣдать въ комиссіи, во всякомъ случаѣ онъ теперь (февралѣ 1843 г.) возвращается къ этому вопросу: „Я долженъ вамъ сообщить, дорогой мой, что во время пребыванія Лиліенталю въ Одессѣ, я воспользовался тѣмъ, что онъ остановился въ моемъ домѣ и часто говорилъ съ нимъ о васъ. Я все допытывался узнать, отчего онъ не поѣхалъ въ мѣсто вашего пребыванія свидѣться съ вами. Я указывалъ ему, какъ велика необходимость, чтобы онъ совѣтывался съ вами о столь важномъ для всего еврейства дѣлѣ, прежде, чѣмъ онъ будетъ засѣдать въ комиссіи“. Лиліенталь оправдывался, увѣряя, что дѣлалъ это безъ всякаго злого умысла и что онъ еще надѣется свидѣться съ Левинзономъ, или въ крайнемъ случаѣ списаться. Но, повидимому, оправданія Лиліенталю не удовлетворили Фриденберга: „Изъ моихъ дальнѣйшихъ строкъ, пишетъ онъ, вы легко догадаетесь и объ остальномъ недосказанномъ...: вамъ вѣдь достаточно одного намека. Вотъ что я сказалъ ему: „Нѣтъ другого, который такъ зналъ бы нужды и потребности народа, какъ Левинзонъ. Нѣтъ среди насъ другого такого врача, способнаго съ успѣхомъ врачевать немощи народа; онъ, Левинзонъ, изу-

¹⁾ Вопросы евр. жизни, 55.

²⁾ Beer Jzchok, 99—100.

чиль всё народныя болѣзни и знаетъ, какія нужны лекарства. И если тамъ (въ комиссіи) нуженъ будетъ совѣтъ свѣдущаго врача, крайне необходимо пригласить туда Левинзона. Потому что если пригласятъ хотя бы превосходнаго врача ¹⁾ изъ чужой страны, тотъ, не знакомый съ климатомъ нашей страны, когда примется лечить по своему разумѣнію, какъ онъ привыкъ на своей родинѣ—не только не будетъ имѣть успѣха, но можно даже опасаться, что онъ принесетъ вредъ. А потому нѣтъ ничего разумнѣе, какъ посоветоваться съ мѣстнымъ врачомъ, прекрасно знающимъ условія страны, характеръ ея обитателей, ихъ жизнь и обычаи,—онъ лучше всѣхъ понимаетъ, что имъ можетъ вредить и что принести пользу“ ²⁾).

Ясно, въ чемъ дѣло. Мы видимъ, такимъ образомъ, что и среди юго-западныхъ прогрессистовъ стало зарождаться недовольствіе тактикой Лиліенталя. И тамъ, какъ въ Вильнѣ, стали высказывать опасенія, что стремленіе Лиліенталя играть главную роль въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго еврейства можетъ принести лишь вредъ.

XII.

Послѣ неожиданнаго отъѣзда Лиліенталя изъ Россіи, проведеніе школьной реформы было поручено Леону Мандельштаму, состоявшему при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Этотъ несомнѣнно даровитый человѣкъ подвергался рѣзкимъ хотя не всегда вполне заслуженнымъ нападкамъ, такъ какъ его имя неразрывно связано съ той школьной эпопеей, которая превратила мечту Левинзона объ упорядоченіи воспитанія въ такую же уродливую карикатуру, въ какой вылилась другая основа программы Левинзона—доступъ къ производительному труду.

Упорядоченіе образованія свелось правительствомъ „къ постепенному сближенію евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ и къ искорененію суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ Талмуда“ ³⁾, который, по убѣжденію Уварова, „развращалъ и развращаетъ“ евреевъ. Какъ ни старался Левинзонъ въ своихъ трудахъ ознакомить власть съ внутренней религіозной жизнью евр. народа, доказать, какъ далеко Талмудъ отъ всего, что ему приписывается религіозной враждой и невѣжествомъ, правительство продолжало видѣть въ произведеніяхъ Левинзона лишь „превосходное опроверженіе заблужденій евреевъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Намекъ на докторскій дипломъ Лиліенталя.

²⁾ Beer Jzchok, 100—101.

³⁾ Сборн. постанов. по Мин. Нар. Просв. т. II. 1840—1855 г., 340 (Цит. по Моргулису).

⁴⁾ Въ докладной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (Sefer Hasichronoth, 122).

Вмѣсто обѣщанныхъ дополнительныхъ ремесленныхъ курсовъ, которые должны были по первоначальному плану составлять основу еврейскихъ училищъ, правительство направило въ школахъ свое вниманіе на борьбу съ „развращающимъ“ дѣйствіемъ Талмуда¹⁾.

И Мандельштамъ былъ официальнымъ поставщикомъ всевозможныхъ катехизисовъ, которыми правительство надѣялось вытѣснить Талмудъ изъ обихода и на которыхъ еврейская масса въ то же время смотрѣла какъ на никому ненужную, дорого стоящую затѣю.

Будучи почитателемъ Левинзона, Мандельштамъ, занявъ должность при министерствѣ, всячески старался улучшить тяжелое матеріальное положеніе одинокаго и больного старика. Въ письмѣ къ Левинзону (августъ 1846 г.). Мандельштамъ упоминаетъ о томъ, что онъ совѣтовалъ Л-ну и М. А. Гинцбургу (въ началѣ 1846 г.) „какъ надо дѣйствовать“: повидимому, онъ совѣтовалъ хлопотать въ министерствѣ о пособіи для изданія ихъ неопубликованныхъ произведеній. „Гинцбургъ, пишетъ Мандельштамъ, послѣдовалъ моему совѣту, вы же какъ отшельникъ, не свѣдущій въ житейскихъ дѣлахъ, избрали другой, окольный путь. Я пишу объ этомъ не съ тѣмъ, чтобы убѣдить васъ, какъ неправильно вы поступили, тѣмъ болѣе, что изъ перваго вашего письма я вижу, что вы иначе и не могли поступить изъ за переписчиковъ (?)²⁾. Я только потому коснулся этого, что долженъ сообщить вамъ о слѣдующемъ неутѣшительномъ финалѣ. Когда въ министерство поступило съ одной стороны письмо сановниковъ относительно васъ, а въ то же время получились непосредственно отъ Гинцбурга его сочиненія съ приложеніемъ весьма изящнаго письма—оказалось въ результатъ то, что вы и ему (Гинцбургу) повредили, такъ какъ дѣло заглохло для васъ обоихъ“³⁾.

Очевидно, тутъ рѣчь идетъ о письмѣ Левинзона отъ 5 февраля 1846 г. къ министру внутреннихъ дѣлъ, которое вмѣстѣ съ отзывомъ волынскаго губернатора было препровождено министру просвѣщенія. Письмо Мандельштама и объясняетъ почему „Уваровъ приказалъ оставить бумаги безъ всякаго движенія“⁴⁾. Въ силу обычныхъ, по бюрократическимъ традиціямъ, вѣдомственныхъ треній, обращеніе Левинзона въ министерство просвѣщенія черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ оказалось до того предосудительнымъ, что изъ-за этого, за одно съ Левинзо-

1) Левинзонъ указывалъ въ письмѣ къ Уварову на необходимость „обратить въ еврейскихъ училищахъ главное вниманіе на доставленіе европейскихъ знаній, а не на борьбу съ Талмудомъ“. Пережитое, т. I, 2-й отд., 35.

2) Въ текстѣ сказано: „kozgu jodechu meoschia loch al odoth hamaa tikim“, что можетъ также означать: изъ за переводчиковъ. Въ обоихъ случаяхъ смыслъ фразы остается неяснымъ.

3) Beer Jzchok. 135.

4) Ю. Гессенъ. Пережитое, III, 33.

номъ, пострадало и другое лицо—Гинцбургъ. Въ томъ же письмѣ Мандельштамъ общается Левинзону, что онъ „не успокоится, пока положеніе Левинзона не улучшится настолько, чтобы онъ на старости лѣтъ не нуждался“.

И Мандельштамъ, дѣйствительно, старался сдержать слово. 5 марта 1847 г. извѣстный Федоровъ¹⁾ сообщаетъ Левинзону, что Мандельштамъ запросилъ кievскаго цензора Зейберлинга, не является ли возможнымъ предоставить Левинзону должность при учреждаемыхъ училищахъ. Зейберлингъ и поручилъ Федорову узнать у Левинзона, позволяетъ ли ему здоровье „вступить на русскую службу“²⁾. Четыре дня спустя Левинзонъ благодаритъ Рувима Кулишера за „драгоценное письмо“, которое доставило ему „большую пріятность“: „Должность, о которой мнѣ въ письмѣ своемъ вспоминаете, есть очень для меня лестная и таковую съ большимъ удовольствіемъ принять согласенъ“³⁾. Въ іюль того же года Левинзонъ пишетъ тому же Кулишеру: „Получилъ я на дняхъ письмо отъ дирекціи и я ближайшей же почтой пошлю подробный отвѣтъ. Но такъ какъ я теперь не въ состояніи писать много, сообщаю тебѣ пока: Начиная съ Пасхи, и дня не прошло, чтобы я не испытывалъ страшныхъ болей. Я не могу ни ѣсть, ни спать, но при всемъ томъ я не могу отказаться отъ этой должности. Я много лѣтъ трудился на благо народа, благодаря мнѣ правительство сдѣлало великій начинъ преобразованія русскаго еврейства, какъ же я могу теперь остаться въ сторонѣ? Я поэтому усиленно лѣчусь теперь, бросаю всякія занятія, чтобы нѣсколько укрѣпить организмъ. Ызда для меня крайне тяжела, вѣдь уже 25 лѣтъ, какъ я не переступилъ порога своего дома... Придется переждать еще нѣсколько недѣль, пока сдѣлаю необходимыя приготовленія для поѣздки, такъ какъ я совершенно нагъ, словно новорожденный. Такимъ оборванцемъ стыдно показаться даже въ моемъ городкѣ передъ простыми людьми, тѣмъ болѣе въ чужомъ городѣ. Я еще долженъ бѣднымъ людямъ, которые содержали меня, когда я терпѣлъ крайнюю нужду“⁴⁾.

Левинзонъ проситъ поэтому, чтобы правительство выдало ему заимообразно сумму, необходимую для обмундировки и поѣзда. Къ этому же онъ возвращается въ слѣдующемъ письмѣ къ Кулишеру, въ которомъ Левинзонъ сообщаетъ, что онъ уже увѣдомилъ дирекцію о согласіи принять предлагаемую должность. Насколько можно судить по данной перепискѣ⁵⁾, въ переговорахъ, которые велъ Левинзонъ съ директоромъ училищъ Трахимовскимъ, рѣчь шла о принятіи участія въ дѣлахъ учрежденнаго при дирекціи училищъ комитета для испытанія будущихъ преподавате-

¹⁾ См. переписку Готлобера, Евр. Стар., 1910.

²⁾ Beer Jzhok, 138.

³⁾ Пережитое II, 295.

⁴⁾ Jgrot Ribal. 3—4.

⁵⁾ ibid. 7.

лей въ училищахъ. Это ясно вытекаетъ изъ отвѣта Кулишера на первое письмо Левинзона. Выразивъ свою и своихъ единомышленниковъ радость, что Левинзонъ согласился пріѣхать въ Житомиръ, Кулишеръ пишетъ: „Сегодня я сообщилъ директору о вашемъ согласіи и онъ поручилъ мнѣ списать для васъ слѣдующее мѣсто изъ письма попечителя къ нему, гдѣ рѣчь идетъ о васъ. Вотъ это мѣсто¹⁾: „Вслѣдствіе сего, (т. е. Вашего представленія о г. Левинзонѣ), имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что, соглашаясь съ мнѣніемъ Вашимъ о необходимости г. Левинзона къ принятію участія въ дѣлахъ испытательнаго комитета, я вмѣстѣ съ симъ вошелъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія съ представленіемъ по сему предмету, и также прошу разрѣшенія Его Сіятельства выдать г. Левинзону на подъемъ и путевыя издержки 150 р. серебр. изъ суммы свѣчн. сбора, съ предоставленіемъ права получить въ послѣдствіи особенное денежное вознагражденіе за труды его по комитету“ и т. д.¹⁾ .

Вскорѣ послѣ этого Мандельштамъ пишетъ изъ Петербурга Левинзону:

„Могу васъ обрадовать двумя извѣстіями. Во первыхъ, министръ утвердилъ васъ въ члены испытательной комиссіи. Это легкій и пріятный трудъ, не обременительный даже для вашего слабаго здоровья. Вознагражденіе будетъ вполнѣ приличное. Второе отрадное извѣстіе состоитъ въ томъ, что министръ далъ согласіе пригласить васъ сюда (въ Петербургъ) на два, три мѣсяца, если только здоровье вамъ позволитъ. И какъ только получу отъ васъ отвѣтъ, министръ дастъ распоряженіе кievскому попечителю о выдачѣ вамъ необходимыхъ для покрытія путевыхъ расходовъ, 150 р. О необходимомъ же на содержаніе здѣсь ужъ мы позаботимся, только не замѣшайтесь дома, ибо дѣло не терпитъ. Если же здоровье не позволяетъ, такъ помните, сколько именитыхъ людей жертвуютъ жизнью на войнѣ для блага народа и я бы хотѣлъ умереть такой же смертью за свой народъ и за родину. Если же вы стѣсняетесь выступить передъ сановниками, такъ какъ вы языкомъ не такъ свободно владѣете, какъ перомъ—вы должны помнить, что и величайшій нашъ пророкъ не обладалъ даромъ слова и братъ ему былъ подмогой. Если же вы, какъ человѣкъ болѣзненный, боитесь одиночества, такъ знайте, что и я, и мои единомышленники высоко цѣнимъ обязанность прислуживать мудрецамъ. Вы должны также имѣть въ виду, что здѣсь вы сможете высказывать свое мнѣніе и по такимъ вопросамъ, которыхъ письменно не удобно касаться. Вы сможете также лично свидѣться со своими знакомыми въ министерствѣ внутрен-

1) Цитата изъ письма попечителя; приведена въ письмѣ Кулишера, въ оригиналѣ, *по русски*.

2) Jgroth Ribal, 5.

нихъ дѣлъ и пр. Поэтому пусть ничто васъ не удержитъ, и да будетъ вашъ отвѣтъ: „да“, о чемъ я не замедлю извѣститъ свое начальство“¹⁾.

Въ письмѣ (на нѣмецкомъ языкѣ) отъ 7 марта 1848 г. Левинзонъ благодаритъ Уварова за „оказанную ему честь принять официальное участіе въ дѣлѣ просвѣщенія единовѣрцевъ“²⁾.

Но несмотря на то, что испрашиваемые Левинзономъ 150 р. были ему выданы, онъ изъ-за болѣзни остался въ Кременцѣ.

По сообщенію Левинзона³⁾, въ томъ же 1848 г. къ нему пріѣхалъ по порученію министра Уварова Л. Мандельштамъ. Къ сожалѣнію, Левинзонъ ничего не сообщаетъ о характерѣ этого порученія.

„Послѣ того, пишетъ Р. Кулишеръ, какъ Левинзонъ, по крайне болѣзненному состоянію, вынужденъ былъ отказаться отъ предложеннаго ему мѣста въ Житомирѣ, благоволившая къ нему высшая администрація лишена была возможности оказывать ему прямую и непосредственную помощь“⁴⁾.

Положеніе Левинзона стало трагическимъ. Бѣдная семья, жившая въ его домѣ и ухаживавшая за нимъ, вслѣдствіе ряда несчастныхъ случайностей распалась, и больной старикъ осиротѣлъ. Прикованный къ постели, онъ былъ оторванъ отъ міра и въ довершеніе всего, когда наступила одинокая старость и жизнь стала угасать, неутомимый труженикъ, у котораго „не было никакой привязанности, кромѣ читателя, никакой радости, кромѣ общенія съ читателемъ“, былъ лишенъ послѣдней радости увидѣть свои произведенія напечатанными. Тяжело было сознавать, что рукописи, которымъ онъ посвятилъ всѣ свои силы, которыми отдалъ свою многострадальную жизнь, — попадутъ въ чужія руки и, быть можетъ, совсѣмъ исчезнутъ. „Что я могу дѣлать, пишетъ онъ въ 1856 г. одному изъ своихъ почитателей, Арону Рейху, у меня нѣтъ средствъ опубликовать свои произведенія, я даже думать объ этомъ не могу... Я старъ, на порогѣ смерти, и я здѣсь, въ Кременцѣ, одинокъ, какъ въ пустынѣ... Я боюсь, что послѣ моей смерти рукописи могутъ погибнуть, а я вѣдь трудился надъ ними дни и ночи, ничѣмъ въ жизни не пользовался, жилъ въ лишеніяхъ, одинокій, и думалъ только о нихъ. Повѣрьте мнѣ, если бы кто явился, согласный ихъ напечатать, я бы ихъ ему подарилъ, лишь бы онѣ были опубликованы...“

Опасаясь за участь рукописей, Левинзонъ отправилъ ихъ на храненіе своему племяннику въ Одессу, и обратился съ трогательнымъ воззваніемъ „во имя Бога мира и правды братьямъ

1) Sefer Hasichronoth, 90.

2) Пережитое I отд. 2, ст. 35.

3) Въ 1853 г. Левинзонъ въ письмѣ къ Д. Лурье изъ Быхова пишетъ между прочимъ: „Когда пріѣхалъ сюда пять лѣтъ назадъ г. Мандельштамъ, посланный специально ко мнѣ министромъ Уваровымъ“ (Sefer Hasichronoth, 102—3).

4) Итоги, 33.

моимъ, народу Израилю“, прося оказать содѣйствіе къ напечатанію сочиненій.

Воззваніе не было услышано и десятки лѣтъ прошли, пока рукописи Левинзона увидѣли свѣтъ. При какихъ матеріальныхъ условіяхъ Левинзонъ жилъ послѣдніе годы своей жизни даетъ представленіе его письмо отъ августа 1855 г. Кулишеру: „Мое положеніе ужасно; а тутъ еще моя болѣзнь поглотила, въ послѣдніе два-три мѣсяца все до послѣдней копѣйки. Какъ я ни избѣгаю лекарствъ, это время я не могъ обойтись безъ нихъ, такъ что на одно леченіе уходило отъ 75 к. до одного рубля въ день и закладывать ужъ больше нечего“¹⁾.

Помощь, хотя и запоздалая, послѣдовала отъ одного только... русскаго правительства.

Въ 1855 г. расположенный къ Левинзону²⁾ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Д. Бибиговъ, обратился къ кievскому генералъ-губернатору съ просьбой оказать вниманіе Левинзону и назначить его у себя чиновникомъ особыхъ порученій³⁾. Само собой понятно, что больной престарѣлый Левинзонъ не могъ ужъ поступить на какую бы то ни было службу. Въ томъ же году, принятъ былъ, какъ учебное руководство, въ еврейскихъ училищахъ трудъ Левинзона „Teuda be' Israel“ и предложено было купить у него 700 экземпляровъ по 80 коп.⁴⁾ Выполненіе заказа (на который былъ назначенъ полугодичный срокъ) было затруднено и тѣмъ, что не нашлось никого, кто согласился бы внести требовавшійся учебнымъ округомъ залогъ для того, чтобы Левинзону могла быть выдана сумма, необходимая для изданія книги. Къ тому же богобоязненный владѣлецъ житомірской типографіи отказался печатать сочиненіе Левинзона, а виленскій типографъ, хотъ и далъ свое согласіе, задерживалъ подъ разными предлогами печатаніе книги, пока Левинзонъ не упустилъ установленный срокъ⁵⁾. Надежда на полученіе денегъ за книги рухнула.

Въ слѣдующемъ, 1856 г., отъ министерства внутр. дѣлъ послѣдовалъ запросъ, сколько Левинзонъ хочетъ за 2000 экземпляровъ „Beth Jehudah“. Послѣ долгой и утомительной переписки въ 1858 г. министерство внутр. дѣлъ исходатайствовало Левинзону единовременное вспомошествованіе въ 3000 р., за которые Левинзонъ долженъ былъ представить 2000 экземпляровъ книгъ. „По соображеніи всѣхъ заслугъ Левинзона г. Министръ внутреннихъ дѣлъ находитъ: 1) что для достиженія предполагаемаго религіознаго и нравственнаго преобразованія еврейскаго народа

1) Jgroth Ribal, 15.

2) Въ письмѣ Д. Лурье Левинзонъ передаетъ, что Бибиговъ навѣщалъ его въ Кременецъ (Sefer Hasichronoth, 103).

3) Beer Jzchok, 174.

4) Jgroth. Ribal, 10.

5) Jgroth Ribal, 14.

Комитетъ объ устройствѣ евреевъ призналъ полезнымъ приготовить умы сего народа разными, въ духѣ преобразованія сочиненіями, 2) что распространеніе сочиненія „Бетъ Іегуда“, содержащаго превосходное опроверженіе заблужденій евреевъ и основательныя побужденія къ осѣдлости, полезному труду, вѣротерпимости и образованію, безъ сомнѣнія могло бы служить правительству важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ устройства и просвѣщенія евреевъ, предразсудки которыхъ, возникая изъ ложныхъ понятій о религіи, могутъ быть смягчены не иначе, какъ при ревностномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи благонамѣреннѣйшихъ членовъ самаго этого народа, 3) что въ этомъ отношеніи похвальные, неутомимые труды еврейскаго ученаго Левинзона, который, при всей своей бѣдности и постоянномъ болѣзненномъ положеніи, продолжаетъ свою ревностную и полезную дѣятельность на пользу своихъ единовѣрцевъ и правительства, которому онъ оказывалъ услуги еще въ отечественную войну 1812 года, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что это было бы поощреніемъ и для другихъ благомыслящихъ ученыхъ евреевъ слѣдовать похвальному и едва ли не единственному между русскими евреями примѣру этого писателя.

По всѣмъ симъ соображеніямъ г. Министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ весьма справедливымъ и полезнымъ, согласно съ мнѣніемъ г. Предсѣдательствующаго въ Комитетѣ объ устройствѣ евреевъ, исходатайствовать Левинзону единовременное вспоможеніе, полагая оное въ 3000 рублей сер., за которые Левинзонъ могъ бы пожертвовать до 2000 экземпляровъ своего сочиненія „Бетъ Іегуда“ въ пользу синагогъ, молитвенныхъ домовъ и еврейскихъ училищъ, и имѣть хотя нѣкоторыя средства для продолженія своихъ общепользныхъ трудовъ¹⁾.

Благодаря этой помощи, Левинзонъ прожилъ послѣдній годъ безбѣдно. 13 декабря 1859 г. онъ составилъ завѣщаніе, изъ котораго мы приводимъ наиболѣе характерный отрывокъ: 1) „Мнѣ не суждено оставить послѣ себя потомство. У моей единственной сестры, 80-и лѣтъ, имѣется сынъ, Яковъ Израиль, воспитывавшійся у меня. 2) Состояніе мое состоитъ изъ 1100 р., наличными у меня остается весьма не много, ихъ я израсходую на все необходимое при жизни, а что останется послѣ меня, пойдетъ на похороны. 3) Книгъ я оставляю на сумму 770 р. 5). Изъ наличныхъ денегъ, что останутся послѣ меня, часть роздать бѣднымъ; въ теченіе первыхъ семи дней пусть совершаютъ въ моемъ жилищѣ публичныя молитвы, а въ синагогѣ въ теченіе года пусть горитъ неугасаемая лампада. 8 рублей отдать въ пользу кладбища; кухаркѣ уплатить 30 рублей жалованья и 80 р. по векселю, на еврейскую кременецкую больницу 50 р. Постель и всю рухлядь отдать жепщинѣ, прислуживавшей мнѣ въ теченіе

1) Sefer Hasichronoth, 122.

нѣсколькихъ лѣтъ. 6) Мой наслѣдникъ (племянникъ) долженъ заботиться объ изданіи моихъ трудовъ въ томъ числѣ и тѣхъ изъ нихъ, которыя остались въ рукописи“.

1 февраля 1860 г. Левинзона не стало. Онъ умеръ наканунѣ обновленія Россіи, когда съ пробужденіемъ страны, вызваннымъ „эпохой великихъ реформъ“, началась новая эра и въ исторіи культуры русскаго еврейства.

С. Л. Цинбергъ.

Еврейскій кредитъ въ Польшѣ въ XIV вѣкѣ.

(По свѣтскому и духовному законодательству, а также на основаніи судебной практики).

Переводъ съ рукописи.

I. ¹⁾.

При самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи привилегій, пожалованныхъ польскимъ евреямъ въ XIII и XIV вѣкахъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что большинство заключающихся въ нихъ постановленій относится къ еврейскому кредиту. Такъ, напримѣръ, въ Калишской привилегіи едва ли не половина статей посвящена урегулированію ссудъ; то же повторяется и въ Казимировскихъ привилегіяхъ.

¹⁾ Въ цѣляхъ упрощенія, при цитированіи литературы мы будемъ пользоваться слѣдующими сокращеніями:

Helcel: Starodawne prawa polskiego pomniki — Helcel.

B. Ulanowski: Najdawniejsze księgi sądowe krakowskie — Ulanowski:
Lekszycki: Älteste grosspolnische Grodbücher — Lekszycki.

S. Krzyżanowski: Księgi ławnicze Krakowa z XIV w. — Krzyżanowski.

Czołowski—Pomniki Dziejowe Lwowa — Czołowski. R. Hube—

Sądy i ich praktyka w XIV w. — Hube.

Привилегія Болеслава Калишскаго (1264), а также позднѣйшія подтвержденія ея, изданныя Казимиромъ Великимъ (отъ 1334 и 1364 г.) — B. I.

Привилегія Казимира Великаго отъ 1367 г.) — B. II.

Привилегія Болеславо-Казимировская (по номенклатурѣ Блоха: Generalprivilegien der Juden in Polen) — B. III.

R. Hube. Antiquissimae Constitutiones Synodales prov. Gnesnensis. Petropoli 1856. — Con. Synod.

Monumenta, medii aevi T. IV. — M. m. ae IV.

Heyzman: Statuta Synodalia episcoporum Cracov. XIV et. X Saec. — St. p. p. IV.

Дѣйствительно, еслибъ у насъ не [имѣлось свѣдѣній о еврейской торговлѣ и землевладѣніи, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ, мы бы могли подумать, что издаваемые польскими государями привилегіи имѣли въ виду евреевъ лишь въ качествѣ кредитнаго общества, члены котораго приобрѣтали права въ области соціальной и религіозной только благодаря своей финансовой дѣятельности.

Между тѣмъ положеніе вещей представляется намъ совершенно инымъ. Если даже допустить, что единственнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни тогдашняго еврейства являются дарованныя евреямъ привилегіи, то и тогда нельзя еще утверждать (какъ это дѣлаетъ, напр., Людвикъ Гумпловичъ въ своемъ трудѣ „Prawodawstwo polskie wobec żydów“), что кредитныя операціи были главнымъ занятіемъ евреевъ, а торговля второ-или третье-степеннымъ, только на томъ основаніи, что 13 статей привилегіи 1264 г. и позднѣйшихъ ея редакцій относятся къ еврейскому кредиту, и лишь двѣ статьи содержатъ постановленія о торговлѣ.

Подобное заключеніе было бы совершенно ложно, не говоря ужъ о томъ, что оно крайне шаблонно: здѣсь не принимается въ соображеніе основной моментъ, т. е. самый характеръ данныхъ экономическихъ функцій. Самая обширная еврейская торговля могла расцвѣсти на почвѣ хотя бы одного постановленія, помѣщенного въ В. I § 12, утверждающаго за евреями полную свободу передвиженія и перевозки товаровъ, ставящаго ихъ при томъ, какъ плательщиковъ таможеннаго сбора, наравнѣ съ христіанами; между тѣмъ кредитныя операціи, являющіяся по самому характеру своему болѣе высокой и сложной формой хозяйства, требуютъ для своего развитія, чтобы закономъ предусмотрѣны были самые разнообразные случаи, а также урегулирована столь важная форма кредита, какъ ссуда подъ залогъ.

Методологическая ошибка, состоящая въ томъ, что вопросъ о преобладаніи торговли или ростовщичества въ экономической жизни евреевъ въ средневѣковой Польшѣ рѣшается исключительно на основаніи привилегій, ярко выступаетъ при изслѣдованіи ихъ экономического положенія на Руси въ XV в. Евреямъ Руси дарованы были тѣ же привилегіи, что и евреямъ Великой и Малой Польши, а въ

XV-мъ вѣкѣ къ нимъ прибавлено было еще подтвержденіе знаменитаго В. III, Казимиромъ Ягеллономъ и множество заключающихся въ этой привилегіи постановленій о еврейскомъ кредитѣ;—между тѣмъ, практика житейская указываетъ, что евреи на Руси играли въ XV-мъ вѣкѣ выдающуюся роль не на поприщѣ кредитныхъ операцій, но въ торговлѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое при безпристрастномъ изслѣдованіи источниковъ вызываетъ немало сомнѣній, хотя изслѣдователи, приступающіе съ предвзятымъ мнѣніемъ къ вопросу о еврейскомъ ростовщичествѣ, почему то считаютъ его обыкновенно подтвержденіемъ своего взгляда. Часто встрѣчаются въ источникахъ записи о заключеніи долговыхъ договоровъ между евреями и шляхтой или мѣщанами, причемъ отсутствіе данныхъ не позволяетъ опредѣлить, что собственно составляетъ содержаніе данной долговой записи: продажа товара въ кредитъ, вознагражденіе за услуги или уплата наличныхъ денегъ. Можно было бы привести много примѣровъ для иллюстраціи такихъ ссудъ.

Мы сочли нужнымъ сдѣлать эти методологическія замѣчанія для уясненія сущности нашихъ изслѣдованій въ области еврейскаго кредита. Организациа его въ средне-вѣковой Польшѣ является въ значительной мѣрѣ подражаніемъ западно-европейскимъ образцамъ.

Это обстоятельство находится въ связи съ явленіемъ, на которое неоднократно обращали уже вниманіе изслѣдователи польской экономики, а именно, что въ Польшѣ всегда старались удовлетворять всякую нарождающуюся потребность, какъ можно быстрее и проще. Это вело въ дальнѣйшемъ къ тому, что до возникновенія купеческаго и ремесленнаго сословія изъ чисто польскихъ элементовъ, приходилось обращаться къ иноземнымъ источникамъ, по примѣру Запада (напримѣръ система городского самоуправления въ Польшѣ), и приглашать иноземныхъ работниковъ (нѣмецкая колонизациа).

Такія же стремленія проявились и по отношенію къ евреямъ, какъ къ тѣмъ, которые съ давнихъ временъ проживали въ польскихъ областяхъ, такъ и къ тѣмъ, которые, захваченные

волной эмиграціи, начиная съ XIII вѣка, переселялись въ Польшу одновременно съ нѣмецкими колонистами.

Отъ Запада Польша заимствовала какъ тѣ принципы, которые положены были въ основу законодательства о евреяхъ, такъ и нормы, вводившія въ опредѣленные рамки ихъ хозяйственную дѣятельность.

Достаточно бѣглаго обзора вступленій къ наиболѣе раннимъ еврейскимъ привилегіямъ, чтобы убѣдиться, что даже Казимиръ Великій, расположеніе котораго къ евреямъ принято считать чѣмъ то исключительнымъ, въ сущности относился къ нимъ точно такъ, какъ нѣмецкіе князья.

Мотивы, которыми руководились польскіе короли, нормируя положеніе евреевъ, ясно выражены во вступленіи къ подтвержденію калишской привилегіи, данной Казимиромъ Великимъ въ 1364 г: *Utilitates camere nostre audere cupientes...* Выдвигаются, такимъ образомъ, интересы государственной казны! Единственнымъ достоинствомъ польскаго властителя по сравненію съ западными является... непослѣдовательность.

Западные государи, будучи послѣдовательны, приходили къ столь гибельнымъ для евреевъ результатамъ, какъ, на примѣръ: право наслѣдованія королемъ имущества каждаго умершаго еврея, веденіе подъ контролемъ англійскихъ королей „*scaccaria Judaismi*“, лишеніе евреевъ свободы передвиженія, и, наконецъ, тщательно разработанная, до мельчайшихъ подробностей, система вымогательства денегъ у евреевъ, начиная отъ чрезвычайно сложной росписи еврейскихъ податей и кончая выдумками объ отравленіи евреями колодцевъ и о ритуальныхъ убійствахъ, которыя, по приказанію свыше, распространялись среди народа въ эпохи финансовыхъ кризисовъ. Въ Польшѣ же король удовлетворялся—по крайней мѣрѣ въ подлежащемъ нашему разсмотрѣнію періодѣ—одними денежными поборами и еврейскимъ кредитомъ.

Встрѣчавшееся на Западѣ редуцированіе еврейскихъ ссудъ и инспирировавшіеся высшей властью еврейскіе погромы были въ Польшѣ рѣдкимъ явленіемъ и впервые выступаютъ на сцену только на исходѣ среднихъ вѣковъ, когда между польско-нѣмецкимъ мѣщанствомъ и евреями возникла болѣе рѣшительная борьба изъ-за преобладанія въ области торговли.

Фискальный интерес побуждалъ польскихъ государей (такъ же какъ и германскихъ) при регулированіи еврейскаго кредита обращать особенное вниманіе на обезпеченіе еврейскихъ ссудъ. Отсюда разнообразіе въ постановленіяхъ о ссудѣ подъ залогъ, которыхъ имѣется столь много въ еврейскихъ привилегіяхъ. Такъ какъ до половины XIII-го вѣка этотъ отдѣлъ частнаго права не былъ самостоятельно разработанъ въ польскомъ законодательствѣ, то нормы, касающіяся ссудъ подъ залогъ, всецѣло заимствовались на Западѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить одну интересную подробность: Привилегіи В. I и В. II совершенно не устанавливають размѣра процента при ссудахъ, выдаваемыхъ евреями, несмотря на то, что въ привилегіи австрійскаго герцога Фридриха Мужественнаго отъ 1244 г., послужившей для нихъ прототипомъ, соотвѣтствующая норма имѣется (§ 30 ¹⁾).

Повидимому, интересъ польскихъ государей требовалъ, чтобы евреи не были стѣснены въ этихъ денежныхъ операціяхъ; весьма понятно, что чѣмъ больше денегъ могъ выжать еврей изъ своего должника, тѣмъ большую лепту онъ могъ вносить въ казну своего патрона. И только подъ вліяніемъ воздѣйствія со стороны задолжавшей евреямъ шляхты великопольскій статутъ занялся регулированіемъ этой столь щекотливой стороны еврейскаго кредита; статьи упомянутого статута перешли затѣмъ въ В. III (§ 32).

Этотъ примѣръ установленія процентной нормы по еврейскимъ ссуднымъ операціямъ является въ большей или меньшей степени показателемъ вліянія шляхты на государственное законодательство, регулирующее еврейскій кредитъ.

Шляхта стремится главнымъ образомъ къ тому, чтобы уменьшить „пучину ненасытной корысти“, уничтожающей ея владѣнія, и положить предѣлъ „губительнымъ стремленіямъ евреевъ, направленными къ тому, чтобы отнять у христіанъ не столько ихъ вѣру, сколько ихъ богатства и владѣнія“ ²⁾).

¹⁾ Опубликована Шеперомъ въ его трудѣ „Die Rechtsverhältnisse der Juden in den deutsch-österreichischen Ländern“, 1901, стр. 179, 185. Р е д.

²⁾ „quum in usurarum voragine sit insatiabilis appetitus“... или „cum iudaicae pravitatis intencio in hoc semper versetur, ut christianos non

Другимъ факторомъ, не имѣвшимъ, впрочемъ, особеннаго вліянія на государственное законодательство о еврейскомъ ростовщичествѣ въ Польшѣ, была церковь. Хотя церковь и рѣшила нарушить ради евреевъ свой общій принципъ „*mutuum date nihil inde sperantes*“, она все же не могла равнодушно смотрѣть на ростъ еврейскаго кредита и связаннаго съ этимъ злоупотребленія. Она боролась противъ этого двумя путями: съ одной стороны, запрещая христіанамъ постановленіями церковныхъ соборовъ брать у евреевъ деньги на проценты и угрожая непослушнымъ наказаніями, съ другой — стараясь повліять на свѣтскую власть и внушить ей отрицательное отношеніе къ еврейскимъ займодавцамъ ¹⁾).

Житейская практика была тѣмъ существеннымъ факторомъ, который создавалъ новыя формы еврейскаго кредита, способствовалъ развитію ссудъ подъ поручительство, не упоминающихся въ королевскихъ привилегіяхъ, измѣнялъ существующія законодательныя постановленія и подготовлялъ

tantum in fide, quantum etiam in divitiarum oppressione semper deprimat et evellat“ (*Starodawne prawa polskiego pomniki* I p 110 p. 177)—такими словами мотивируетъ польская шляхта свою открытую борьбу противъ еврейскаго ростовщичества.

¹⁾ Неправильно полагаетъ Z. Pazdro, „*Lichwa w świetle ustawodawstwa synodalnego polskiego w średniowieczu*“. (*Kwartalnik historyczny*, Lwów 1901, p. 503), что „въ польскомъ церковномъ законодательствѣ не имѣется никакихъ вообще постановленій относительно еврейскаго ростовщичества“.

Повидимому, отъ вниманія автора ускользнули:

а) постановленія бреславльскаго синода отъ 1266 г., *caput* 10, (*Con. synod.* стр. 68): „*ut de cetero quocunque pretextu Iudaei a christianis graves seu immoderatas usuras extorseriunt, christianorum eis participium subtrahatur... unde christiani, si opus fuerit, per censuram ecclesiasticam compellantur, ab eorum commerciis abstinere. Principibus autem iniungimus, ut propter hoc non sint christianis infesti, sed potius a tanto gravamine iudaeos studeant cohibere*“.

б) *Caput* 34 и 35 постановленій синода въ Ленчицѣ въ 1285 г. „*de Iudaeis et restitutione furatarum rerum obligatarum eis*“.

в) Статуты краковскаго епископа Яна IV отъ 1331 г. (*St. p. p.* IV, стр. 36).

г) Статуты Велюнско-Калишскаго синода 1420 г. „*de Iudeis*“, гдѣ повторяются соотвѣтствующія постановленія бреславльскаго синода отъ 1266 г. (*St. p. p.* IV, стр. 238—240).

почву для новыхъ. Волны жизни неоднократно смывали плотины, воздвигнутыя закономъ, или прокладывали для себя новые пути.

II.

Виды ссудъ.

Привилегіи В I и В II знаютъ только ссуды подъ залогъ движимаго или недвижимаго имущества.

Какъ доказываютъ слова В I § 6: *pignus... quod... res cepit*, закладываніе движимости состояло въ томъ, что кредитору вручался закладываемый предметъ. И хотя В I § 25 и В II § 26 даютъ явное разрѣшеніе на закладъ недвижимости, эти привилегіи все же не содержатъ никакихъ предписаній относительно того, въ какой именно формѣ должна совершаться эта операція.

Пробѣлъ этотъ былъ заполненъ обычаемъ, въ силу котораго закладъ недвижимости производился какъ бы символически, путемъ врученія долговой записи, къ которой была приложена печать должника *per litteras et sigillum*. Эта „*littera sigillata*“ давала еврею право добиваться заступничества воеводы, старосты или какого-нибудь другого королевскаго чиновника въ томъ случаѣ, еслибы должникъ не выполнилъ условій, обозначенныхъ въ записи (В III § 33). Со временемъ создалась еще другая форма ссуды—ипотечная, состоявшая въ томъ, что она вносилась въ акты. Долги дворянъ вписывались обыкновенно въ книги „земскихъ, городскихъ, или старостинскихъ“ судовъ, а мѣщанскіе—въ книги ратманскія, лавничьи, или войтовскія. Практика показываетъ, что принципъ этотъ не всегда строго соблюдался ¹⁾.

Еврейскія привилегіи совершенно не рѣшаютъ вопроса о томъ, дозволяется ли, чтобы еврей ссужалъ деньги безъ установленнаго залога.

¹⁾ Для примѣра можно указать на случай, когда долгъ калишскаго воеводы Сендзивоя былъ внесенъ въ городскіе акты Познани (*Warschauer, Stadtbuch von Posen* № 63), или долгъ мѣщанина Януша Вѣржинка въ городскіе акты (*St. p. p. II* № 8206).

Отсутствіе явнаго запрещенія такихъ ссудъ, въ связи съ потребностью болѣе оживленнаго кредитнаго оборота, создало уже въ первой половинѣ XIV-го вѣка обычай ссужать деньги подъ долговыя записи, не основывающіяся на залогѣ. Гарантіей являлась въ данномъ случаѣ прежде всего честность должника. Такая форма ссудъ вскорѣ стала источникомъ злоупотребленій и споровъ, тѣмъ болѣе, что взысканія по долговымъ записямъ были особенно чувствительны для должника, такъ какъ они отражались не только на его состояніи, но и на репутации. Въ средѣ шляхты поднялся ропотъ, началась сильная агитація противъ ссудъ, необеспеченныхъ залогами, и въ концѣ концовъ шляхта добилась своей цѣли. Подъ явнымъ ея вліяніемъ возникли великопольскіе статуты отъ 1347 г., постановляющіе, что евреямъ не разрѣшается болѣе ссужать деньги подъ долговыя записи (*super litteras obligationis*), но исключительно лишь подъ залогъ ¹⁾).

Однако жизнь оказалась сильнѣе буквы закона. Судебная практика, какъ въ Великой, такъ и въ Малой Польшѣ, считала законными ссылки со стороны евреевъ на долговыя записи и оказывала имъ содѣйствіе при взысканіи долга. Намъ извѣстенъ одинъ лишь случай примѣненія статута въ краковскихъ судебныхъ актахъ второй половины XIV-го вѣка. Но и въ этомъ исключительномъ случаѣ суду внушилъ сомнѣніе не столько самый документъ, сколько, вѣроятно, высокій процентъ, превышавшій предѣлъ, установленный статутомъ ²⁾).

Хотя къ жалобамъ шляхты присоединяется во второй половинѣ XIV-го вѣка и ропотъ краковскихъ мѣщанъ, жалующихся на „*dominium iudeorum*“, и на то, что евреи будто поддѣлываютъ долговыя записи ³⁾, все же побѣдили соображенія о выгодѣ, которую представлялъ еврейскій кредитъ. Потребность въ деньгахъ восторжествовала надъ умозаключеніями. Предписаніе статута отъ 1347 г. осталось мертвой буквой. Какъ ранѣе, такъ и въ послѣдствіи, къ еврейскому „*vicus*“ или „*platea iudeorum*“ отправлялись землянинъ и мѣщанинъ, чтобы взять у еврея деньги подъ вексель съ пе-

¹⁾ St. p. p. VIII, стр. 37.

²⁾ St. p. p. № 7015; Hube, стр. 11.

³⁾ M. m. ae. IV pars II 23—25 (1369 г.).

чатку (*littera cancellata*) ¹⁾ или обязательственную запись (*littera recognitionis*) ²⁾. Въ томъ случаѣ, когда еврей не удовлетворялся однимъ документомъ, содержащимъ цифру долга и условія уплаты, или когда довѣріе къ кредитоспособности должника было подорвано, заимодавецъ обыкновенно настаивалъ на томъ, чтобы должникъ представилъ ему *litteram fideiussoriae* ³⁾, т. е. вексель, снабженный подписями поручителей.

Въ гродскихъ актахъ Великой Польши сохранились выписки изъ двухъ обязательственныхъ записей, на основаніи которыхъ еврей далъ взаймы деньги;—одинъ изъ этихъ документовъ относится къ 1379 году, а другой—къ 1382 году ⁴⁾.

Эти документы даютъ представленіе о пунктахъ и условіяхъ, содержащихся въ обязательственной записи и приводимыхъ ниже:

1) обозначеніе имени должника (или должниковъ) и размѣра ссуды.

2) опредѣленіе срока уплаты и обозначеніе размѣровъ процента.

3) торжественное завѣреніе честию (*sub fide et honore*), что условія ссуды будутъ выполнены.

4) послѣдствія при неуплатѣ долга и указаніе формы взысканія (напр. заклада).

5) установленіе гарантіи (должникъ отказывается отъ протекціи, которая могла бы затруднить кредитору удовлетвореніе его претензій, а также обѣщаетъ не ссылаться на то, что подпись не подлинна или долгъ заключенъ фиктивно).

6) печать и дата.

Обязательственные записи писались на латинскомъ языкѣ. Въ XV-мъ вѣкѣ появляются также записи и на еврейскомъ языкѣ.

¹⁾ Lekszycki I 487.

²⁾ St. p. p. II стр. 48.

³⁾ ibidem, стр. 54.

⁴⁾ Lekszycki I № 832. II 1357.

Размѣръ процента.

Государственная власть въ Западной Европѣ не только относилась вполне терпимо къ кредитнымъ операціямъ евреевъ, но до конца XII-го вѣка она даже не пыталась оградить должника отъ разоренія, установленіемъ опредѣленнаго размѣра процента. Повидимому, правителямъ было выгодно не ставить въ этомъ отношеніи предѣла еврейскимъ капиталистамъ: чѣмъ большимъ капиталомъ обладалъ еврей, тѣмъ больше выгодъ могъ онъ доставить своему государю. Только въ началѣ XIII-го вѣка встрѣчаются первыя постановленія относительно размѣра процента. При этомъ поражаетъ то обстоятельство, что постановленія эти обезпечивали за евреями весьма значительные проценты при кредитныхъ операціяхъ. Такъ, въ Англіи въ XIII-го вѣкѣ норма процента равнялась $86\frac{66}{100}\%$, во Франціи по распоряженію Филиппа II-го отъ 1206 г.— $43\frac{33}{100}\%$ (въ XIV в. обычнымъ былъ вдвое большій процентъ, т. е. $86\frac{66}{100}\%$), въ Провансѣ, согласно статуту отъ 1243 г.— 300% ; привилегія, данная евреямъ въ Фрейзингенѣ (1259), устанавливала размѣръ процента въ 120% , а знаменитая привилегія Фридриха I Мужественнаго отъ 1244 г.—въ 173% (ст. 30)¹⁾.

Хотя эта грамота (т. наз. *Fridericianum*) и послужила, какъ извѣстно, образцомъ для еврейскихъ привилегій, изданныхъ Оттокаромъ II, Белой IV и Болеславомъ Калишскимъ, но въ эти послѣдніе акты не перешли постановленія о размѣрѣ процента. Лихву еврейскую (*usura*) въ Польшѣ слѣдуетъ отличать отъ дохода, который приносили займы христіанамъ („*census*“, „*redditus*“, „*plat*“) и который состоялъ въ томъ, что въ руки кредитора-христіанина передавались въ пользованіе земельныя владѣнія должника на время, до погашенія долга. Впослѣдствіи среди христіанскаго населенія прибрѣла распространеніе, подъ вліяніемъ предписаній церкви, другая форма одалживанія денегъ подъ проценты, так. наз., договоръ на *wyderkaff*. При покупкѣ

¹⁾ I. Schipper. *Anfänge des Kapitalismus bei den abendländischen Juden*, Wien 1907, p. 75; русск. перев. „Возникновеніе капитализма у евреевъ Западной Европы“, Спб. 1910, 53—54.

ренты считалось, что рента составляет обычно десятую часть капитала, т. е. размѣръ процента равнялся 10 ¹).

Первое постановленіе государственной власти, нормирующее размѣръ процента при займахъ у евреевъ, имѣется въ малопольскомъ статутѣ отъ 1347 г. Процентъ этотъ не долженъ составлять болѣе полугроша съ гривны въ недѣлю ²), что соотвѣтствуетъ около 54⁰/о.

На практикѣ, однако, буква закона не соблюдалась. Обычно, при ссудахъ какъ дворянамъ ³), такъ и мѣщанамъ ⁴), размѣръ процента равнялся грошу съ гривны въ недѣлю, что составляетъ 108¹/₂⁰/о. Обычай этотъ получилъ законодательную санкцію въ общемъ вислицкомъ статутѣ отъ 1368 г. ⁵), а оттуда это постановленіе перешло въ В III, ст. 32. Во второй половинѣ XIV вѣка нерѣдко случалось, что евреи отдавали деньги въ займы и при 54⁰/о, если личность должника могла служить достаточной гарантіей. Такъ, напр., 27 декабря 1391 г. краковскій капиталистъ Левко далъ королю Владиславу Ягеллону 80 гривенъ для хорунжаго Жеготы подъ условіемъ, что съ каждой гривны будетъ получать процентъ въ ¹/₂ гроша въ недѣлю, пока долгъ будетъ погашенъ въ срокъ, т. е. до праздника Пасхи 1392 г. ⁶). Судебные акты конца XIV вѣка отмѣчаютъ нѣсколько подобныхъ случаевъ ⁷).

Какъ исключительный случай, встрѣчаемъ въ XIV в. размѣръ процента выше 108¹/₂. Извѣстны лишь два такихъ примѣра: въ 1388 г. Мичко Омшиглюдь взялъ у львовскаго еврея Шломы 2¹/₂ гривны, обязываясь уплачивать ежемесячно по ¹/₂ гривны процента, что составляетъ 240⁰/о ⁸).

¹) A. Warschauer, *Über den Zinsfuß in Grosspolen während des Mittelalters* (Zeitschrift der hist. Gesellschaft für die Provinz Posen III, стр. 486—488).

²) St. p. p. I, стр. 25, 110.

³) *Lekszycki* I, № 832, II № 1357, St. p. p. pomn. I p. 251 II p. 67, VIII № 5865, № 142 (4), 150.

⁴) *Krzyżanowski*, № 8, 1017.

⁵) St. p. p. I p. 153.

⁶) *Kodeks Wielkopolski*, III, № 1919.

⁷) *Starodawne prawa polsk. pomniki* VIII 8878. *Lekszycki* II 1188.

⁸) *Czołowski* I № 562 (2¹/₂ гривны составили бы въ данномъ случаѣ за годъ 6 гривенъ процента, т. е. $\frac{6 \times 100}{2.5} = 240$).

Другой случай имѣлъ мѣсто въ Великой Польшѣ. Въ 1399 г. два познанскіе еврея дали займы нѣсколькимъ расточительнымъ лицамъ 7 пражскихъ гривенъ, за процентъ въ размѣръ одного гроша съ каждой гривны въ недѣлю, что составило бы 577% въ годъ. Очевидно евреямъ пришлось здѣсь имѣть дѣло съ банкротами ¹⁾.

Срокъ взысканія процентовъ.

Вислицкій статутъ опредѣляетъ срокъ взысканія процентовъ такимъ образомъ: евреи, ссужающіе подъ долговую записъ, имѣютъ право взыскивать только двухлѣтній процентъ; если же они въ теченіе двухъ лѣтъ не требовали черезъ судъ возвращенія выданной суммы, то впослѣдствіи могутъ требовать только возврата капитала и уплаты двухлѣтняго процента, но теряютъ процентъ, выросшій послѣ двухъ лѣтъ, даже въ томъ случаѣ, когда это противорѣчило бы смыслу долговой записи ²⁾.

Ratio legis вполне понятна: рѣчь идетъ о томъ, чтобы не дать суммѣ долга слишкомъ разростись, вслѣдствіе нарастанія процентовъ—и такимъ путемъ воспрепятствовать разоренію должника. Но, какъ видно, постановленіе статута нарушалось не только должниками, въ интересъ которыхъ оно было издано, но и судами, которые нерѣдко признавали за кредиторомъ право на полученіе процента, выросшаго въ болѣе чѣмъ двухгодичный срокъ. Одинъ только разъ (въ 1398 г.) краковскій судъ сдѣлалъ запросъ высшей судебной инстанціи по поводу того, обязанъ-ли должникъ уплатить всю сумму процента, согласно долговой записи, или только проценты, выросшіе за два года, согласно закону ³⁾.

Обычно на практикѣ вопросъ рѣшался судомъ. Такимъ образомъ великопольскіе суды разрѣшали еврейскимъ капиталистамъ взыскивать проценты за 5, 6, 8, 10, и даже за 16—17 лѣтъ ⁴⁾. Такъ же обстояло дѣло и въ Малой Поль-

¹⁾ Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski—№ 2607, ср. также: A. Małecki Grzywny karne w dawnej Polsce (Kwartalnik historyczny, 1893, стр. 232).

²⁾ St. p. p. I art. 153.

³⁾ St. p. p. VIII, № 7015.

⁴⁾ Lekszycki. I 785, 647, 112, 927, 232; №-омъ II-мъ 1357 обозна-

шѣ, гдѣ евреи, при посредствѣ суда, взыскивали проценты иногда за 9--12 лѣтъ ¹⁾, а иногда даже за 18, 20 и 26 ²⁾. Суды вообще придерживались того правила, что нарастающій процентъ (*usura creta, usura accrescens, excrescens, supercrescens*) выплачивается до момента погашенія долга вмѣстѣ съ процентами.

Кромѣ обычнаго процента встрѣчается въ практикѣ еще и процентъ съ процента (*usura iterum*), взимаемый евреями при ссудахъ. Такъ, напримѣръ, познанскій еврей Даніель заявляетъ право на полученіе „pro 28 marcis usualis una cum usura“, т.-е. 28 гривенъ выросшаго процента вмѣстѣ съ процентомъ съ этой суммы ³⁾; краковскій еврей Іосманъ взыскиваетъ „de pecuniis... et usura prima — usura iterum“, которая составляетъ $\frac{1}{2}$ гроша съ гривны въ недѣлю ⁴⁾. Въ случаѣ недостатка наличныхъ денегъ, долгъ вносился натурою: скотомъ, лошадьми, живностью, рыбами, плодами, рожью, медомъ и т. п. ⁵⁾.

Заемные договоры.

Одну изъ формъ еврейскихъ ссудъ, описываемыхъ въ польскихъ судебныхъ актахъ XIV вѣка, представляютъ долговые договоры, при чемъ они могутъ быть подраздѣлены на три категоріи:

а) Должникъ обязуется вернуть взятую займы сумму въ назначенный срокъ безъ процента. Процентъ начинается взиматься только съ момента нарушенія срока, еслибы долгъ не былъ во время погашенья ⁶⁾.

б) Должникъ обязуется уплатить въ назначенный срокъ долгъ съ процентами. Если бы онъ опоздалъ упла-

чено дѣло, начатое съ 1399 г. объ уплатѣ долга отъ 1383 года; повидимому, долгъ еще не былъ уплаченъ къ тому времени или на него выросли проценты за время съ 1383 до 1399 года.

¹⁾ St. p. p. II p. 77, № 991; VIII, № 7862, 7880.

²⁾ *ibidem*, VIII № 9301, 6211, 7501.

³⁾ *Lekszycki* I 2588 (1397).

⁴⁾ St. p.p. VIII № 6949 (1398 г.).

⁵⁾ *ibidem* II № 305 446, 509, 715, 923, 927 и т. д.

⁶⁾ *Lekszycki* II 1357: 60 marcas solvere debemus ad festum sancti Martini confessoris proxime venturum sine usura, et si predictas pecunias ad prefixum terminum non dederimus, quod absit, tunc promittimus fide nostra et honore de qualibet marca septimanatim pro usura unum grossum dare, donec capitalis pecunia cum usura totaliter sit soluta.

тою долга къ сроку, онъ обязанъ заплатить новый процентъ съ капитала и выросшаго уже процента—пока выплатить окончательно всю сумму долга съ процентами ¹⁾). Подъ видомъ подобнаго договора устанавливается такимъ образомъ взиманіе процента съ процента.

в) Въ краковской области примѣнялся еще одинъ способъ: еврей-капиталистъ заранѣе оставлялъ за собою право увеличить первоначальный размѣръ долга, если бы должникъ не уплатилъ во время всей суммы. Должникъ въ этомъ случаѣ обязывался уплатить не только долгъ въ увеличенномъ размѣрѣ, но и проценты съ суммы долга. Такъ, напримѣръ, два землянина обязались уплатить краковскому капиталисту Іосману въ опредѣленный срокъ 80 гривенъ; въ случаѣ неуплаты во время они обязаны заплатить вмѣсто 80 гривенъ—400 гривенъ и вдобавокъ еще проценты ²⁾). Тому же Іосману дворянинъ Сулько долженъ уплатить въ означенный срокъ 13 гривенъ, иначе ему придется уплатить 35 гривенъ и проценты ³⁾). Подобное же условіе заключаетъ еврей Кузіель съ помѣщикомъ Якушемъ изъ Овчаръ: въ случаѣ несвоевременной уплаты первоначальной суммы долга въ 12 гривенъ, должникъ обязанъ уплатить 20 гривенъ и проценты, причемъ проценты начисляются съ послѣдней суммы—до полной уплаты долга ⁴⁾).

Такія особія оговорки имѣли цѣлью заставить должника быть аккуратнымъ въ уплатѣ долга.

Подобныя же явленія мы наблюдаемъ въ долговыхъ договорахъ между неевреями. Такъ, напримѣръ, два землянина обязуются заплатить краковскому купцу Даніелю или Николаю Пельцеру 10 гривенъ въ назначенный срокъ, въ случаѣ же неисполненія договора, они уплачиваютъ по истеченіи восьми дней отъ назначеннаго срока 20 гривенъ, т.-е. ровно вдвое ⁵⁾). Впрочемъ, это—простая юридическая уловка, подобно

¹⁾ Lekszycki. I, 832.

²⁾ St. p.p. VIII, № 6141.

³⁾ Ibidem VIII, зам. 150 (8).

⁴⁾ ibidem VIII, № 8588, ср. еще 5865, 7578, 7800, 9303 и т. д.

⁵⁾ ibidem № 8976, см. прим. къ № 298 (17;) Ср. также: Pawiński, Księgi sądowe brzesko—kujawskie (VII), № 560: Мостичъ изъ Стибожа долженъ Яшкону Пивко 113 гривенъ; въ случаѣ, если онъ не уплатитъ ихъ своевременно, долгъ возрастетъ до 226 гривенъ, „et ista tota pecunia fore debet capitalis“.

покупкѣ рентъ, пользованію землею должника до момента уплаты долга, и проч., при помощи которыхъ христіане получали возможность, вопреки церковнымъ постановленіямъ, взимать проценты. Ибо ясно, что въ суммѣ 20 гривенъ, о которой идетъ рѣчь въ вышеприведенномъ договорѣ, содержится приростъ въ 10 гривенъ, который ничѣмъ не отличается отъ ростовщической прибыли.

Ссуда денегъ несовершеннолѣтнимъ.

Единственное постановленіе, касающееся такого рода ссуды, находится въ статутахъ Казимира Великаго. Если еврей дастъ займы деньги легкомысленнымъ юношамъ при жизни ихъ родителей, долгъ не считается законнымъ, и родители не отвѣчаютъ за дѣтей¹⁾. Первый извѣстный намъ случай судебной практики, когда должникъ сослался на это предписаніе, относится къ 1406 г. Вдова Щедрикона вызвана была въ судъ познанскимъ евреемъ Авраамомъ, который требовалъ отъ нея уплаты денегъ, взятыхъ въ долгъ ея сыновьями; вдова сослалась на несовершеннолѣтіе сыновей, что, однако, не помѣшало суду приговорить ее къ уплатѣ указаннаго долга²⁾.

Ссуды подъ залогъ.

Какъ уже упомянуто было раньше, до половины XIII-го вѣка въ Польшѣ не существовало вполне сложившагося законодательства о ссудахъ подъ залогъ; только въ 1264 г. соотвѣтствующія постановленія изъ привилегіи Фридриха Мужественнаго перешли въ еврейскія привилегіи. Предписанія привилегій, регулируюція еврейскія ссуды подъ залогъ, весьма подробны; они помѣщены въ В I § 2—7, 23, 25, 27—29, 33 (соотвѣтствующіе параграфы въ В II и В III, а также въ В III ст. 31—35).

¹⁾ St. p. p. I p. 105.

²⁾ Fr. Piekosiński: Wybór zapisek sądów grodzkich i ziemskich wielkopolskich XV-go wieku № 980 (Studia, rozprawy i materiały z dziedziny historii polskiej i prawa polskiego T. VI.

Ссуды подъ залогъ движимости.**а) Закладываемый предметъ (pignus).**

Еврей можетъ принять въ качествѣ залога любой движимый предметъ, за исключеніемъ предметовъ окровавленныхъ, относительно которыхъ можно предполагать, что они были добыты грабежомъ, а также церковной утвари (В I § 5). Церковное законодательство запрещало закладывать у евреевъ освященные предметы или требники за исключеніемъ самой крайней нужды. Но въ послѣднемъ случаѣ необходимо было получить отъ духовныхъ властей разрѣшеніе на отдачу въ залогъ церковныхъ принадлежностей. Для такого разрѣшенія требовались такимъ образомъ два условія: 1) *causa rationalis* и 2) *licentia superiorum*¹⁾. Если этихъ условій не было, лицо, заложившее у еврея предметъ церковной утвари, подвергалось отлученію.

На практикѣ чаще всего отдавалась въ залогъ одежда—особенно часто: подшитые мѣхомъ и богато украшенные плащи шляхтичей, а также пояса, цѣпи, кольца, бокалы, сабли и т. д. Мѣщане закладывали свои товары или одежды—шелкъ, дорогія сукна и т. п. Согласно постановленію В I § 7 и 33, евреи имѣли право принимать въ залогъ даже вещи, добытыя грабежомъ, и не обязаны были обращать вниманіе на происхожденіе закладываемаго предмета (*nulla de his requisitione facta*).

б) *Bona fides* и вліяніе этого принципа на закладываніе вещей, украденныхъ или добытыхъ грабежомъ.

Уже въ XI-мъ вѣкѣ въ еврейскихъ привилегіяхъ на Западѣ появляется принципъ, который долженъ былъ проложить дорогу высшимъ формамъ денежнаго обращенія и въ особенности торговлѣ цѣнными бумагами. Этотъ принципъ выразился въ постановленіи, охраняющемъ права еврея, который *bona fide* владѣетъ заложеннымъ у него или проданнымъ ему предметомъ. Впервые такое предписаніе появилось въ привилегіи, дарованной евреямъ города Шпейера въ 1090 г., а

¹⁾ Рѣшеніе Ленчицкаго синода, 1285 caput. 35, а также *Statuta Ioannis IV Grot. ep. scac. отъ 1331 г. Cp. St. p. p. IV стр. 36.*

затѣмъ оно перешло во Францію (гдѣ примѣнялось на практикѣ уже въ XII-мъ вѣкѣ) и въ Англію (*Charta Judaeorum Angliae* art. 6) ¹⁾. Наконецъ, постановленіе это вошло также въ составъ *Fridericianum* 1244 г. (ст. 6), а оттуда—въ еврейскія привилегіи въ Польшѣ (В I, ст. 6, 33).

Согласно предписанію В I, ст. 6, если противъ еврея выступалъ на судѣ хозяинъ вещи, украденной и заложеной, еврей обязанъ былъ заявить *iuramentum bonae fidei*, т. е. принести присягу, что принялъ оспариваемый предметъ въ залогъ, не зная о томъ, что онъ добытъ путемъ кражи или грабежа. Подъ присягой же онъ долженъ былъ заявить, какая сумма была взята подъ залогъ даннаго предмета. После такой присяги владѣлецъ вещи, желая вновь приобрѣсти ее, долженъ былъ уплатить еврею не только сумму, выданную подъ залогъ вещи, но и выросшій процентъ.

Совершенно иначе смотрѣло на дѣло польское церковное законодательство. Исходя изъ того соображенія, что евреи ни въ какой области не должны пользоваться большими правами, чѣмъ христіане, церковный синодъ въ Ленчицѣ постановилъ въ 1285 г. (*caput* 34), что еврей обязанъ вернуть по принадлежности заложенную у него вещь, если вещь эта краденная—и притомъ безъ всякаго вознагражденія ²⁾.

Стремясь воспрепятствовать возникновенію споровъ, свѣтское законодательство въ Польшѣ создало на ряду съ предписаніями о *iuramentum bonae fidei* еще новое, неизвѣстное на Западѣ постановленіе, въ силу котораго еврей можетъ принимать въ залогъ лошадей только днемъ и явно (В I 33, В III 43). Еслибы, несмотря на эти мѣры предосторожности, оказалось, что лошади добыты грабежомъ, еврей долженъ былъ очистить себя отъ вины (*expiurgatio*) или принести присягу (*iuramentum bonae fidei*). Подобная идея гарантіи лежитъ также въ основѣ предписанія В II ст. 34; ему, соотвѣтствуетъ В III 28, согласно коему въ домѣ еврея можно произвести обыскъ, розыскивая краденныя или вообще подозрительныя вещи, но

¹⁾ Cp. I. Schipper, *Anfänge des Kapitalismus*, I. c. стр. 42.

²⁾ R. Hube. *Ant. const. synod. ep: Gromnicki, Synody prowincjonalne w Polsce do roku 1357*, стр. 202.

лишь въ случаѣ предварительнаго врученія ему одной гривны золотомъ, которая являлась, какъ бы залогомъ; при чемъ, если розыски оказывались безплодными, залогъ этотъ поступалъ въ пользу государственной казны.

Вышеуказанныя постановленія на практикѣ вызывали ропотъ и недовольство. Такъ, напримѣръ, краковскіе мѣщане жалуются въ своемъ меморіалѣ отъ 1369 г., обращенномъ къ королю, что въ городѣ, благодаря сосѣдству евреевъ, завелись воровскія шайки, которыя на еврейской улицѣ продаютъ похищенныя вещи ¹⁾. Тѣ же нареканія встрѣчаемъ въ XV-мъ вѣкѣ у Станислава Заборовскаго. Въ своемъ трактатѣ о королевскихъ правахъ онъ доказываетъ, что причиной увеличенія числа кражъ въ странѣ является во первыхъ близкое сосѣдство евреевъ, у которыхъ легко заложить похищенную вещь, а, во вторыхъ, послабленіе чувственнымъ прихотямъ ²⁾.

Ссуды подъ залогъ недвижимости.

(В I 25, В II 26, В III 32—37 ³⁾).

¹⁾ Monum. m. aev. IV pars II, 23—24.

²⁾ Star. pr. pol. pomn. V, стр. 52: „Populares enim, ut gulae et ludo satisfaciunt, ex propinquitate Iudaeorum facilem habent occasionem res suas distrahendi ac alienas furandi, quas in pignora tradant“.

³⁾ Къ этому отдѣлу можно отнести предписанія знаменитой Болеславо-Казимировской привилегіи (В. III), въ подлинности которой сомнѣваются нѣкоторые ученые (Губе, Кутшеба). Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Предписанія В III о еврейскихъ ссудахъ подъ залогъ недвижимости соотвѣтствуютъ постановленіямъ В II 26 и В I 25 (послѣ критическаго установленія искаженнаго текста), подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

б) В III 32—37 считаемъ проектомъ статута, относящимся ко I-й половинѣ XIV-го вѣка.

в) В III 32—37 является непосредственнымъ отраженіемъ судебной практики второй половины XIV вѣка, что выясняемъ въ текстѣ.

г) Статьи В III 35 и 37, примѣровъ примѣненія которыхъ въ судебныхъ книгахъ не находимъ, не заключаютъ въ себѣ никакихъ новыхъ принциповъ, но являются прямымъ результатомъ положенія евреевъ какъ *servi camerae* и примѣнявшихся на практикѣ взглядовъ, выраженныхъ въ В III 32.

Вопросъ о подлинности В III былъ нами подвергнутъ подробному разбору въ другомъ мѣстѣ,—ср. Wschód, Львовъ, 1909, № 12.

Содержаніе 26-ой статьи привилегій Казимира Великаго отъ 1364 и 1367 г., а также соотвѣтствующихъ статей силезскихъ привилегій конца XIII-го вѣка и привилегій Фридриха Мужественнаго, Белы IV и Оттокара чешскаго, доказываетъ съ несомнѣнностью, что 25-я статья привилегіи Болеслава Калишскаго, запрещающая евреямъ ипотечныя ссуды, является искаженіемъ, и что первоначальный текстъ имѣлъ иной характеръ. Привилегіи Казимира Великаго отъ 1364 г. и 1367 г. не только признаютъ за евреями право принимать въ залогъ недвижимость, но даже берутъ подъ свою защиту это право ¹⁾.

Получивъ долговой листъ, свидѣтельствующій о залогѣ недвижимости (*obligatio haereditaria*) и удостовѣренный печатью должника (*per litteras et sigillum*) или обезпеченный ипотечной записью ссуды въ судебные акты, еврей становится объектомъ права залога подъ недвижимое имущество. Возникаетъ однако же вопросъ: служилъ ли закладъ недвижимости только обезпеченіемъ правъ еврея или еврей-кредиторъ имѣлъ право пользованія данной недвижимостью вплоть до момента погашенія долга?

Привилегіи В I и В II не содержатъ соотвѣтствующихъ постановленій. Но привилегія Белы IV отъ 1252 г., которая послужила образцомъ для Калишской привилегіи 1264 г., указываетъ въ ст. 25, что евреи пользуются въ заложенныхъ земельныхъ владѣніяхъ правомъ „*fructus provenientes*“, т. е. правомъ пользованія, впредь до окончательной уплаты долга (*donec christianus appareat, qui velit redimere omnes possessiones taliter obligatas*).

Изъ В III ст. 32 и 34 вытекаетъ, что еврей получалъ при ипотечныхъ ссудахъ обычный процентъ 108% (1 грошъ съ гривны въ недѣлю), и сверхъ того, съ момента введенія его во владѣніе земельнымъ имѣніемъ, онъ могъ держать эти земли безъ всякаго препятствія, съ тою только оговоркой, что заложенные земли сохраняютъ собственную

1). Ст. 26 привилегіи отъ 1364 г. гласитъ: „*Item si iudeus super possessiones aut litteras magnatum terre pecunias mutuaverit et hoc per suas litteras et sigillum probaverit, Nos iudeo iure aliorum pignorum possessionem assignabimus obligatas et eas contra violentias defendemus*“. То же видимъ и въ привилегіи отъ 1367 года.

юрисдикцію, и права ихъ владѣльцевъ въ этомъ отношеніи должны остаться ненарушимыми ¹⁾. Согласно В III ст. 33, еврей вступалъ во владѣніе земельной собственностью должника въ томъ случаѣ, когда должникъ, несмотря на напоминанія, по легкомыслію не уплатилъ долга полностью или по крайней мѣрѣ, не представилъ поручительства.

Судебная практика второй половины XIV-го вѣка даетъ много примѣровъ еврейскихъ ипотечныхъ ссудъ, а также примѣровъ, когда еврей вступалъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ должника. Самыя раннія свѣдѣнія о такихъ ссудахъ относятся ко временамъ Казимира Великаго ²⁾. Еврей, вступившій во владѣніе землями должника, имѣлъ право вплоть до момента уплаты долга пользоваться всѣми доходами съ этихъ земель. Въ такихъ случаяхъ онъ имѣлъ двойные доходы: проценты съ капитала, даннаго взаймы, и доходы отъ заложенной земли ³⁾. Нерѣдко случалось, что еврей, вступая во владѣніе имѣніемъ, назначалъ шляхтича управляющимъ и такимъ образомъ не прямо, а косвеннымъ путемъ получалъ доходы съ имѣнія. Нѣсколько такихъ случаевъ отмѣчены въ великопольскихъ судебныхъ актахъ ⁴⁾. Извѣстны такіе случаи и въ Краковской области ⁵⁾.

¹⁾ Это условіе было заимствовано изъ ст. 25 привилегіи Бѣлы IV. „Super christianis tamen in eisdem possessionibus existentibus Judeum aliquam iurisdictionem nolumus exercere“. Это находится въ связи съ церковными предписаніями, въ силу которыхъ недостойно было, чтобы „perfidus iudeus“ судилъ правовѣрныхъ христіанъ.

²⁾ Krz y ż a n o w s k i, № 10 (въ 1365 г. Левко ссужаетъ деньги, принимая въ залогъ домъ Томаша изъ Скарбимежа), § 94 (1366 г. obligatio domus pro pecunia in Judaeos), № 97 (въ 1367 г. Levko Judeus libertavit Franconissae hereditatem in Prennik pro 55 marc.) № 308 (1368 г. Anna... recognovit domum in judea obligatam... exemisse), № 397 (1368 г. Lewco Judeus dimisit liberam et solutam domum, № 13 ab omni arestacione et dixit, quod nullas super ea litteras haberet). Monum. m. aevi IV pars II. p. 23. Меморіалъ краковскихъ мѣщанъ въ 1369 г. напоминаетъ о еврейскихъ долговыхъ листахъ, выданныхъ на „bona“ мѣщанъ.

³⁾ Starod. pr. pol. pomn. II, № 861: „Judeo (Canaan) intromissio bonorum hereditariorum in 60 marcis debiti et in usuris predicti Nicolai de Zagorze: decreta est cum effectu recipiendi, habendi, tenendi, uti fruendi etc. tamdiu, donec sibi dictum debitum totaliter fuerit persoluturum.

⁴⁾ Hube, Sady, ich praktyka etc. стр. 203.

⁵⁾ St. pr. p. pomn. II, № 642.

Право владѣнія заложенной недвижимостью, приобретенное евреями, распространялось кромѣ земель должника также и на всѣ находившіеся на этихъ земляхъ предметы, а также и на жившихъ тамъ крестьянъ ¹⁾.

Если должникъ, земянинъ или мѣщанинъ, умиралъ, еврей не могъ быть устраненъ отъ владѣнія заложеннымъ у него имѣніемъ должника втеченіе всего времени несовершеннолѣтія наслѣдниковъ послѣдняго. (В III, ст. 37).

Не трудно угадать мотивы, заставившіе законодателя нормировать ипотечныя ссуды столь выгодно для евреевъ. Всякое расширеніе правъ евреевъ имѣло въ сущности прямой цѣлью выгоду ихъ патрона и привилегіи отнюдь не скрываютъ этого: въ В III, ст. 37 находимъ слѣдующія характерныя строки, выясняющія смыслъ льготъ, даруемыхъ евреямъ: „ибо евреи всегда должны имѣть деньги наготовѣ для всякихъ нашихъ (королевскихъ) нуждъ, какъ наши подданные“ ²⁾.

Прекращеніе залоговой сдѣлки.

Залоговая сдѣлка прекращалась:

a) *In casu vis majoris*: Еврей, который вслѣдствіе пожара или кражи лишался заложенной вещи, освобождался отъ обязанности вернуть владѣльцу ея стоимость, если подъ присягой утверждалъ, что онъ не повиненъ въ потерѣ вещи (В I 7). Если же онъ уклонялся отъ присяги, то обязанъ былъ вернуть залогодателю стоимость заложенного предмета.

b) Въ случаѣ уплаты долга (В I 23, В II 24).

c) Вслѣдствіе того, что истекъ срокъ заклада (В I § 27).

d) Вслѣдствіе давности (*praescriptio*). Такіе примѣры наблюдались при закладѣ недвижимости. Должникъ имѣлъ право втеченіе 3-хъ лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ требовать, чтобы еврей отдалъ ему во владѣніе заложенное имѣніе. По истеченіи же этого времени еврей становился хозяиномъ имѣнія и могъ продать его кому нибудь или пользоваться имъ по своему усмотрѣнію (В III, § 35).

¹⁾ *ibidem* № 992: „Burcardus... hereditatem... Judeis... in dictis debitis et usuris, kmetones *ibidem* omnes suos et dicti Proccossii in Balice sine curia obligavit et intromissionem eorundem assignavit“.

²⁾ „... quia ipsi Judali debent fieri suis cum pecuniis parati pro necessitatibus nostris sicut subditi nostri“ (В III 37).

Поручительство.

Какъ уже указано было выше, еврейскія привилегіи ничего не говорятъ о поручительствѣ. Но статуты Казимира дважды упоминаютъ о поручительствѣ, данномъ еврею (ст. XLII 135, ст. XIV 146: *fideiussio in iudea*). Заслуживаетъ вниманія постановленіе, въ силу котораго лицо, ручающееся еврею за кого нибудь и предоставляющее для обезпеченія поручительства въ распоряженіе кредитора коня или вола, не можетъ требовать отъ лица, за которое ручался, возвращенія понесеннаго убытка, за исключеніемъ случаевъ, когда былъ заключенъ особый соотвѣтствующій договоръ. Трудно уяснить себѣ мотивы такого постановленія ¹⁾. Единственнымъ и притомъ довольно скуднымъ источникомъ, изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о порукѣ, какъ средствѣ обезпеченія займа, является судебная практика II-й половины XIV-го вѣка. Эта практика даетъ поводъ къ общему заключенію, что вѣроисповѣданіе евреевъ не вызывало въ примѣненіи поручительства никакихъ вредныхъ для нихъ отклоненій ²⁾.

Возникшая въ эту эпоху потребность усиленнаго денежнаго обращенія, вызвала въ Польшѣ такое явленіе какъ часто повторявшіяся „общія поручительства“ (*coniuncta manu*) по отношенію къ евреямъ ³⁾.

Обязательство такого рода было весьма выгодно для еврея, такъ какъ онъ могъ предъявлять требованіе какъ къ должнику, такъ и къ поручителямъ, а иногда къ обѣимъ сторонамъ вмѣстѣ, и притомъ требовать отъ каждой уплаты всей суммы долга. Чаше всего встрѣчаются договоры такого рода: христіанинъ, давая взаймы деньги другому, уговаривается, что онъ, въ случаѣ промедленія, одолжитъ у еврея

¹⁾ Ср. R. Hube. *Prawo polskie w XIV w.* стр. 147.

²⁾ Иное положеніе дѣлъ мы видимъ въ средневѣковомъ нѣмецкомъ законодательствѣ: ср. Zoepfl. *Das alte Bamberger Recht*, стр. 222; ср. P. Dąbkowski: *Rękojemstwo w prawie polskim średniowiecznem* (*Archiwum naukowe* III Lwów 1904), стр. 146—147.

³⁾ Lekszycki I № 711, 2359, 2422. II 1357, 1188; St. pr. p. pomn. I стр. 247, 259 II № 1106, 1162, 1164, 1165, 1175, 1200, 1223, и т. д.; *ibidem* VIII № 743, 5029, 5987. *Kodeks Wielkopolski* III № 1904. *Kodeks Małopolski* IV, № 1043. *Kodeks Wielkopolski* II, № 765, 809. *Człowski* I. 150, 311.

соотвѣтствующую сумму, которую должникъ обязанъ будетъ уплатить (*damnum in iudea perceptum*). Даже болѣе выдающіеся лица не колебались поручиться за должника, въ особенности если должниками являлись короли или князья. Для иллюстраціи достаточно указать на списокъ лицъ, которые поручились предъ еврейскими капиталистами за Людовика Венгерскаго, Владислава Ягеллона, Ядвигу и Земовита Мазовецкаго. Въ ряду ихъ фигурируютъ такіе знатные люди, какъ канцлеръ Заклика, Кристынь изъ Козиглова, кастелянъ Савдецкій, Янъ изъ Тенчина, кастелянъ Краковскій, королевскій стольникъ Петрашъ, королевскій подстолий Лигенза, воевода ленчицкій и т. д.

Рѣже выступаютъ поручителями мѣщане. Когда еврею приходилось совершать денежныя операціи въ средѣ мѣщанъ, онъ обыкновенно ссужалъ деньги подъ залогъ домовъ, плацовъ или движимости. Только въ исключительныхъ случаяхъ онъ давалъ займы мѣщанину на основаніи поручительства, и при этомъ обращалъ особенное „вниманіе на „*bona cautela et fideiussoria*“. Если должникомъ былъ не извѣстный богачъ, въ родѣ Томаша Вѣживка, а какой нибудь бѣднякъ ремесленникъ, еврей требовалъ поручительства многихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, одинъ львовскій ремесленникъ, беря у еврея сравнительно небольшую сумму въ двѣ гривны, представляетъ за себя трехъ поручителей ¹⁾.

Судебныя взысканія долговъ по еврейскимъ ссудамъ.

Еврей требовалъ по суду взысканія долга, заявляя притязанія: во первыхъ—къ самой личности должника, во-вторыхъ—къ его имуществу. Первый способъ взысканія состоялъ большей частью въ томъ, что ограничивалась свобода дѣйствія должника. Должникъ обыкновенно обязывался въ долговой записи „оставаться заложникомъ“ (*in verum ingredi obstagium*) въ случаѣ замедленія уплаты. Нерѣдко воевода или староста, которымъ принадлежала юрисдикція надъ евреями, требовали, чтобы должникъ, не уплатившій долга, явился въ городскій судъ, гдѣ его держали до тѣхъ поръ „*sine fraude*

¹⁾ Czołowski, I, 311 (1385 г.).

et dolo“, пока означенная сумма была уплачена еврею. Этотъ пріемъ особенно часто примѣнялся въ Познанской и Калишской областяхъ¹⁾. Въ Ленчицкой области еврей улавливался со своимъ должникомъ еще при заключеніи займа, въ какой мѣстности онъ будетъ „заложникомъ“ въ случаѣ промедленія уплатой²⁾. Если должникъ не исполнялъ этого условія, еврей грозилъ ему примѣненіемъ перваго способа взысканія, т. е. личнымъ залогомъ, называвшимся „czang“³⁾. Иногда взысканіе направлено было не только противъ должника, но и противъ его ближайшихъ родственниковъ, которые, повидимому, также какъ и должникъ, должны были оставаться заложниками⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ былъ изъ мѣщанъ и подлежалъ городской юрисдикціи, еврей взыскивалъ долгъ черезъ посредство бургомистра и городской рады; эта рада приглашала должника въ ратушу, гдѣ его задерживали впредь до уплаты долга⁵⁾.

Поражаетъ то обстоятельство, что судебные акты краковской области, дающіе много свѣдѣній о еврейскихъ ссудахъ, не приводятъ ни одного случая взысканія, направленного на свободу должника еврея. Но вообще случаи примѣненія такихъ взысканій были нерѣдки, о чемъ свидѣтельствуетъ меморіаль краковского мѣщанства отъ 1369 г., содержащій жалобы королю между прочимъ и на то, что „нѣкій жидъ, ссылаясь на долговую запись Ничцона Боркхарда и на его имущество, выгналъ изъ города указанного Ничцона и его жену, людей благородныхъ и достойныхъ“. „Такимъ же образомъ другой еврей, ссылаясь на подложный договоръ, вы-

¹⁾ Lekszycki I № 27, 503, 832, 1740, 2605, 2808, II № 1357.

²⁾ Księgi sądowe łeczyckie od 1385 — 1419. Teki Pawińskiego III, IV, № 5580.

³⁾ Lekszycki I 372a (1388 г.). Разсматривается дѣло Помана, одолжившаго деньги у познанскаго еврея Шабдая. Поманъ долженъ остаться заложникомъ. „Quod si in obstagio non iaceret, extunc burgrabius cum dominis iudicio praesidentibus ministrabunt in pignorationem super eundem, que dicitur czang“...

⁴⁾ Lekszycki I 1740.

⁵⁾ Warschauer „Stadtbuch von Posen № 538: Войтко долженъ двумъ евреямъ известную сумму денегъ. Если онъ во время ея не уплатитъ, „zo zullin dy herrn (rajcy) noch em Woitka sendin und von dem rathawse nicht losin, her beczale den dem jude und der judenne der vorgenannte gelt adir thue en eyn genuege“.

гналъ благороднаго Мерклина, а также жену его и дѣтей“.¹⁾

Взысканіе было обращено противъ имущества должника прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ имѣлъ дѣло съ ссудой подь залогъ. При этомъ судъ поступалъ различно, въ зависимости отъ того, было ли въ закладѣ имущество движимое (*pignus*) или недвижимое (*obligatio haereditaria*). Если должникъ въ теченіе опредѣленнаго срока (годъ и 6 недѣль) не требовалъ возвращенія заложенной у еврея движимости, всѣ его права на эти предметы считались утраченными. Еврей обязанъ былъ въ такихъ случаяхъ показать заложенный предметъ воеводѣ, а потомъ становился владѣльцемъ невыкупленнаго имущества и могъ продать его или употребить въ свою пользу (В I § 27, В II § 28).

Ранѣе нами разсматривался вопросъ о правахъ еврея на заложенные у него земли. Теперь прослѣдимъ, что происходило съ такими земельными владѣніями, въ томъ случаѣ, когда долгъ не погашался. Отвѣтъ даютъ намъ судебныя книги, въ которыхъ встрѣчаются частыя указанія на то, что имѣнія и деревни неоплатныхъ должниковъ переходили въ полную собственность кредитора (*jure acquisitio in haereditate*). Въ 1386 г. познанскій еврей Острошъ вступаетъ во владѣніе имѣніемъ Срочско на основаніи двухъ долговыхъ договоровъ. Точно также въ 1339 г. познанскій судъ присудилъ Шабдаю часть имѣнія Освилово, соответствующую его требованію, какъ кредитора. Въ 1393 г. познанскій еврей Мушко, по прозвищу Богачъ, приобрѣтаетъ земли Поничъ и Гостынъ.²⁾ Въ 1411 г. калишскій еврей Давидъ приобрѣлъ земли Николая Барческаго³⁾. Въ такомъ же положеніи обстояло дѣло и въ краковской области. Въ 1390 г. къ кра-

¹⁾ Monumenta medii aevi IV, часть II, стр. 23—24. Въ Чехіи во второй половинѣ XIV вѣка еврею разрѣшалось брать подь арестъ должника-христіанина, не уплатившаго долга—но онъ могъ держать его не у себя, а въ христіанскомъ домѣ. Арестованный такимъ образомъ должникъ питался лишь водою и хлѣбомъ, если только еврей не соглашался, чтобы родственники доставляли арестованному пищу. Если должникъ умиралъ во время содержанія подь арестомъ, еврей не отвѣчалъ за него. Ср. Tomek, Dejepis m. Prahy II, стр. 338.

²⁾ Lekszycki, I, № 22, 811, 1539.

³⁾ B. Ulanowski, Wybór zapisek sądowych Kaliskich (Archiwum komisji hist. III) 49: Dawid, judeus arestavit et inhibuit resignacionem hereditatum suarum, quas habet Michael Barczski in districtu Kalisiensi.

ковскому еврею Іосману перешли владѣнія Дзѣвежа изъ Пшеславиць. ¹⁾ Въ 1404 г. сыновья Петра Рошена изъ Рошнова отдають краковскому еврею Шмерлину въ уплату долговъ, составляющихъ сумму въ 700 гривенъ, три деревни: Дзѣжанины, Боровую и Палесъницы въ вѣчное владѣніе (*cum omnibus iuribus, utilitatibus, dominio etc... in perpetuum.... assignaverunt*). ²⁾ Тутъ замѣчательно то обстоятельство, что судъ признаетъ за евреемъ *dominium* надъ этими владѣніями, т. е. право, въ силу котораго владѣлецъ можетъ облагать жителей различными повинностями и отдавать ихъ въ распоряженіе мѣстной судебной власти.

Евреи, давшіе деньги, краковскимъ мѣщанамъ, согласно постановленію суда, приобрѣтали дома своихъ должниковъ, и впослѣдствіи дома эти переходили въ ихъ собственность (*arestacio domus*). ³⁾ Во Львовѣ нѣкоторые евреи поступали такимъ образомъ: заключая долговой договоръ, они заранѣе выговаривали себѣ право продать заложенный у нихъ домъ, если должникъ въ установленный срокъ (обыкновенно въ два-три мѣсяца) не уплатитъ долга. ⁴⁾ Такой же случай извѣстенъ и въ краковской области. ⁵⁾

Если владѣлецъ имѣнія былъ долженъ нѣсколькимъ лицамъ, судъ отдавалъ преимущество тому кредитору, который раньше всѣхъ выступилъ съ требованіемъ. Въ западныхъ польскихъ областяхъ, гдѣ главнымъ занятіемъ евреевъ на исходѣ XIV-го вѣка были кредитныя операціи, еврейскіе капиталисты усердно заботились о своихъ выгодахъ; они обыкновенно первыми обращались къ судебной власти.

¹⁾ Starod. pr. pol. pomn. VIII, № 5468.

²⁾ ibidem. II, w, 1083.

³⁾ Krzyżanowski, № 913, 1241; Monum. m. aev. IV, pars II, стр. 118. Codex diplomaticus universitatis Cracoviensis. T. I, 14.

⁴⁾ Czołowski, № 150, 556.

⁵⁾ Codex diplomaticus universitatis Cracoviensis, I, № 14 (отъ 1387 г.).
...si in termino praefixo solvere pecuniam nequierit, extunc domum... cum area ...ad dominam praedictam pertinentes, idem judeus (Smerlinus) perpetualiter obtinebit tenendam, habendam, possidendam, vendendam, donandam, commutandam et ad usus suos beneplacitos convertendam etc.

Иногда уже при заключеніи долгового договора они выговаривали себѣ право первенства. ¹⁾

Иначе обстояло дѣло на Руси. Здѣсь евреи въ XIV и XV вѣкахъ занимались преимущественно торговлею. Иногда далекія путешествія на Востокъ не позволяли имъ слѣдить за долговыми сроками, и поэтому они обращались въ судъ значительно позже. Въ львовскихъ городскихъ актахъ отмѣчены втеченіе промежутка времени отъ 1382 до 1389 г. одиннадцать случаевъ, когда евреи вступали во владѣніе имѣніями своихъ должниковъ ²⁾; изъ этихъ случаевъ всего два-три раза еврей выступалъ первымъ со своимъ заявленіемъ: обыкновенно онъ выступаетъ третьимъ или четвертымъ въ порядкѣ обращенія къ судебной власти. ³⁾

Львовъ.

И. Шипперъ.

¹⁾ St. pr. pol. pomn. VIII, № 6755.

²⁾ Czołowski, I, № 72, 75, 127, 128, 286, 601, 618, 619, 638, 639, 709. Мы останавливаемся только на тѣхъ случаяхъ, когда ясно указанъ порядокъ наложенныхъ взысканій. Упомянутые въ текстѣ три случая фигурируютъ подъ номерами 601, 618, 638; при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ трехъ случаяхъ кредиторомъ выступаетъ одинъ и тотъ же еврей Шлема. Но были случаи, когда Шлема обращался и вторымъ (§ 75 127), а иногда и четвертымъ по порядку (№ 72, 286, 709).

³⁾ Въ Чехіи Maiestas Carolina отъ 1348 г. постановила слѣдующее относительно земельныхъ владѣній, переходящихъ къ евреямъ вслѣдствіе неуплаты долга:

„Jesjtliže by kterému Židu za dluhy které dēdictvi se dostalo, toho prodati ani utrati žádnym obyčejem jemu neslusie bez vuole a odpustēni králova zvláštnieho; kterežto dēdictvie potom bez pochybēnie do komory našie z vuole královské a právem království i z obyčeje potvrzeného ma spadnūti“. Archiv Cesky, III, 166.

Борьба караимовъ г. Трокъ съ евреями.

Въ Трокахъ, нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Виленской губерніи, издавна проживали евреи. Городъ былъ основанъ ранѣе 1321 г., а уже жалованная грамота великаго князя Витовта отъ 2 іюля 1388 года, данная брестскимъ евреямъ, говоритъ о евреяхъ въ Трокахъ. А за недѣлю до того—24 іюня—пожалована была грамота специально на имя трокскихъ евреевъ¹⁾, относительно которой есть, впрочемъ, указаніе, что она была дана не евреямъ, а караимамъ²⁾. Однако, если даже въ XIV вѣкѣ здѣсь жили и евреи³⁾, и караимы, то все же въ теченіе многихъ десятилѣтій въ официальныхъ документахъ, относящихся къ Трокамъ, встрѣчаются только такія выраженія, какъ „*judei trocenses*“, „*judaei cives Nostri de Troki*“, безъ того, чтобы дѣлалось болѣе точное обозначеніе, что подразумѣваются караимы. Это видно въ грамотѣ великаго князя литовскаго Казимира Ягеллона отъ 1441 г., предоставившей магдебургское право трокскимъ евреямъ, а также въ подтвердительныхъ грамотахъ 1492 и 1507 гг. Отсутствуетъ точное указаніе на караимовъ и во многихъ другихъ документахъ⁴⁾ менѣе важнаго характера.

Но затѣмъ наступаетъ моментъ, когда караимы открыто ставятся въ привилегированное положеніе сравнительно съ евреями, и тогда документы начинаютъ говорить отдѣльно о караимахъ и евреяхъ.

¹⁾ С. А. Бершадскій, Русско-еврейскій Архивъ, т. I, стр. 2, 3 и слѣд.

²⁾ С. А. Бершадскій, Литовскіе евреи, стр. 178—182; была сдѣлана попытка, путемъ поддѣлки, доказать, что привилегія 2 іюля 1388 г. была дана караимамъ.

³⁾ М. Балабанъ, говоря, что въ Трокахъ евреи не имѣли сношеній съ христіанами, что объ эти части населенія имѣли каждая своего войта, отмѣчаетъ, что это относится къ караимской общинѣ; о раббанитскихъ же общинахъ въ XV в. весьма мало извѣстно. Ср. Правовой строй евреевъ въ Польшѣ, „Евр. Старина“, 1910 г., вып. III, стр. 334.

⁴⁾ Бершадскій, Русско-евр. Архивъ; Регесты и надписи, т.т. I и II.

Имѣется извѣстіе, что когда въ 1514 г. король Сигизмундъ I универсаломъ ко всѣмъ евреямъ великаго княжества литовскаго объявилъ, что въ виду заслугъ брестскаго еврея Михеля Езофовича король назначаетъ его старшиною надъ всѣми литовскими евреями, съ правомъ исключительнаго ходатайства предъ королемъ по всѣмъ еврейскимъ дѣламъ, а также суда и расправы ¹⁾, караимы г. Трокъ отказались отъ подчиненія Михелю Езофовичу, потому что они не одинаковой съ нимъ религіи, и литовскій намѣстникъ Гастольдъ призвалъ караимовъ правыми ²⁾. Быть можетъ, что уже съ этого времени караимы стали добиваться того, чтобы занять исключительное положеніе въ Трокахъ, но по существующимъ документамъ ихъ побѣда въ этомъ отношеніи должна быть отнесена къ болѣе позднему времени.

Грамотой 3 декабря 1646 г. король Владиславъ IV объявилъ, что въ виду представленной ему просьбы отъ имени трокскихъ евреевъ караимскаго толка („*nomine judeorum Trocensium, rithus Karaimici*“), онъ подтверждаетъ грамоты великаго князя Казимира Ягеллона—1441 г., Александра—1492 г., Сигизмунда Перваго—1507 г., коими, какъ было отмѣчено выше, были предоставлены особыя права „евреямъ“ вообще, безъ особеннаго указанія на караимовъ.

„Сверхъ того, говорилось въ грамотѣ, отъ имени тѣхъ же караимскихъ евреевъ намъ донесено, что нѣкоторые изъ евреевъ-раввинистовъ, вопреки привилегіямъ о неприкосновенности караимовъ, даннымъ нашими предшественниками, недавно стали нарушать вышеуказанныя привилегіи, приобрѣтать дома и совершать торговыя сдѣлки въ свою пользу и во вредъ караимамъ.

„По сему мы, приходя на помощь указаннымъ караимамъ Трокъ нашихъ, постановляемъ: еврей-раввинисты не должны ни нанимать, ни покупать домовъ ни подъ какимъ видомъ въ нашихъ Трокахъ у гражданъ или другихъ лицъ какого-бы то ни было положенія или состоянія, ни же торговать съ ними, подъ угрозою штрафа по нашему усмотрѣнію.

¹⁾ Русско-евр. Архивъ, № 60.

²⁾ Евр. переводъ Греца, т. VII, стр. 314; приведено изъ Чацкого, *Rozprawa o żydach i Karaitach*, Краковъ, 1860, стр. 145 - 46.

„Ко всеобщему свѣдѣнію всѣхъ, кому надлежитъ, особенно же къ свѣдѣнію воеводы Трокъ или его замѣстителя, а также трокскихъ начальствующихъ лицъ, мы требуемъ, чтобы не было дозволяемо вышеуказаннымъ раввинистамъ покупать, или нанимать, или приобрѣтать подъ какимъ бы то ни было видомъ въ нашихъ Трокахъ дома, равно не вести никакихъ торговыхъ дѣлъ, и чтобы (указанныя должностныя лица) соблюдали вышеупомянутыя привилегіи караимовъ-евреевъ и именемъ нашимъ побуждали другихъ соблюдать ихъ“¹⁾.

Одновременно король Владиславъ IV сдѣлалъ соответствующее предписаніе трокскому воеводѣ Александру Слушкѣ. А Слушка тогда же далъ трокскому войту ордеръ, въ которомъ говорилось: „жаловались мнѣ евреи г. Трокъ караимы, что ты, вопреки праву, имъ съ давнихъ временъ пожалованному, не смотря на опредѣленный мною штрафъ, осмѣлился еврея-рабина, но не караима въ домъ свой, въ г. Трокахъ состоящій, принять на жительство; поэтому непремѣнно требую и приказываю тебѣ, дабы, сейчасъ по полученіи настоящаго ордера, означеннаго еврея-рабина изъ дома своего выгнать и впредь въ ономъ ни одного, не только подъ штрафомъ мною опредѣленнымъ, но и подъ опасеніемъ смертной казни никогда имѣть не осмѣливался“²⁾.

Однако всѣ эти предписанія и даже угроза смертной казни по адресу трокскаго войта не освободили города отъ евреевъ.

Уже 30 марта 1648 г. король Владиславъ IV повторилъ трокскому воеводѣ Николаю Абрамовичу повелѣніе о запрещеніи евреямъ водворяться въ Трокахъ³⁾, изъ чего надо заключить, что запретъ нарушался евреями и мѣстной администраціей.

Исключительное положеніе, занятое караимами въ Трокахъ, было подтверждено грамотами королей: Яна Казимира—28 іюня 1654 г., Михаила—25 апрѣля 1670 г., Іоанна III—3 марта 1679 г. и Августа II—20 іюня 1701 г.⁴⁾.

¹⁾ Привилегія 1646 г. помѣщена въ Русско-евр. Архивѣ, т. I, № 3.

²⁾ Рукописные матеріалы: русскій офиціальный переводъ былъ сдѣланъ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

Кромѣ Трока, караимы жили еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы, совмѣстно съ евреями. Между ними происходили недоразумѣнія на экономической почвѣ. И вотъ, чтобы не прибѣгать къ вмѣшательству государственной власти, руководители евреевъ и караимовъ вошли 28 августа 1714 г. (28 менахема 5474 г.) въ Вильнѣ въ соглашеніе, которое должно было превратить подобныя недоразумѣнія въ „домашній споръ“ ¹⁾.

Ссылаясь на то, что „непріатели наши сдѣлались нашими судьями, доносы, непріязнь, и ссоры умножились“, раввины и старшины еврейскихъ обществъ съ одной стороны и двое представителей отъ караимовъ—съ другой, „соединились и положили утвердить то, что предками нашими установлено, именно, что караимы должны пользоваться древними своими правами во всѣхъ городахъ и деревняхъ. Всякому же израильтянину запрещаемъ мы, подъ опасеніемъ проклятія, причинять имъ малѣйшій вредъ въ промыслахъ, коими они приобрѣтаютъ средства къ пропитанію; съ другой стороны и караимы не должны причинять никакого вреда нашимъ братьямъ израильтянамъ въ ихъ жилищахъ. Если бы, однако, несмотря на сіе, кто либо изъ нашихъ братьевъ израильтянъ причинилъ какой либо вредъ караимамъ, то сіи должны требовать удовлетворенія у рабиновъ ближайшаго къ мѣсту жительства ихъ города; приглашенный такимъ образомъ рабинъ долженъ употребить всевозможныя средства, даже денежную пеню и тѣлесное наказаніе, дабы принудить непослушнаго израильтянина исполнить приговоръ. Приговоръ же рабина долженъ имѣть всю законную силу, какъ бы онъ былъ учиненъ всеми обществами нашими совмѣстно съ учеными рабинами нашего края“ ²⁾.

Приведенное соглашеніе было подтверждено 5 декабря 1719 г. и 11 іюня 1760 ³⁾.

Этими актами, говорившими о караимахъ вообще, должно было, въ частности, быть охранено и исключительное право караимовъ на проживаніе въ Трокахъ. Однако, евреи по

¹⁾ О дружескихъ отношеніяхъ между раввинами и караимами, см. Грецъ, русскій переводъ подъ ред. А. Гаркави, стр. 472.

²⁾ Дефектный переводъ изъ рукописнаго матеріала.

³⁾ Тамъ-же.

прежнему продолжали пытаться приобрести осѣдлость въ Трокахъ; такъ въ 1774 г. послѣдовало требованіе, чтобы евреи, уже начавшіе здѣсь шинковать и заниматься торговлей, были выселены.

II.

Когда Троки перешли подъ русскую власть, привилегіи, данныя мѣстнымъ караимамъ, могли бы потерять свою силу, подобно тому, какъ въ то время утратили, напр., свое прежнее значеніе привилегіи христіанскихъ городскихъ обществъ Кіева, Ковна и Каменецъ-Подольска, стѣснявшія евреевъ въ водвореніи и жительствѣ. И мѣстныя, и петербургскія власти охотно отмѣняли подобныя привилегіи. Но евреи, повидимому, не проявили въ тотъ моментъ желанія поселиться въ Трокахъ и потому старые акты, охранявшіе Троки отъ появленія евреевъ, не были отмѣнены русской властью. Когда же Положеніе 1804 г. потребовало удаленія евреевъ изъ селъ и деревень въ города, нѣкоторые изгнанники направились, съ вѣдома администраціи, въ Троки, „не зная вовсе о правахъ караимовъ, ни же о томъ, какія съ прародителями новыхъ поселенцевъ имѣли дѣла“. Караимы встрѣтили новыхъ согражданъ безъ всякаго протеста. Но прошло нѣсколько лѣтъ и они вспомнили о своихъ грамотахъ; извлеки ихъ изъ подъ пыли архива, они стали домогаться выселенія изъ Трокъ всѣхъ водворившихся евреевъ.

Начатое въ 1809 году, дѣло тянулось много лѣтъ. Земскій судъ призналъ за караимами исключительное право на проживаніе въ Трокахъ, но главный судъ, ознакомившись съ мнѣніемъ губернскаго прокурора, согласился съ рѣшеніемъ повѣтоваго суда, отмѣнившаго постановленіе первой инстанціи. И такъ какъ караимы не представили апелляціи, рѣшеніе главнаго суда вошло въ силу. Евреи остались въ Трокахъ.

Но вотъ, въ 1822 г. караимы вновь возбудили свое домогательство—они обратились съ ходатайствомъ къ Государю.

Всесильный тогда въ разрѣшеніи вопросовъ еврейской жизни министръ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ нашелъ, что рѣшеніе главнаго суда неосновательно: оно не соотвѣт-

ствуешь интересамъ Троку и особливо мѣстныхъ караимовъ; евреи, по словамъ Голицына, всегда угнетали караимовъ, которые поэтому были вынуждаемы добиваться охранительныхъ грамотъ; вообще, караимамъ слѣдуетъ покровительствовать, такъ какъ они занимаются полезными промыслами и даже земледѣліемъ; къ тому же среди нихъ нѣтъ уголовныхъ преступленій; евреи же вредоносны, и туда, гдѣ ихъ пока нѣтъ, не слѣдуетъ пускать.

Ходатайству караимовъ былъ данъ ходъ; оно поступило на разсмотрѣніе сената.

Первое отдѣленіе третьяго департамента сената стало собирать мнѣнія мѣстныхъ властей и этотъ опросъ оказался, въ общемъ, неблагопріятнымъ для евреевъ. Если дворяне и магистратъ высказались за предоставленіе евреямъ права жить въ Трокахъ, то замѣститель Голицына, Шишковъ, и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, по докладу Новосильцова, склонились къ удаленію ихъ оттуда; при чемъ цесаревичъ сослался, въ видѣ примѣра, на выселеніе евреевъ изъ Кіева по закону 1827 года.

Сенатъ принялъ это предложеніе и подготовилъ соотвѣтствующее опредѣленіе ¹⁾. Но министръ финансовъ Канкринъ, отнюдь не стоявшій въ рядахъ друзей евреевъ, отказался подписать таковое. Въ своемъ объясненіи Канкринъ указалъ на то, что старинныя привилегіи не могутъ имѣть силы при новомъ государственномъ строѣ, отличномъ отъ условій государственной жизни въ Польшѣ; требованіе караимовъ по существу слишкомъ ничтожно, чтобы изъ-за него отступать отъ общаго порядка, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстностяхъ евреи живутъ совмѣстно съ караимами; съ удаленіемъ евреевъ городъ падетъ, между тѣмъ правительство должно стремиться къ развитію торговыхъ пунктовъ; Кіевъ же не можетъ служить примѣромъ: помимо того, что при выселеніи евреевъ оттуда могли имѣться въ виду другія причины, а не только сила привилегій, ссылка тѣмъ менѣе основательна, что имѣются города, въ которыхъ евреи свободно проживаютъ, вопреки мѣстнымъ привилегіямъ; вообще, Канкринъ высказалъ свое неудовольствіе „излишней строгостью подобной мѣры и несооб-

¹⁾ См. подробности: Втор. Полн. Собр. Зак., № 3136.

разностью оной съ правилами мудраго и славящагося просвѣщенной терпимостью правительства“.

Къ этому мнѣнію присоединился и сенаторъ Барановъ, извѣстный тѣмъ, что настойчиво требовалъ переселенія евреевъ изъ деревень и селъ въ города, но прочіе сенаторы остались при прежнемъ мнѣніи, вслѣдствіе чего вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ (1830 г.).

Здѣсь всѣ сенаторы, кромѣ одного, стали на сторону Канкринна, и къ ихъ мнѣнію присоединился также министр юстиціи Дашковъ.

Евреямъ слѣдуетъ предоставить доступъ въ Троки—рѣшилъ сенатъ, но для этого необходимо формально отмѣнить привилегіи, и вотъ почему сенатъ постановилъ представить его опредѣленіе на высочайшее утвержденіе.

Однако Высочайшей санкціи не послѣдовало, окончательное же разрѣшеніе вопроса было передано Государственному совѣту (1834 г.) ¹⁾.

Предсѣдателемъ Государственнаго совѣта состоялъ въ то время Новосильцовъ, и это роковое обстоятельство предопредѣлило судьбу трокскихъ евреевъ.

Заявивъ, что «привилегіи, данныя польскими королями евреямъ-караимамъ на исключительное отъ раббинистовъ жителство въ г. Трокахъ, подтверждаются», Госуд. совѣтъ постановилъ (1835 г.), чтобы евреи выселились изъ города въ теченіе года; для лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, срокъ былъ продленъ до пяти лѣтъ; а державшіе откупъ или другія оброчныя статьи могли остаться до истеченія срока контрактовъ ²⁾.

Въ угодѣ 172 караимамъ, жившимъ тогда въ Трокахъ, 192 еврея должны были покинуть насиженное мѣсто.

Постановленіе Госуд. совѣта явилось для евреевъ полной неожиданностью. Они были очень хорошо освѣдомлены о ходѣ дѣла—имъ было извѣстно, что Канкринъ выступилъ на ихъ защиту и что сенаторъ Барановъ присоединился къ его взгляду. И именно благосклонное отношеніе къ нимъ со стороны Канкринна внушало имъ надежду

¹⁾ Архивъ Правит. Сената. Всеподданнѣйшіе доклады Сената.

²⁾ Втор. Полн. Собр. Зак., № 7733.

на успѣшное завершеніе дѣла. Теперь же они узнали, что голоса Новосильцова и кн. Голицына заглушили въ Госуд. совѣтѣ слово Канкринна.

Ища спасенія, евреи обратились съ ходатайствомъ на Высочайшее имя. Простодушно повѣдавъ о томъ, кто изъ административныхъ лицъ и учреждений высказался въ ихъ пользу и кто склонился на сторону караимовъ, они, быть можетъ, не безъ умысла бросили замѣчаніе: „обратясь ко времени, когда привилегіи исходатайствованы, и сравнивъ тогдашнее суевѣріе съ настоящимъ просвѣщеніемъ, можно убѣдиться, что въ то время господствовалъ фанатизмъ и отъ онаго истекали разнообразныя и ни съ чѣмъ не согласныя распоряженія тогдашняго правительства“.

Ссылка караимовъ на опредѣленія еврейскихъ синагогъ—говорили евреивовсеподданнѣйшей запискѣ—не можетъ служить имъ малѣйшею опорою. Они должны были (согласно Литовскаго статута 13 раздѣла, 5 артикула, § 2) обратиться къ тогдашнимъ сеймамъ, объ утвержденіи испрошенныхъ у королей частныхъ привилегій; „но они оставались въ молчаніи и прибѣгли къ синагогамъ, не обладавшимъ ни судебною, ни же законодательною властію и напоминавшимъ единовѣрцамъ своимъ, согласно предъявленнымъ привилегіямъ, одно токмо повиновеніе волѣ Царей, свято и нынѣ исполняемой“. Евреи и теперь соблюдаютъ указанныя привилегіи и постановленія синагогъ: караимамъ отдано въ Трокахъ въ вѣчное владѣніе 10 уволокъ земли—ни одинъ еврей ничего не купилъ изъ этого участка, „ни даже не перешагнулъ въ часть города, ими обитаемую, сохранившую по днесъ названіе свое Старая Караимщизна“; евреи купили у христіанъ участки, остававшіеся пустопорожними послѣ пожара, и здѣсь построили для себя дома.

Пользуясь тѣмъ же оружіемъ, что и караимы, жалобщики не упустили бросить нѣсколько стрѣлъ въ лагерь противниковъ: дома караимовъ, говорили они, представляютъ „одно только безобразіе“; „одобренія, караимами представленныя, что якобы они никогда не состояли подъ судомъ и будто занимаются исключительно однимъ земледѣліемъ, испрошены ими, подобно какъ и привилегіи; ибо если отъ одного отца рождаются дѣти различныхъ нравовъ и обра-

за мыслей, то, при всей малочисленности въ здѣшнемъ краѣ караимовъ, не вѣроподобно, чтобы который изъ нихъ не учинилъ преступленія и не былъ за что либо судимъ,—желая дать такое одобреніе, нужно провѣрить всѣ акты судебныхныхъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ отъ 400 лѣтъ, т. е. отъ того времени, отъ котораго караимы присваиваютъ себѣ привилегіи, но исполнить сіе, вещь слишкомъ трудная и даже невозможная...“.

Отмѣтивъ далѣе, что только незначительная часть караимовъ занята земледѣліемъ, остальные же, подобно евреямъ, обращаются въ торговлѣ и промыслахъ, при чемъ они замѣстили въ деревняхъ и селахъ выселенныхъ оттуда евреевъ-корчмарей, ходатаи писали:

„Собранныя министерствомъ народнаго просвѣщенія свѣдѣнія, не могутъ еще служить основаніемъ къ невыгодному обо всѣхъ евреяхъ-рабинистахъ заключенію. Если, по словамъ Св. Писанія, для двухъ только братьевъ, родившихся отъ первыхъ родителей, былъ міръ не довольно пространенъ и Авель палъ отъ руки Каина, то что же можно сказать о настоящемъ времени. Между всякимъ словіемъ находятся люди и преступные, и честные; первые за вину свою получаютъ наказаніе, или заселяютъ пустыя мѣста Имперіи и наполняютъ даже ряды воиновъ и, слѣдовательно, благоразумное устройство находить пользу свою въ самомъ преступленіи, между тѣмъ какъ честные, имѣя отъ того поученіе, назидаютъ юношество свое благонравными правилами...“

„Разсуждая о пользѣ отечества съ одного и другого племени евреевъ, рабинисты могутъ безъ тщеславія о себѣ сказать, что они собою увеличили въ Россіи классъ купеческій, что при каждомъ торгахъ, на какіе бы то ни было предметы, рабинисты со всею поснѣшностію, соревнуя годамъ казны и не гоняясь за большими выигрышами, стараются, гдѣ нужно, по истинной возможности объявляемыя или уступаемыя цѣны, первыя возвышать, а послѣднія—понижать; рабинисты съ благоговѣніемъ и признательностію приняли сравненіе ихъ съ прочими въ государствѣ состояніями въ отношеніи натуральной рекрутской повинности; съ чѣмъ всѣмъ еврей-караимы не только хвалиться

не могут, но сами еще ходатайствовали объ увольненіи ихъ отъ сего, тогда какъ благороднѣйшее дворянство отъ пріятнѣйшаго долга служить отечеству не уклоняется и каждый охотно жизнь свою охраняетъ родную землю отъ застѣнныхъ враговъ. Караимы не могутъ также похвалиться оказанною приверженностію къ законному Правительству въ 1812 и 1831 гг. подобно рабинистамъ, изъ коихъ многіе буйными толпами возмутителей даже умерщвлены за преданность ихъ къ Царю.

„Неожиданно восторжествовавшіе нынѣ караимы надъ рабинистами стремятся единственно къ тому чтобы завладѣть собственностію рабинистовъ, стоившей имъ долговременныхъ трудовъ. Всѣ прежнія стяжанія ихъ обращены на постройку домовъ, кои нынѣ должны будутъ продать за безцѣнокъ и кому же?—Караимамъ, ибо другихъ жителей въ Трокахъ почти нѣтъ. Отъ чего рабинисты, потерявъ свой кровъ, принуждены съ многочисленными семействами скитаться безъ пріюта, умножить число испрашивающихъ подаеніе и лишить казну дохода, какъ въ податяхъ, такъ и въ другихъ сборахъ и повинностяхъ“.

Государь не оставилъ записки евреевъ безъ вниманія; по поводу нея возникла переписка, но отрицательное отношеніе къ евреямъ со стороны виленскаго генер.-губернатора кн. Долгорукова уже вскорѣ разрушило надежды ходатаевъ—имъ было отказано въ просьбѣ (1835 г.).

Троки были такимъ образомъ присоединены къ тому сравнительно небольшому числу городовъ въ предѣлахъ черты осѣдности, въ которыхъ евреямъ въ то время или вовсе запрещалось жить (Кіевъ, Николаевъ, Севастополь), или же ставились разнообразныя стѣсненія (Ковна, Каменецъ-Подольскъ, Житомиръ, Вильно). И естественно, что когда въ царствованіе Императора Александра II стали падать многія ограниченія, а въ томъ числѣ и тѣ, которыми сковывалось свободное жительство въ нѣкоторыхъ городахъ, не были забыты и Троки.

Въ шумѣ переустройства русской государственной жизни дряхлый голосъ старинныхъ привилегій не могъ быть услышанъ. И когда виленскій генер.-губернаторъ Назимовъ предложилъ правительству отмѣнить запре-

щеніе евреямъ жить въ Трокахъ, караимы не рѣшились выступить съ протестомъ.

Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля 1862 г. положеніемъ Комитета объ устройствѣ евреевъ „евреямъ-раввинистамъ“ было дозволено водворяться и жить въ Трокахъ ¹⁾.

Юлій Гессенъ.

¹⁾ Любопытно отмѣтить, что въ „Сборникъ старинныхъ грамотъ и узаконеній касательно правъ и состояній русско-подданныхъ караимовъ“, составленномъ Фирковичемъ-сыномъ (Спб. 1890), законъ 1835 г. о выделеніи евреевъ изъ Трокъ приведенъ; законъ же 1862 г., отмѣнившій этотъ запретъ, пропущенъ.

Иноязычные заговоры у русских евреевъ въ XVIII и началѣ XIX в.

(По рукописнымъ матеріаламъ).

Евреи, какъ и всѣ другіе народы, съ древнѣйшихъ временъ употребляли всевозможные заговоры противъ болѣзней и всякихъ другихъ житейскихъ бѣдствій. Особенное сильное развитіе получило искусство заговоровъ у евреевъ подъ вліяніемъ каббалы. Въ новѣйшее время въ сѣверо-западной Россіи, на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, въ годы политическихъ смутъ и сильнаго умственного броженія подъ вліяніемъ саббатіанства и хасидизма, это искусство достигло особеннаго расцвѣта. Замѣчательно, что въ эту именно эпоху возрожденія каббалистики появилось у евреевъ немало иноязычныхъ заговоровъ. Заговоры этого рода импонировали массамъ, повидимому, не только общераспространенностью и, слѣдовательно, широкой испытанностью ихъ среди окружающихъ народовъ, но еще той сугубой таинственностью, которую внушала сама непонятность заключающихся въ нихъ словъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ иноязычныхъ заговоровъ мы намѣрены познакомить читателей въ предлагаемой статьѣ.

Использованный нами почти необработанный матеріалъ заимствованъ изъ слѣдующихъ еврейскихъ рукописей:

1) Компендіумъ разныхъ астрологическихъ, каббалистическихъ и символическихъ чертежей съ таинственными священными надписями подъ заглавіемъ ספר חסידים, составленный нѣкимъ Ицхокомъ Лейбовичемъ Каць-Длугачемъ изъ Гродны. Имѣются въ немъ даты ה'תקצ"ג-ה'תקצ"ז, 1793—1797 г. Заключаетъ въ себѣ много образцовъ для амулетовъ, правила ихъ изготовленія, способы употребленія и условные алфавиты, такъ называемый „Mal'ochim-ksaw“, для амулетовъ, чары, заклинанія и заговоры на древне-еврейскомъ, еврейско-нѣмецкомъ, латинскомъ, литовскомъ, польскомъ и русскомъ

языкахъ. Иноязычные заговоры записаны въ еврейской транскрипціи. Рукопись, обнимающая 44 стр. in 4°, составляетъ собственность пишущаго эти строки, и, для краткости, будетъ цитироваться подъ обозначеніемъ М1.

2) Словарь каббалистическихъ именъ Господнихъ, названія ангеловъ, демоновъ и т. п. Начинается съ буквы ם и обрывается на серединѣ буквы ם (18 стр. in 4°). Авторъ этой рукописи и время ея составленія неизвѣстны, но почеркъ, чернила и бумага свидѣлствуютъ о значительной ея древности. То обстоятельство, что эта и слѣдующая рукописи были сшиты вмѣстѣ съ предыдущей, заставляетъ предполагать, что Длугачъ, авторъ М1, пользовался ею, потому надо думать, что авторъ ея—польско-литовскій еврей и писалъ онъ ее не позже середины XVIII в. (М2).

3) Отрывокъ изъ 18 стр. in 4°, относящійся, вѣроятно, къ серединѣ XVIII в. Изъ первой части, аналогичной по содержанію съ рукописью М1, осталась всего одна страница. Со второй страницы начинается лѣчебникъ (ספר רפואות). Неизвѣстный авторъ, писавшій отчасти по древне-еврейски, отчасти на жаргонѣ, пользовался какимъ-то лѣчебникомъ на польскомъ языкѣ, откуда онъ неумѣло и безграмотно скопировалъ нѣкоторыя названія болѣзней. Въ рукописи имѣются рецепты и способы ихъ изготовленія. Рядомъ съ медицинскими средствами помѣщены кое-гдѣ и т. н. „бабьи средства“ и заговоры (М3).

4) Небольшая рукопись in 8°, заключающая въ себѣ 148 номеровъ рецептовъ и иныхъ средствъ, заклинаній, заговоровъ и нашептываній,—копія, сдѣланная въ м. Мирѣ (Минской губ.), съ болѣе древней рукописи, по опредѣленію С. Е. Винера, собственника этой копіи, между 1827 и 1830 г. (W.).

А. Латинскій (?) заговоръ.

Противъ всякой болѣзни (М1) и противъ глистныхъ червей (М3).

Послѣ ряда манипуляцій съ растопленнымъ свинцомъ, выливаемымъ въ тазъ съ „безмолвной водой“ („Still-Was-

ser“) ¹⁾, знахарь или лѣкаръ долженъ сказать сперва по древне-еврейски: „Да будетъ воля небеснаго Отца нашего, чтобы это дѣйствіе послужило полнымъ исцѣленіемъ для N, рожденнаго (—ой) отъ женщины N, рядомъ съ прочими больными Израиля“ (M1,22).

Если это дѣлается противъ глистныхъ червей, то должно сперва сказать по древне-еврейски (во время плавленія свинца): „Именемъ Господа, Бога Израиля, я совершаю это дѣйствіе для N, сына (дочери) N, чтобы это послужило ему (ей) полнымъ исцѣленіемъ, чтобы околѣли всѣ черви, находящіеся въ его (ея) тѣлѣ, и чтобы не вредили ему (ей) ни въ одномъ изъ его (ея) 248 членовъ и ни въ одной изъ его (ея) 365 жилъ“ (M3,72).

А затѣмъ слѣдуетъ таинственный заговоръ: „Ора фора верми карсака (краски M3) верми верми“ ²⁾.

אֶרָא פֶּרָא וְעֶרְמִי קֶרְסָקָא (מֵצָרָא) וְעֶרְמִי וְעֶרְמִי

Послѣ всѣхъ отливаній слѣдуетъ вылить воду въ такое мѣсто, гдѣ люди не проходятъ, такъ какъ опасно ступать на эту воду ногой. А свинецъ надо положить подъ изголовье больного на цѣлыя сутки. Это средство—испытанное. (M1,22).

Если допустить, что этотъ заговоръ латинскій и представляетъ собою искаженіе слѣдующихъ словъ: „Ora! fora vermi, сагаха vermet vermi!“, тогда получается такой смыслъ: „Богиня юности (Ора)! открой отверстіе червю, вычеркни червя червемъ“.

Б. Литовскіе заговоры.

1) Заговоръ противъ ужаленія змѣею человѣка или животнаго

אֵשׁ מֵאֵשׁ נִיץ קֶעֱזוּ (קֶעֱזָע) וְיִזְרִי מִזָּא (מִזָּנָא) וְיִזְרִי מֵאֵשׁ נִיץ קֶעֱזָע מֵ
קִיף מֵאֵשׁ פֶּרְסִימָאשׁ נִוּאִינִיעַ קֶרֶס מִיֵּפֶּמָאשׁ שׁוֹזִינִי מֵאֵשׁ נִוּא וְיִימָעֻם.

¹⁾ „מים שלוקים“ или „Still-Wasser“ называется вода, которая молча зачерпывается изъ колодца или источника или рѣки, и молча же приносится домой и вливается въ посуду. Такая вода обладаетъ, согласно повѣрію, чудодѣйной силой.

²⁾ Еврейская ореографія и пунктуация соблюдены нами въ точности. Транскрипція же русская передаетъ почти вездѣ точную фонетику оригинала.

„Аш тави нье кенцу (кенце)¹⁾ вайкай майно (майна) вайкай тави нье кенце фуй кейп таш путимаш ну вейе кат тейп таш шуцини маш ну вейтем“. (M1,24).

По литовски это будетъ такъ: As tavi ne kenciu vaikai mano (mana) vaikai tavi ne kencia. Fui! Keip tas putimas nuveje, kad(t) teip tas sut(c)iuimas nuveitam. Т. е., я тебя не терплю, дѣти мой, дѣтей твоихъ не терпятъ. Фу! Какъ это дыханіе прошло, пусть такъ эта опухоль проходить.²⁾

2) Заклинательный заговоръ при отливкѣ свинца или воска противъ всякаго несчастья и болѣзни.

Сперва надо изготавить для больного свѣчей, зажечь ихъ и затѣмъ потушить. Передъ зажиганіемъ скажи: (по древне-еврейски): „Я пришелъ зажечь свѣчи и тушить ихъ“. Потомъ скажи слѣдующій заговоръ 3 раза:

מגיע נחלה אישאווי צארים מרימיווי ספאמלקה שיני

(по др.-евр.) „слѣдуетъ (по литовски?) нахло иша ави царис скриптеви спотлко шиней“

מגיע קרייווי אבי שיני מאלאדשיני גיוואדני וועריווי מן פפ"ה ואפ"ה נים

מאלאדשיני מן פפ"ה ת האליב פאנים ווארני פושין

(по др.-евр.) „слѣдуетъ (по русски и литовски?) криви абай шини молодшини гивадни верви отъ N сына (дочери) N³⁾ запа нис молодшини отъ N сына (дочери) N₂) холиб панис водини пушин“.

Потушивъ свѣчи, скажи (по др.-евр.): „Какъ я потушилъ эти свѣчи, такъ пусть тухнетъ у N сына (дочери) N₂) все, что случилось съ нимъ (нею) отъ ѣды-ли, отъ питья-ли“ и т. д.

Второй заговоръ на литовскомъ языкѣ непонятенъ; изъ третьяго-же русскаго получаютъ кое-какія от-

¹⁾ Э. А. Вольтеръ, пр.-доц. СПб. Унив. любезно помогъ разобрать этотъ заговоръ. Въ первой части чувствуется намекъ на библейское ורע ובין ורע ובין האשה (ср. Бытіе III, 15), что говорить за евр. происхождение заговора.

²⁾ Здѣсь въ оригиналѣ поставлены сверху варианты.

³⁾ Упоминается имя больного и его матери.

Что означает первое восклицаніе? Есть ли это собственное имя бѣса, сидящаго въ этой женщинѣ, котораго вызываютъ, или же это—искаженное русское слово „скорѣй“—трудно сказать. Второе же восклицаніе, польское слово „до“ (что), явно имѣетъ цѣлью вызвать любопытство сидящаго въ женщинѣ бѣса и тѣмъ самымъ заставить его покинуть ее.

Г. Русскіе заговоры.

1) Прежде чѣмъ топить воскъ (съ лѣчебной цѣлью).

Слѣдуетъ взять воскъ въ руку, обвести имъ кругомъ головы больного и сказать три раза по русски:

לְעֵצִילָא פֶּאָצְאָלָא פֶּאָסְצִירִים בֶּאֱרָאָם וְאֶסְרָא אִין בִּרְאָלָא אֶה פֶּרְאוּדָא נִיעַ קְאוּלָא לִיּוּדָאָם פֶּאָמָאין דָּא דֶּאוּוּלָא אִין צֶעֱבֶע וְוֹאִילִי וְוֹאִילִי אִין פֶּאָמָאָסִין דָּא כַּפֶּ"ת דֶּאֱבָרִים צֶאֱמָאם לִיאֲחֻקִּים דִּוְחָאָם.

Лѣцило почоло пощиримъ барѣомъ воскъ изъ бѣйрола аѣ правда нѣе казала людзомъ помочъ до давала а я цебе ваули воіоу и помощь до N сына (дочери) N ¹⁾ добрымъ часомъ легкимъ духомъ (M1,24).

По-бѣлорусски это будетъ такъ: ²⁾ Ляцѣла пчала по щирымъ бару, воскъ збирала, а правды не казала, людземъ помочъ додавала, а я цябе выливаю и помощь до N, и пр.

2) Заговоръ при отливаніи воска.

Надо его произносить по русски три раза:

עֶסֶט נָא מֵאֲרִי בְּעֵלִי קֶאֱמִיעַן אֶה נְאֻמִּים קֶאֱמִיעַנִי סְטֵאִין דֹּב אִנָּא מֵאִי דֹבֵי שְׂיָעִים דִּישָׂאט אולֵא אונֵאטִים אולֵא שְׂיָעִים דִּישָׂאט אֵלִיאַנֵט אֶה נְאֻמִּים אֵלִיאַנֵט שְׂיָעִים דִּישָׂאט אֵרְלֵאוּ אֶה נְאֻמִּים אֵרְלֵאוּ שְׂיָעִים דִּישָׂאט אֵרְלֵנֵאט אֶה נְאֻמִּים אֵרְלֵנֵאט שְׂיָעִים דִּישָׂאט פֶּאָדְקֵרִילִיצִי אִין וְאֶקָצָא רֶאוּדִילִי קֶאֱקֶאֱצִי רֶאוּ קֶאֱפֶאֱלִי אורֶאֱצִי אִין דְּמִיָּנֵעַ מֵאִין פֶּוֹטִיָּע וְאֶסְפֶּאֱנִיעַ נִיעַ הָאֲדִנֵּעַ מוֹצִיָּנִיעַ אוּ פֶּאָדִוִּמְנִיעַ אִין פֶּאָהֶאֱלֶאד נִיעַ הָאֲדִנֵּאִין אֶהֱאֲדִי סֶאֱבֶאֱסִי בְּרַעֲשִׁין הָאֲרֶ שְׂצֶאֱקִי אִין שְׂצֶפֶאֱיִין הֵן מֵאִישׁ אוּ מֵאִשָּׁה הֵן מִבְּחֹר הֵן מִתּוֹלָה הֵן מִקְרָנִים וְהֵן מִגְדֻלִּים הֵן מֵאִבּוֹ וְהֵן מֵאִמּוֹ אוּסְמוֹפֶאֱיָשָׁה וְיֵאֵר אורֶאֱצִי קֶנְדִּילִיֹּדִי.

כ"ת ג"פ (=כה תאמר ג' פעמים).

¹⁾ Имя матери.

²⁾ Б. И. Епимахъ-Шипицло, отличный знатокъ бѣлорусскаго нарѣчія, любезно помогъ мнѣ разобрать этотъ и отчасти другіе, помѣщенныя здѣсь, заговоры.

Есть на мори бѣлый камень, аѣ на тымъ камени стаиць дубъ, а на той (=тымъ) дубу семь дисать улѣвъ, а на тымъ улѣвъ семь дисать алянтъ, аѣ на тымъ алянтъ семь дисать орловъ, аѣ на тымъ орловъ семь дисать орлинатъ, аѣ на тымъ орлинатъ семь дисать подкрылицы у закцо разорвали ко-качи (=копачи?) роз копали уроцы и дамье-не (=до мене?) маизпутъе заспонъе не ходнъе мучинъе у подъумнъе и похолъодъ не ход-зяць и нады сабаки брешуць хоръ щѣки из-сцапаецъ (здѣсь вставлены слѣдующія слова по древне-еврейски:) „отъ мужчины ли, отъ женщины ли, отъ парня или отъ дѣвицы, отъ малолѣтнихъ, или взрослыхъ, отъ отца ли, или отъ матери“ уступоише вы уроцы квидиліоди.

Такъ скажи три раза. (MI, 24)

Запись этого заговора, такъ и предыдущаго, помѣчена датой: „среда, отдѣль „Хаіе Сора“ 555 г.“ (Окт. 1795 г.). Сначала ясное содержаніе заговора къ концу становится темнымъ.

Аналогичное начало находимъ въ послѣдней части русскаго заговора противъ колдуновъ, сообщеннаго Н. А. Калачовымъ по рукописи XVIII в. (Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. II, отд. VI, стр. 53). Приводимъ подлинный текстъ: „На окіянѣ-морѣ стоитъ островъ, на томъ острову тридевять деревъ, на тѣхъ древахъ по тридевять гнѣздъ, а на тѣхъ гнѣздахъ по тридевять птицъ, и какъ птицы обрадуютца красному солнышку, такъ и я рабъ Божій (имя)—обрадуютца рабы и рабыни, князья и бояре“. Морскія фантастическія картины приводятся также въ такъ называемыхъ „приворотныхъ“ заговорахъ: I. „На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ младъ младенецъ, тоскуетъ, мечется о матерни груди: такъ-же бы тосковала, горевала раба (имя) обо мнѣ рабѣ (имя). Какъ раба (имя) хлѣбъ-соль любитъ, такъ-же бы она любила меня раба (имя) отнынѣ и во вѣки“. II. „Пойду я на море на окіянѣ. На морѣ на окіянѣ стоитъ баня, въ банѣ доска, подъ доскою тоска: бросься тоска въ рабу (имя), чтобы она отрелася отъ всего роду-племени, отъ отца и матери, и думала бы обо мнѣ рабѣ (имя)

отвѣчаетъ три раза слѣдующее: Нихай и минѣ ни болиць! (W, № 86).

5) Заговоръ для предупрежденія несчастья со скотиной или съ лошадыю, оставшейся на ночь въ полѣ.

יא רבי באוע וואס פאלאוויק אי שערדיק אי שיוויק אי פאדראשיק אי ביעליק הארדיק
וואקאוויק אי וואציצי אי וואצינאמי אי וואש אי וואשעמו קארליק ואמעקאני וואס
זובי אי קובי אי שצאקי און פאדשצאקי אי וילי אי פאדוילי אי וואצי וואס נאקרוואני אי
וואשעמו קראלו אי צארעם הוונדס איז אושימי אנדילאמי שטאבי ווי נאומיעלי גיארק
פאטרעבי דא מאי שקציני פ' במראה פ' שטאבי וואשעני יעדועני אי פיצעני בילא
אידוע הנילאק קאלאדע לאויס.

Я роби Боже васъ полевыхъ, и сѣрыхъ, и сивыхъ, и подляшихъ, и бѣлыхъ хорлыхъ воуковыхъ и воучицы, и воучиняты, и васъ и вашему каралю замыкаю вамъ зубы, и губы, и щѣки, и подщѣки, и жилы, и поджилы, и вочи (=очи) вамъ накрываю и вашему каралю, и царемъ Давидомъ изъ (=и) усими (=всѣми) аннилами, штобы вы ни умѣли (=имѣли) ни яки потребы до мо(е)й скоцины (такой-то и въ видѣ такомъ-то), штобы вашей ѣдzenie и пиение было идзѣ ннилая ка-лода лажитѣ.

Если это для лошади, то пусть заговаривающій подложить узду или обручъ (?) подъ опрокинутый горшокъ, если же это для коровы, то ключъ отъ замка пусть покроетъ горшкомъ. Когда произнесетъ заговоръ, пусть держится рукою за желѣзо, вбитое въ стѣну хлѣва или конюшни. (W, № 102). Здѣсь послѣ слова „аннилами“ вѣроятно пропущены слова „заклинаю васъ“.

6) Заговоръ противъ вывиха.

יא שלאוואמן באך פאמאצי איי ווויך איי ווויך ני בודו ליק קאשצי גילאמי אי ולי
ני צאהני ווואמע ני נודוי יעכו צד דוויד נאקאני קאק שפאמיקנו אלא איש איש מאווא
— פאוויחנו שושמאוא שושמווע שטאן נאשקאום דאמו. — ג"פ יאמר בן, וירוק ג"פ.

Я славами: Бохъ помочи. Эйзвихъ, эйзвихъ! ни будзь лихъ, косци ни лами, и жилы ни цяһни, живота ни нудзи. Ъхавъ

царь Давидъ на кони, какъ спотыкнуваса и сустава повихнувъ¹⁾. Суставе, суставе! стань на своимъ дому! Три раза пусть это скажетъ, и три раза пусть плюнетъ. (W, № 108).

Вариантъ этого заговора отъ вывиха у лошади имѣется въ вып. V Бѣлорусскаго Сборника Е. Р. Романова, заговоры, апокрифы и духовные стихи (стр. 70, № 101). Записанъ въ с. Ульяновкѣ, Сѣненскаго уѣзда Могил. губ.: „звихъ звихъ, ня будзь лихъ, жилы не цягни, косьци ни лами! Ъхавъ царь Давидъ на вороныхъ коняхъ, конь спыткнувся, звихъ звихнувся; конь уставъ, звихъ на мѣсьци ставъ, на мѣсьци на стану, у своимъ дому“.

7) Заговоръ противъ ужаленія змѣей.

דובאווע אלחאווע אי אימחאוואי אי דובאוואי אי קאלאדנאי מעייעאוואי אי
פאלאווע אי ואפצעניע אי ואפליצענץ יא וואס ואמולאיו אי ווירלנאיו אי וויענאם
אדאם וויפראיו אי וילענאם הרב'אנקיי ווידוורויו ואביריימישי שוואי ד.—כן יאמר ג"פ

Духовые альховые, и мховая, и луховая, и калодная меезовая (=змѣвая?), и полевая, и запиценія, и заплиценіе! я васъ замумвляю и выклинаю и вѣчнымъ аһнѣмъ выпикаю, изъ (=и) желѣзнымъ (=—ой) бребѣнкой выдзурваю. Забирайтце свой ядъ! Такъ пусть скажетъ три раза. (W, № 109).

8) Емарей Емаревичъ.

ימראה ימרעוויץ (М. 1, 39.) . ימראה מרעוויץ (М 1, 23, 43, 44) . מראה מראוויץ
(II, 1) . מארא מארעוויץ (II, 3)

Это имя съ русскимъ окончаніемъ отчества находится во многихъ еврейскихъ амулетахъ, какъ названіе для incubus'a. Какъ видно изъ амулетныхъ текстовъ, этотъ „нечистый“ является во снѣ къ женщинамъ въ образѣ ея мужа, или чужого мужчины, или же въ видѣ „порица“ (помѣщика, или богатаго обывателя христіанина), или „галеха“ (христіанскаго духовнаго лица), или же просто нееврея, и имѣетъ съ нею супружескія сношенія. Оче-

¹⁾ Ср. подобный, отчасти, заговоръ въ Евр. Стар. 1909 I, 79. *Ред.*

видно, вѣшность его мѣняется соотвѣтственно тому, въ образѣ кого онъ является къ женщинѣ. Однако, предполагается, что по природѣ своей онъ съ длинной бородой. Это видно изъ другой рукописи ¹⁾, заключающей заклинаніе противъ ночной поллюціи у женщинѣ. Женщина, у которой былъ такой случай, мочится на сухой вѣникъ, суетъ его въ отверстіе печной трубы и приговариваетъ: „не на вѣникъ я мочилась, а на твоей бородѣ Мара Маревичъ“!

Что это за имя, и откуда оно явилось у литовскихъ евреевъ XVIII в., какъ эмблема *incubus'a*? Правда, оно напоминаетъ библейскаго Эмора (אֶמֹרַי), сынъ котораго Сихемъ, насилуялъ Дину, дочь патріарха Іакова (ср. Бытіе XXXIV, 2 и дальше); напоминаетъ также имя древняго народа въ Ханаанѣ, Амореявъ (אִמֹרִי ср. *ibid* X, 16), славившихся своими колдовствами и безсердечностью (Ср. Талм. Вавил. Шаббатъ 67а, Хуллинъ 77а, и др. דְּרָבִי הָאִמֹרִי „обычай аморейскіе“, и Мидрашъ рабба на Бытіе, отд. 41; אֶמֹרַי בְּעַמּוּנָא שֶׁרַח מֵאִמֹרַי „Среди народовъ нѣтъ болѣе жестокихъ, чѣмъ амореи. Когда человѣкъ выказываетъ жестокость, его называютъ амореяемъ“). Но въ такомъ случаѣ, почему-же это имя пишется въ еврейскихъ амулетахъ по русской фонетикѣ, а не такъ, какъ упомянутыя имена произносятся по еврейски въ библейскомъ текстѣ („Хаморъ“ и „Эмори“), и почему отчество пишется съ русскимъ окончаніемъ? Эти соображенія заставляютъ предположить, что это имя не еврейскаго происхожденія, а занесено къ евреямъ славянами ²⁾.

Д. Нѣмецкій заговоръ.

Средство для любви.

Пойди къ водѣ, нагни къ ней лицо и глянь. Возьми и помой этой водою лицо и руки и скажи:

¹⁾ Приложение къ упомянутымъ выше первымъ тремъ рукописямъ. Это—копія, сдѣланная въ Вильнѣ въ 30-хъ—40-хъ годахъ XIX столѣтія съ болѣе древней рукописи. Цитируемъ подъ знакомъ П.

²⁾ Роль *incubus'a* въ славянской мифологіи играетъ домовый, который, какъ предокъ хозяина дома, именуется по отчеству.

אז ווי דאש וואָשר זעהן וואַלקן און די וואַלקן זעהן דאש וואָשר הן יום ויהן
לילה, אזוי כל העולם זאלן אופ' מיר לוסט האַבן צו זעהן און ווי די וואַלקן ציט
זיך אזוי זאל זיך ציהן דאם האַרץ פון פבפ"ת צו מיר.

(A)so wi(e) dos Wasser sehen (=sieht) Wol-
ken, un' di(e) Wolken (sehen dos Wasser) (здѣсь 4
слова по др.-евр.: „и днемъ и ночью“), (a)so (опять
по др.-евр. 2 слова: весь міръ“) sollen auf mich
Lust hoben zu sehein, un' wi(e) di(e) Wolke-
zieht sich, (a)so soll sich ziehen dos Harz von
N (имя и имя матери) zu mir. (MI, 29), (переводъ:) Какъ
вода видитъ облака, и облака видятъ воду днемъ и
ночью, такъ пусть весь міръ имѣетъ желаніе видѣть меня.
И какъ облако тянется, такъ пусть тянется сердце N ко мнѣ.

Кто авторъ всѣхъ этихъ многоязычныхъ заговоровъ—
евреи, или другіе народы, ихъ окружавшіе, трудно сказать.
Относительно нѣмецкаго и перваго литовскаго нѣтъ сомнѣ-
нія, что они составлены евреями. Всѣ образы въ нихъ на-
поминаютъ библейскія метафоры. Точно также нѣтъ сомнѣ-
нія, въ томъ, что авторъ латинскаго заговора—нееврей.
Что касается другихъ литовскихъ, польскихъ и русскихъ
заговоровъ, то возможно допустить и еврейское и нееврей-
ское авторство, такъ какъ уже давно было доказано, что въ
сѣверо-западномъ краѣ еще съ XVI в. евреи владѣли мѣст-
ными языками литовцевъ, поляковъ и бѣлоруссовъ. Быть
можетъ, это коллективное творчество и евреевъ и неевреевъ.

Д. Маггидъ.

Авраамъ Яковлевичъ Гаркави.

Нъ пятидесятилѣтнему юбилею его научно-литературной² дѣятельности.

А. Я. Гаркави родился 17 октября 1835 г. въ Новогрудкѣ, Минской губ. Первыми учителями его были отецъ—раби Яковъ Гаркави, впослѣдствіи рошъ-іешиба въ Іерусалимѣ, и его старшій сынъ Гершонъ Гаркави, а также дѣдушка по матери Натанъ Вайсбремъ. По окончаніи виленскаго раввинскаго училища (1863 г.), А. Я. поступилъ на восточный факультетъ Импер. С.-Петербургскаго Университета, который окончилъ въ 1867 г. со степенью кандидата. Въ 1868 г. А. Я. за сочиненіе „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“ былъ удостоенъ магистерской степени и въ томъ же году онъ получилъ заграничную командировку. Въ Берлинѣ онъ занимался египтологіей подъ руководствомъ Лепсіуса и Дюмхена, а въ Парижѣ—ассиріологіей у знаменитаго семитолога Жюля Опперта. По своемъ возвращеніи А. Я. занялъ, въ качествѣ приватъ-доцента, кафедру исторіи древняго Востока, которую онъ, однако, былъ вынужденъ покинуть ¹⁾. Въ 1872 г. онъ получилъ степень доктора исторіи Востока за сочиненіе „О первоначальномъ обиталищѣ Семитовъ, Индоевропейцевъ и Хамитовъ“. Въ 1876 г. А. Я. занялъ должность библіотекаря въ Импер. С.-Петербургской Библіотекѣ по еврейскому, арамейскому, самаританскому и еврейско-арабскому отдѣламъ.

Полувѣковая научная дѣятельность А. Я. доставила ему европейскую извѣстность семитолога. Не менѣе значительны его заслуги предъ еврейской исторіографіей: онъ является первымъ изслѣдователемъ древняго періода колонизаціи и

¹⁾ Изъ его лекцій напечатано лишь сочиненіе „Объ историческомъ значеніи надписи моавитскаго царя Меши“, СПб., 1871 г.

культуры евреевъ въ Россіи и Польшѣ, онъ первый поставилъ исторію караимства на научную высоту и примѣнилъ строго-критическій методъ къ изслѣдованію исторіи гаонейско-арабскаго періода. Въ 1880 г. А. Я. Гаркави представилъ Обществу Распространенія Просвѣщенія между евреями записку, въ которой, излагая свои воззрѣнія на методы созиданія исторіографіи евреевъ въ Россіи, ходатайствовалъ объ оказаніи пособія и назначеніи премій для изданія документовъ и матеріаловъ, извлеченныхъ преимущественно изъ архивовъ. Результатомъ этой записки было изданіе „Русско-еврейскаго архива“ С. А. Бершадскаго и другихъ трудовъ, способствовавшихъ развитію историческаго самосознанія среди русскихъ евреевъ.

I.

А. Гаркави во многомъ проложилъ новые пути, выдвинулъ впервые цѣлый рядъ историческихъ проблемъ и заново освѣтилъ вопросы, поставленные до него. Его труды проникнуты строго-научными и отчетливыми критическими приѣмами. А. Я. принадлежитъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ синтетическія, широко обобщающія работы въ области еврейской исторіи пока преждевременными. Аналитикъ по преимуществу, онъ признаетъ лишь работу по строго провѣреннымъ даннымъ. Методъ исторической интуиціи имѣетъ для него лишь значеніе предварительной стадіи, позволяющей коснуться новыхъ сторонъ вопроса, которыя, однако, нуждаются въ строго провѣренныхъ доказательствахъ. Такое соединеніе критическаго анализа, осторожности въ выводахъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ содержаніе и характеръ древнихъ памятниковъ и текстовъ дало во многихъ случаяхъ плодотворные результаты. Если въ началѣ своей научной дѣятельности А. Я. въ осторожной формѣ высказалъ нѣкоторыя гипотезы, отъ которыхъ онъ въ послѣдствіи отказался, то въ послѣдствіи, стремясь примѣнить къ еврейской исторіи методы научной исторіографіи, онъ сталъ признавать только факты и выводы изъ фактовъ.

По содержанию труды ¹⁾ А. Я. Гаркави можно раздѣлить на слѣдующія группы: исторія евреевъ въ Россіи, Польшѣ и Литвѣ; еврейская эпиграфика; исторія еврейскихъ сектъ: гаонейско-арабскій періодъ; исторія древняго Востока.

Первые шаги А. Я. Гаркави въ научной области совпали съ переворотомъ, произведеннымъ эпиграфическими находками въ области исторіи древняго Востока и исторіи караимства. Въ это же время въ русской исторіографіи обозначилось стремленіе къ изученію доисторическихъ судебъ Россіи. По исторіи русско-польскихъ евреевъ тогда почти ничего не было,—существовало одно лишь изслѣдованіе С. Фина (при близкомъ участіи Г. Н. Маггида-Штейншнейдера) о виленьской общинѣ. Другія немногочисленныя работы носили недостаточно серьезный характеръ ²⁾.

Статьи А. Я. по исторіи евреевъ въ Россіи подъ общимъ заглавіемъ „לקטים אחדים מקורות בני ישראל בארץ רוסיא“, въ „Гакармелѣ“ (т.т. IV и V) и послѣдовавшія за ними подобныя же статьи подъ заглавіемъ „הרישות וחקירות בנוגע לקורות ישראל בארץ רוסיא“, (тамъ же, VI и VII, „Гамелицъ“ 1867—68), основанныя на тщательномъ изученіи и строгомъ анализѣ еврейскихъ классическихъ и славянскихъ источниковъ, пролили свѣтъ на древнѣйшую исторію евреевъ Польши, Литвы и Россіи. Эти работы почти полностью сохранили свое значеніе до сихъ поръ. Къ этому роду сочиненій должны быть отнесены: „גלות כנען וערף ליטא“ объ изгнаніи изъ Кіева 1495 г. и литовскомъ изгнаніи (въ „Chadaschim Gam-Ieschanim“ I, 1—II, Hamizra, 1886), каковой фактъ впервые приведенъ имъ на основаніи свидѣтельствъ Д. Лехно, р. Моисея б. Якова, (ר' משה הגולה) въ началѣ его сочиненія „שושן סודות“, И. Абрабанеля, Ибнъ-Верги, К. Афендопуло и др. ³⁾. Сочиненіе דברי הימים לועד הארצות בפולין

¹⁾ Почти полный перечень сочиненій А. Я. Гаркави составленъ Д. Маггидомъ и напечатанъ (съ дополненіями С. Познанскаго) подъ заглавіемъ „Bibliographie der Schriften und Aufsätze A. Harkavy's“ въ „Festschrift zum 70. Geburtstage A. Harkavy's“ СПб., 1909.

²⁾ Ср. С. Бершадскій. Опытъ новой постановки нѣкоторыхъ вопросовъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ, Евр. Библ. VII. 1879.

³⁾ Ср. С. А. Бершадскій. Въ Изгнаніи, Воех. 1892.

(въ приложеніи къ VII тому еврейскаго перевода Греца; на русскомъ языкѣ напечатано подъ заглавіемъ „Историческій очеркъ синода четырехъ странъ“ въ „Восходѣ“ 1884), возбуждавшее оживленную полемику въ литературѣ ¹⁾, является основной работой по этому вопросу; въ немъ собраны данныя изъ еврейскихъ и польскихъ источниковъ, печатныхъ и архивныхъ, съ 1514 по 1614 г. Цѣнные матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ имѣются также въ серіи статей подъ общимъ заглавіемъ „Measeph Nidachim“, появившихся въ „Гамелицѣ“ за 1878—79 г.г. Здѣсь впервые опубликованъ документъ о назначеніи (1514) Михеля изъ Брестъ-Литовска Prefectus Iudaeorum, чѣмъ были опровергнуты невѣрные свѣдѣнія Фина, Краусгара и др., повторившихъ мнѣніе Чацкаго, будто Михель былъ назначенъ въ 1506 г. главнымъ раввиномъ литовскихъ евреевъ.

Вопросу о взаимоотношеніяхъ между еврейской и славянской культурами посвящены, кромѣ статей въ вышеупомянутыхъ серіяхъ, слѣдующіе труды: „Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси“, СПб., 1865 (еврейское изданіе, Вильна, 1867, и примѣчанія къ нему въ „Гамелицѣ“, 1873, 15); „Русь и русское въ средне-вѣковой еврейской литературѣ“ („Восходъ“, 1881—1882 г.г. и отдѣльно; на еврейскомъ языкѣ въ „Гакармелѣ“ за 1873 г.); „Слѣды знакомства съ еврейскими языками въ древней русской письменности“ („Евр. Обзорѣніе“, 1884, 1); „Изъ исторіи культуры русскихъ евреевъ“—трудъ, весьма важный для исторіи еврейскихъ типографій въ Россіи.

Выдающееся значеніе имѣютъ труды А. Я. по исторіи Хазарскаго царства: „Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ“, 1874 г.; „Сообщеніе о хазарахъ“ (Евр. Библіотека, VII—VIII) „Jüdisch-chazarische Analecten“ въ „Jüdische Zeitschrift“ Гейгера III и др. Въ связи съ этимъ А. Я. опубликовалъ цѣнный сводъ данныхъ, имѣющихся у восточныхъ писателей о славянахъ: „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“ (1871).

¹⁾ Ср. X. Н. Дембицеръ מכתבי בקרת въ „Ozar ha Sifrut“, IV, 1892, ср. его же כלילת זפי; С. М. Дубновъ מועד ארבע ארצות בזולין въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Соколова и его статья Council of four lands въ Jewish Encyclopedia (переводъ съ дополненіями въ Евр. Энц. V).

II.

Крупная заслуга А. Я. заключается въ обнаруженіи и установленіи подложности надгробныхъ надписей и документовъ изъ знаменитой коллекціи Фирковича, приобрѣтенной Импер. Публичной Библіотекой. Уже въ послѣдней четверти XVIII в. еврейскіе надгробные камни въ Крыму обратили на себя вниманіе путешественниковъ своей колоссальностью и своеобразнымъ характеромъ ¹⁾. Ни евреи, ни караимы не понимали ихъ важности ²⁾. Одинъ лишь А. Фирковичъ, караимскій писатель и коллекціонеръ, собралъ много рукописей,—особенно во время своего путешествія по Востоку (1830—31 г.г.). Кромѣ непосредственно антикварной цѣли, имъ руководило при этомъ желаніе возвеличить свой народъ и доказать, что караимы являются древнѣйшими обитателями Крымскаго полуострова (задолго до Р. Х.). Слѣды древняго поселенія караимовъ онъ пытался найти въ рукописяхъ, надгробныхъ камняхъ и припискахъ на свиткахъ. Въ 1839 г. ³⁾ новоросс. ген.-губернаторъ князь Воронцовъ поручилъ таврическому губернатору Муромцеву предложить караимамъ отвѣтить на вопросы Одесскаго Археологическаго Общества относительно происхожденія караимовъ, ихъ исторіи въ Крыму и т. д. А. Фирковичъ получилъ командировку для собранія древностей и памятниковъ по исторіи караимовъ. Плодомъ его перваго путешествія явилась богатая коллекція надгробныхъ надписей, документовъ и рукописей, хранящаяся нынѣ въ Импер. Публичной Библіотекѣ. Такъ какъ документы, касающіеся крымскихъ караимовъ, оказались въ небольшомъ числѣ и, сверхъ того, позднѣйшаго происхожденія, то А. Фирковичъ сдѣлалъ измѣненія и вставки въ именахъ и датахъ, а многія надписи и приписки были имъ самимъ составлены. Открытія Фирковича обратили на себя серьезное вниманіе

¹⁾ Pallas „Bemerkungen auf einer Reise etc.—СПб. 1801. Кенпентъ, Крымскій сборникъ, 1837.

²⁾ См. введение къ „אגרת נדחי שמואל“ СПб., 1894 г., стр. 11.

³⁾ А. Фирковичъ, „אבני זכרון“, Вильна, 1872 г.; Д. А. Хвольсонъ. Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей въ „Сборникъ статей по евр. исторіи и литер.“, I; также отдѣльно, СПб., 1866; id., Сборникъ евр. надписей, СПб. 1884. А. Harkavy, Altjüdische Denkmäler etc., 1876.

ученаго міра, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. С. Л. Рапопортъ (ר"ש) возбудилъ въ 1841 г. вопросъ о подлинности одной надписи, сдѣлавшейся ему случайно извѣстной (въ „Kerem Chemed“, V, письмо 17, стр. 197 и сл.). Съ этого времени до появленія трудовъ А. Я. Гаркави никто не выражалъ болѣе сомнѣнія въ ихъ подлинности. Такимъ образомъ, крымскіе караимы были объявлены древнѣйшими обитателями полуострова, начиная съ эпохи персидскихъ царей Кира и Камбиза, даровавшихъ имъ крѣпость Чуфуть-Кале, якобы, за помощь, оказанную ими въ борьбѣ со скинами. Они были объявлены потомками десяти колѣнъ, въ доказательство чего приводилась пресловутая эра „нашего изгнанія“ „לגלותנו“, встрѣчающаяся въ надгробныхъ памятникахъ, нигдѣ до тѣхъ поръ не извѣстная (696 г. до Р. Х.). Въ Россіи особенно ратовалъ за подлинность документовъ Фирковича Д. А. Хвольсонъ, рекомендовавшій Импер. Публичной Библиотекѣ приобрести его коллекцію. На основаніи этихъ надписей имъ были построены различныя гипотезы, касающіяся исторіи Крыма, хазаровъ и караимовъ, установленія библейскаго текста, исторіи христіанства, историческаго развитія евр. палеографіи и т. д. Эра „לגלותנו“ была признана имъ основной датой для твердаго установленія, какъ библейской, такъ и египетской и ассиро-вавилонской хронологіи и т. д.

Капитальные труды А. Я. Гаркави, доказавшіе на основаніи неопровержимыхъ доводовъ историко-географическаго и филологическаго характера поддѣлки А. Фирковича („Katalog der hebräischen Bibelhandschriften d. Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek“ I—II, 1875 и послѣдовавшій за нимъ „Altjüdische Denkmäler aus der Krim mitgetheilt von A. Firkowitsch und geprüft von A. Harkavy“ въ „Mémoires de l'Acad. Imperiale des sciences“, 1876), привели нѣкоторыхъ ученыхъ даже къ отрицанію всякаго научнаго значенія за этой богатѣйшей въ Европѣ коллекціей еврейскихъ и самаритянскихъ рукописей. Появившееся въ отвѣтъ (на разоблаченія А. Гаркави объемистое сочиненіе Д. А. Хвольсона, подъ заглавіемъ „Сборникъ еврейскихъ надписей“, содержащій надгробныя надписи изъ Крыма и надгробныя надписи изъ иныхъ мѣстъ“ (СПБ. 1884 г.; есть и нѣмецкое изданіе), еще болѣе способствовало отрицательному

отношенію къ матеріаламъ Фирковича. Съ этого времени дѣятельность А. Я., направленная къ парализованію отношенія къ этимъ документамъ, несогласнаго съ истиннымъ методомъ научной критики, и къ установленію болѣе правильныхъ воззрѣній на главныя явленія гаонейско-арабскаго періода, сосредоточивается въ изданіи многочисленныхъ рукописей изъ этой коллекціи. Труды его въ области гаонейско-арабскаго періода и по исторіи еврейскихъ сектъ, подъ общимъ заглавіемъ „*Studien und Mittheilungen aus d. Kaiserl. Oeffentl. Bibliothek*“, 1879—1903, и многочисленные статьи и замѣтки, разсѣянные по разнымъ журналамъ и сборникамъ (въ особенности его примѣчанія къ исторіи Гретца т.т. V—VI) и многочисленные сочиненія и статьи по исторіи сектанства и караимства имѣютъ большое значеніе при изученіи этого мало изслѣдованнаго періода.

Нынѣ А. Я. продолжаетъ работать надъ составленіемъ каталога еврейскихъ рукописей Импер. Публичной Библиотеки. Слѣдуетъ упомянуть также о трудахъ А. Я. по исторіи древняго Востока: „*Les mots egyptiens de la Bible*“ въ „*Journal Asiat.*“ 1870; „*Essai sur les mots assyriens de la Saint Ecriture*“ въ „*Revue Israélite*“, 1870; מִשְׁע מֶלֶךְ מֹאבъ въ „*הלבנון*“, 1870; „О первоначальномъ обиталищѣ семитовъ, индоевропейцевъ и хамитовъ“ въ „Трудахъ Восточнаго Отдѣла Русскаго Археологическаго Общества“, XVI, 341—477 и др.

Дѣятельность А. Я. Гаркави особенно плодотворна въ области еврейской исторіи и археологіи. Здоровыя начала научной критики, положенныя А. Я. Гаркави и славной плеядой нашихъ оріенталистовъ въ своихъ трудахъ, способствовали развитію еврейской исторіографіи. Ученый міръ, высоко цѣня научныя заслуги А. Я. Гаркави, ознаменовалъ его семидесятилѣтній юбилей изданіемъ въ честь его научнаго сборника, подъ заглавіемъ „זכרון לאברהם אליהו הרמב״ם.“

И. Берлинъ.

Давидъ Лехно.

Русско-еврейская историографія, удѣляетъ, къ сожалѣнію, сравнительно мало мѣста исторіи евреевъ въ Крыму. Благодаря «открытіямъ» А. Фирковича, эта область стала успѣшно разрабатываться въ 60 и 70-тыхъ годахъ XIX вѣка, когда она нашла изслѣдователей въ лицѣ проф. Д. А. Хвольсона А. Я. Гаркави, акад. Куника и др. Но такъ какъ нѣкоторыя изслѣдованія и сообщенія были помѣщены въ малодоступныхъ и даже среди ученыхъ малораспространенныхъ изданіяхъ, то они сравнительно слабо способствовали дальнѣйшей разработкѣ исторіи евреевъ въ Крыму. Любопытно отмѣтить, что о сочиненіи Давида Лехно „Дибаръ Сефатаимъ“ (דבר שפתים) даже такой извѣстный ориенталистъ и знатокъ еврейской литературы, какъ академикъ П. К. Коковцовъ, въ своемъ описаніи ¹⁾ нѣсколькихъ рукописей, приобрѣтенныхъ въ 1904 г. Императорской Академіей Наукъ, говоритъ по поводу „דבר שפתים“: „Liber „Verbum labizrum“ auctore David ben Eliezer Lechno (saec. XVIII). Opus ut videtur hactenus ignotum“.

Давидъ бенъ-Эліэзеръ Лехно, жившій въ Карасубазарѣ—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ еврейскихъ ученыхъ въ Крыму конца XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка (умеръ въ 1735 году).

Прозвище Лехно или Ляхно (לחנו или לבנו) означаетъ, по-татарски, Полякъ, Ляхъ, и указываетъ на происхожденіе Давида, или его предковъ, изъ Польши.

Изъ произведеній Давида Лехно до насъ дошли:

1) Предисловіе къ извѣстному молитвеннику — „Махзо-

¹⁾ Notitia codicum hebraicorum a Museo Asiatico Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae anno 1904 acquisitorum. Confecit P. Kokowzow. St. Petersbourg. 1905 г. 12 стр. (Извѣст. Императорской Акад. Наукъ, 1905, V Серія, Т. XXIII).

ру“¹⁾ крымскихъ евреевъ, извѣстному подъ названіемъ *ספר מחזור מנהל* („Махзоръ согласно ритуала Кафы“)²⁾. Въ этомъ „Предисловіи“ содержатся въ высшей степени интересныя данныя по исторіи поселенія евреевъ въ Крыму, объясняющія причины, вызвавшія необходимость составленія особаго молитвенника для крымскихъ евреевъ. „Предисловіе“ сохранилось въ рукописномъ молитвенникѣ³⁾ „Махзора ритуала Кафы“, редактированномъ и собственноручно переписанномъ и частью дополненномъ Давидомъ Лехно въ 1723—1725 г. Эта рукопись хранится въ синагогѣ евреевъ-крымчаковъ въ Карасубазарѣ и по этой рукописи „Предисловіе“ было напечатано три раза: впервые С. И. Финомъ (*הכרמל*, годъ II-ой 1862 стр. 344), А. Я. Гаркави („*Altjüdische Denkmäler aus der Krim*“ СПб. 1876 г. стр. 230—232) и Э. Дейнардомъ (*משא קרים*; Варшава, 1878 г., стр. 147—149). Достоверность историческихъ данныхъ „Предисловія“ подверглась критикѣ со стороны А. Фирковича⁴⁾, но она же нашла своего защитника въ лицѣ Э. Дейнарда⁵⁾. Эта полемика въ научномъ отношеніи не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и очень жаль, что А. Я. Гаркави не далъ объясненныхъ⁶⁾ разъясненій къ этому важному документу.

2) Грамматическое сочиненіе *ספר משכן דוד*, дошедшее до насъ въ рукописи, хранящейся въ Импер. Публичной Библиотекѣ. Это объемистое сочиненіе, свидѣтельствующее о значительной эрудиціи автора, состоитъ изъ двухъ частей: первая представляетъ собою толкованіе трехбуквенныхъ

¹⁾ См. мое изслѣдованіе *ספר מחזור מנהל* *על אדות על מחזור* въ юбилейномъ сборникѣ въ честь А. Я. Гаркави (вышло отдѣльно).

²⁾ Кафа—татарское названіе г. Феодосіи.

³⁾ Молитвенникъ „Махзоръ ритуала Кафы“ имѣется еще въ двухъ рукописяхъ, которыя обѣ хранятся въ С.-Петербургѣ: одна въ коллекціи А. А. Кауфмана въ библиотекѣ О-ва Просвѣщенія, другая (составленная изъ разныхъ фрагментовъ)—въ Азіатскомъ Музеѣ при Импер. Академіи Наукъ. Но въ обѣихъ этихъ рукописяхъ не сохранилось „Предисловія“ Давида Лехно.

⁴⁾ *הכרמל* 1862 (II-й годъ) №№ 42, 47 и 50).

⁵⁾ *משא קרים* стр. 150—154.

⁶⁾ А. Harkavy, „*Altjüdische Denkmäler aus der Krim*“ стр. 232. „*Erläuterungen zu den hier enthaltenen historischen Nachrichten hoffe ich in einer besondern Abhandlung über die Geschichte der rabbinischen und karäischen Juden in der Krim und in Süd-Russland zu geben*“.

корней еврейскаго языка, въ видѣ словаря, а вторая—объясненіе синонимовъ еврейскаго языка. Изъ этого сочиненія (написано въ 1731 г.) предисловіе напечатано С. И. Финомъ (הברמל, III годъ № 15 стр. 117—118) и перепечатано Э. Дейнардомъ (משע קרים, стр. 190—192).

3) Сочиненіе דבר שפתים „Дебаръ Сефатаимъ“,—исторія Крымскаго Ханства за пятьдесятъ лѣтъ (1681—1731). Авторъ даетъ описаніе историческихъ событій, главнымъ образомъ, на основаніи разсказовъ своихъ мусульманскихъ соотечественниковъ. Отсюда и названіе сочиненія „Дебаръ Сефатаимъ“—„Устное Слово“. Сочиненіе состоитъ изъ 53-хъ главъ. Изъ него были напечатаны въ русскомъ переводѣ Ильей Финкелемъ въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ (томъ II-ой отдѣленіе 2-е и 3-е, Одесса 1850 г. стр. 693—704) главы: IX, ¹⁾ X, XIII, XVII и XXIII, причемъ И. Финкель въ примѣчаніи старался доказать, что Давидъ Лехно не караимъ, а раббанитъ, что въ настоящее время уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Изъ этого же сочиненія А. Я. Гаркави, пользовавшійся всѣми въ то время извѣстными рукописями „Дебаръ Сефатаимъ“, (а именно: двумя почти полными списками, хранящимися въ собраніи Импер. Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ, отрывкомъ, хранящимся въ Импер. Публичной Библіотекѣ и копіей, сдѣланной путешественникомъ Іудой Чернымъ съ сокращеннаго списка сочиненія), напечаталъ въ Отчетѣ Импер. Публичной Библіотеки за 1882 годъ (стр. 1—41): „Отрывки изъ историческаго сочиненія Давида Лехно“. Здѣсь А. Я. Гаркави даетъ частью въ русскомъ дословномъ переводѣ, частью въ изложеніи, главы или выдержки изъ главъ, касающіяся русско-татарскихъ и турецкихъ отношеній въ концѣ XVII-го и начала XVIII вѣковъ (главы: III, V, IX, X, XI, XVII, XXIII, XXV). Въ 1904 г. Азіатскій Музей приобрѣлъ отъ караима Іегуды Капона нѣсколько рукописей и въ томъ числѣ דבר שפתים Давида Лехно. Рукописи эти описаны, какъ мы указали выше, акад. П. К. Коковцовымъ, который въ упомянутомъ уже

¹⁾ Отрывокъ изъ этой главы напечатанъ въ „Регестахъ и Надписяхъ“ (Изд. Евр. Истор.-Этн. Общ.), т. II, № 1300. Сочиненіе названо здѣсь ошибочно „Дебаръ Серааимъ“.

каталогъ описываетъ, между прочимъ, сохранившуюся полностью рукопись „Дебаръ Сефатаимъ“ и приводитъ въ еврейскомъ оригиналѣ нѣсколько строкъ начала и конца рукописи (стр. 6—7 каталога) и, въ видѣ образца, (стр. 11—12) даетъ въ оригиналѣ XII-ую главу.

Признавая, съ одной стороны, важность מלשון רב для исторіи Крымскаго Ханства, а съ другой—принимая во вниманіе, что это произведеніе одного изъ немногихъ еврейскихъ писателей, жившихъ въ Крыму, написанное къ тому же прекраснымъ библейскимъ языкомъ, мы предполагаемъ издать это сочиненіе полностью повсѣмъ имѣющимся рукописямъ, снабдивъ его русскимъ переводомъ для удобства лицъ занимающихся русской исторіей, а равно и тюркологовъ.

И. Марконъ.

„Еврейскій сборщикъ.“

Въ 1858 году въ виленскомъ журналѣ „TeKa Wileńska“ ¹⁾ было напечатано поэтическое произведение, озаглавленное „Kwestarz Starozakonny“, — „Еврейскій сборщикъ“, принадлежащее перу талантливаго поэта Викентія Коротыньскаго. Личность, вдохновившая поэта-поляка, — еврей, занимающій низшее мѣсто на лѣстницѣ общественной жизни; авторъ говоритъ о немъ съ чувствомъ искреннѣйшаго благоговѣнія, и отмѣчаетъ, что это „фигура, живущая въ Вильнѣ“ („Postać Żyjąca w Wilnie“).

„Еврейскій сборщикъ“ снабженъ эпиграфомъ на французскомъ языкѣ, заимствованнымъ у Беранже, а подъ эпиграфомъ мы читаемъ:

Каждый день его видятъ,—вотъ ужъ тридцать лѣтъ
Всѣ знаютъ его лицо, искаженное болью,—благородную
фигуру, согбенную до земли, и длинную бороду, начинающую
ужъ сѣдѣть. Всѣ знаютъ его халатъ, который, Богъ
вѣсть, ужъ сколько лѣтъ какимъ-то чудомъ прилипъ и
держится на немъ, знаютъ его слабую походку на улицахъ,—
нагой, полубосой, рана на ранѣ; ходитъ онъ и собираетъ
подавня, —но не для себя собираетъ онъ добычу—хотя,
говорятъ, евреи лишены добрыхъ чувствъ...

И вотъ этотъ нищій еврей каждый Божій день обходитъ закоулки Вильна, настойчиво постукивая кружкой. Избѣгая сильныхъ міра сего и богачей, увѣщеваетъ онъ бѣдняковъ спѣшить на помощь бѣднымъ, дѣлиться послѣднимъ грошомъ.

Каждый день видятъ его, когда онъ взбирается на чердаки, гдѣ ютится нужда и голодъ, — туда, гдѣ

¹⁾ TeKa Wileńska, 1858 г. № 5, стр. 44.

страдаютъ калѣки, гдѣ маленькіе дѣти тщетно просятъ хлѣба, гдѣ вдова стыдится протянуть руку и просить, гдѣ, голодая, дѣвушки находятся на гибельномъ пути къ разврату,—гдѣ годами не видать радости и веселья. Всѣмъ этимъ несчастнымъ знакомъ нищій Сборщикъ; ко всѣмъ приходитъ онъ, спѣша раздать имъ собранное нищенствомъ и подаянiемъ. Когда же наступаетъ вечеръ, онъ, не смѣя притронуться къ грошамъ вдовыхъ и сирыхъ, становится то кузнецомъ, то веревочникомъ или маслодѣломъ, и, обливаясь потомъ, что есть мочи, трудится, чтобы раздобыть скуднѣйшія средства для собственнаго полуголоднаго пропитанiя. Горсть бобовъ—его пища, и онъ ею доволенъ. Когда работа кончена, онъ сидитъ уже въ домѣ Молитвы и при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка читаетъ святую Библию. Этотъ подвижникъ—юродивый, безобидный и слабый, оказывается, не мало терпѣль оскорбленій и издѣвательствъ со стороны пьяныхъ весельчаковъ и болѣе буйной молодежи.

Его всѣ знали, знали даже дѣти, но ненарушимымъ молчанiемъ отвѣчалъ онъ на безнаказанныя обиды, которыя ему наносила толпа. Но когда душа этого нищаго покинетъ его изможденное тѣло, будутъ споры и ссоры изъ-за того, кому понести къ мѣсту вѣчнаго покоя его бранные останки. Тогда всѣ сбѣгутся,—бѣдные и богатые, старые и молодые, чтобы похоронить съ почестями усопшаго нищаго, и на гробъ его со скорбными словами будутъ сыпать горсти святой Земли Палестины. Тогда оцѣнятъ всѣ его...

Таковы прочувствованныя строки, посвященные Коротыньскимъ нищему-еврею.

Кто былъ этотъ „сборщикъ“? Дѣйствительно-ли въ 1858 г. по улицамъ и закоулкамъ Вильна ходилъ такой юродивый попрошайка,—воплощеніе красоты духа и любви къ человеку? Реальна-ли эта фигура, запечатленная поэтомъ? И правъ-ли былъ поэтъ, когда онъ говоритъ, что тысячныя массы будутъ провожать гробъ этого парія изъ паріевъ, и богачи-толстосумы будутъ добиваться чести прикоснуться къ его праху и понести его къ могилѣ на своихъ плечахъ.

Этотъ сборщикъ, о которомъ писали и другіе авторы ¹⁾, не плодъ поэтическаго воображенiя.

1) I. K. Gregorowicz; см. Яковъ Голдъшмитъ: „Izraelita“, 1867 годъ, 77.

Онъ жилъ. Это былъ Шимель Янкелевичъ Кафтанъ, извѣстный также подъ именемъ Шлизголь.

Родился онъ въ 1800 г. въ дер. Рагунахъ, Ошмянскаго у., недалеко отъ г. Солы. Отецъ его былъ шинкаремъ, держалъ „пропинацію“. Маленькій Шимель учился въ хедерѣ, потомъ сталъ винокуромъ. Рано женился и рано потерялъ жену и дѣтей. Смерть близкихъ людей и другія несчастія произвели на него потрясающее впечатлѣніе, и, подъ вліяніемъ личной трагедіи, въ немъ произошелъ глубокой душевный переворотъ. Шимель какъ бы почувствовалъ себя роднымъ и близкимъ всѣмъ тѣмъ, кто страдаетъ.

Въ 1835 г. онъ переѣхалъ изъ Ошмянъ въ Вильну, гдѣ одно время работалъ въ качествѣ винокура, а потомъ поступилъ на табачную фабрику. Къ этому времени относится начало его филантропической дѣятельности, и постепенно Шимель превратился въ нищаго благодѣтеля нищихъ образъ и подвигъ котораго вдохновили польскаго поэта. Глубоко волнующимъ голосомъ говорилъ онъ на перекресткахъ о святой обязанности облегчать страданія ближнихъ; всѣхъ встрѣчалъ и звалъ онъ внести посильную лепту въ его нищенскую „кружку“ для многочисленной нуждающейся братіи. Характерно, что въ 1858 г., когда, по словамъ В. Коротыньскаго, всѣ его знали, никто не могъ назвать редакціи журнала „Тека Wileńska“, по имени, отчеству и фамиліи эту „фигуру, живущую въ Вильнѣ“. Тѣмъ неменѣе, Коротыньскій предугадалъ, какъ отнесется еврейское населеніе къ кончинѣ этой „фигуры“.

Въ 1865 г., въ ночь на 17 апрѣля по нов. ст., Шимель пришелъ въ „Іешиботъ Рамалесъ“, гдѣ онъ обычно раздавалъ „субсидіи“ юношамъ-іешиботникамъ. Шимель, судя по портрету, нарисованному [В. Коротыньскимъ, уже въ 1858 г. былъ физически немощенъ.

Теперь же, семь лѣтъ спустя, силы оставили его совсѣмъ, и посѣщеніе іешибота стоило ему чрезвычайныхъ усилій.

По крайней мѣрѣ, Шимель, прощаясь съ школярами, сказалъ имъ, что онъ ихъ больше не увидитъ. Шимель удалился въ свою жалкую обитель, разложилъ солому на полу, легъ, а къ утру его нашли безъ признаковъ жизни... Многочисленная толпа приняла участіе въ его похоронахъ.

Такъ была почтена память благотворителя-подвижника, нищаго-благодѣтеля, раздавшаго бѣднымъ свыше 400,000 польскихъ злотыхъ.

„И что это за сила“,—спрашиваетъ его современникъ,— „которая въ продолженіе около 30 лѣтъ,—какъ въ годы расцвѣта жизни, такъ и на старости,—могла носить на себѣ бремя такого святого и тяжелаго подвига... Эта сила—любовь къ ближнему,—одинъ маленькій лучъ той любви, которую Богъ осѣнилъ созданный имъ міръ“.

І. А. Клейнманъ.

Разсказъ моей бабушки.

(Изъ эпохи имп. Николая I).

Почти во всѣхъ слояхъ еврейскаго общества правительство Николая I не пользовалось ни довѣріемъ, ни расположеніемъ. Его только боялись. Это царствованіе оставило по себѣ глубокій и печальный слѣдъ въ жизни русскаго еврейства. Достаточно сказать, что въ эту эпоху создались институты кантонистовъ, пойманниковъ и штрафныхъ ¹⁾).

Какъ ни печальна была жизнь угнанныхъ неизвѣстно куда дѣтей, родителямъ и роднымъ она рисовалась еще болѣе трагической, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Легенды, небылицы, слухи, перемѣшиваясь съ правдой, наполняли больную душу народа всякаго рода фантастическими представленіями.

Естественно, что при такомъ психологическомъ настроеніи тогдашнее еврейство смотрѣло со страхомъ на всѣ распоряженія правительства, усматривая во всемъ одну цѣль—полное уничтоженіе еврейства. На этой-то почвѣ народная молва, отчасти питаясь бреднями напуганнаго воображенія, отчасти черпая доказательства изъ печальной дѣйствительности, создала слухъ-легенду о будто готовящихся новыхъ указахъ („гзейрахъ“) касательно евреевъ, особенно еврейскихъ женщинъ. Объ одной такой легендарной „гзейрѣ“, выросшей въ условіяхъ тогдашняго крѣпостническаго строя, мнѣ пришлось слышать въ дѣтствѣ отъ моей старой бабушки, окончившей свои земные дни въ Палестинѣ.

Имп. Николай I часто наѣзжалъ въ Бобруйскъ, чтобы лично руководить усовершенствованіемъ крѣпости, въ то

¹⁾ О. Рабиновичъ—„Штрафной“, полн. собр. сочин., изд. Одесскаго О-ва „Трудъ“, СПБ. 1880 г.

время считавшейся первоклассной. Приѣзды эти, естественно, приводили въ движеніе обычно сонную жизнь провинціального еврейскаго городка. Но одно такое пребываніе вызвало исключительное возбужденіе умовъ горожанъ и особенно горожанокъ.

Это было въ сороковыхъ годахъ. Государь приѣхалъ въ Бобруйскъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, генераловъ и царедворцевъ. Въ этотъ приѣздъ было издано распоряженіе, чтобы на пути слѣдованія по городу высокопоставленныхъ особъ ихъ привѣтствовали молодыя горожанки низкими поклонами и кликами. Бобруйчанки, одѣтыя по праздничному, въ опредѣленные часы должны были быть на своихъ мѣстахъ.

Городъ и крѣпость ожили. Обѣды, балы и пикники... Блестящіе фейерверки и сожиганіе бочекъ со смолой, которыя своимъ зловѣщимъ заревомъ наводили какой-то непонятный страхъ на жителей города. Веселились...

Множество дѣвушекъ и подростковъ были награждены въ тѣ дни за красоту и ласку деньгами и знаками отличія. „Точно солдаты на войнѣ“, говорили въ народѣ.

За исключеніемъ низшей части населенія, относившейся къ этому явленію довольно снисходительно, прельщаясь подарками, остальное населеніе города было крайне смущено происходящимъ, и въ этомъ новомъ, необычайномъ явленіи, совершенно незнакомомъ городскому населенію, не знавшему крѣпостническаго строя, былъ усмотрѣнъ новый родъ „гзейры“.

Ужасъ предъ неслыханнымъ бѣдствіемъ разлился въ массѣ широкой волной, и въ этой тревожной атмосферѣ стали рождаться нелѣпые слухи; говорили о готовящемся будто указѣ, чтобы еврейскія дѣвушки отбывали натуральную повинность при офицерскихъ командахъ.

Этотъ слухъ вызвалъ среди суетливой, нервной, душевно измученной еврейской массы сильное волненіе.* Чтобы обезобразить своихъ дочерей, матери стригли имъ волосы, мазали головы смолой, на тѣлѣ ставили мушки, вызывая нарывы и болячки, въ надеждѣ, что въ такомъ ужасномъ видѣ ихъ дочерей признаютъ непригодными... Рассказываютъ, что раввины, опасаясь „бабьяго бунта“ и предвидя, съ другой

стороны, опасность для народа, въ случаѣ сопротивленія дѣвицъ, составили будто особую молитву, которая-де должна была искупить дѣвичій грѣхъ и предовратить готовящійся указъ, установливавшій *jus primae noctis*. Все это, конечно, были вздорные слухи, основанные быть можетъ на единичныхъ фактахъ; но страхъ, вызванный слухомъ, характеризуетъ настроеніе еврейскаго населенія.

Не всѣ дѣвушки прельщались подарками, исходившими изъ крѣпости; — были и протестантки. На этой-то почвѣ произошелъ случай, сильно взволновавшій весь городъ.

Былъ субботній лѣтній день. Населеніе высыпало на улицу привѣтствовать царскую свиту, „дорогихъ“ гостей, фланировавшихъ по главной шоссеиной улицѣ города, примыкающей къ крѣпости. Все шло обычнымъ порядкомъ. Но вотъ улица заволновалась. Горделиво выступила статная фигура важнаго генерала, въ сопровожденіи адъютанта. Толпа очистила ему дорогу, особенно низко кланяясь, но генераль упрямо шелъ впередъ, какъ бы не замѣчая окружающаго, не удостоивая никого своимъ вниманіемъ. Онъ прошелъ уже всю улицу и вступалъ въ крѣпостныя ворота. Вдругъ, сопровождавшій генерала адъютантъ подошелъ къ дѣвушкѣ, стоявшей у крѣпостныхъ воротъ послѣдней, и обратившись къ ней по нѣмецки, сталъ спрашивать ее объ ея имени, родителяхъ и гдѣ живетъ; — записавъ все это въ карманную книжку и подаривъ на прощаніе дѣвушкѣ золотой, онъ поспѣшивъ къ генералу, успѣвшему скрыться за крѣпостными воротами. Удостоившаяся милостиваго вниманія генерала красавица, которую назовемъ Эстеръ, была дочерью очень уважаемаго и благочестиваго еврея. Что означалъ ласковый разговоръ и подарокъ — всѣ поняли..., и Эстеръ явилась домой вся въ слезахъ и настойчиво, не внимая никакимъ утѣшеніямъ, требовала, чтобъ ее спасли отъ позора. Старикъ отецъ впалъ въ отчаяніе. Но не подчиниться капризу генерала, — значило рисковать собой и дочерью. И вотъ, ища выхода изъ критическаго положенія, отецъ и дочь переодѣлись нищими и съ наступленіемъ сумерекъ покинули городъ.

Едва бѣглецы удалились, какъ въ ихъ домъ явился генеральскій адъютантъ съ приглашеніемъ Эстеръ пожаловать въ крѣпость. Ярости молодого офицера, когда онъ уз-

наль о бѣгствѣ дѣвушки, не было границъ. Вся полиція была поставлена на ноги, но бѣглецовъ нигдѣ не нашли. Передавали, что Эстеръ была замѣнена другой жертвой, доставленной въ крѣпость подъ именемъ скрывшейся, тѣмъ не менѣе, полиція, не посвященная въ тайны генеральскаго алькова, натворила въ эту ночь не мало горя и непріятностей бобруйскимъ дѣвицамъ, повсюда ища бѣглянку.

Вскорѣ послѣ описаннаго случая свита уѣхала изъ Бобруйска, а бѣглецы нашли себѣ убѣжище въ маленькой деревушкѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Бобруйска, принадлежавшей помѣщику Трушановскому, а нынѣ представляющей большее мѣстечко Щедринъ. Есть предположеніе, что поселившіеся бѣглецы положили основаніе этому мѣстечку: за бѣглецами послѣдовали ихъ родные и многіе поклонники старика, усмотрѣвшіе въ бѣгствѣ родъ мученичества.

Передавали также въ видѣ слуха, что спустя нѣкоторое время полиція набрела на слѣдъ мѣстонахожденія Эстеръ и запросила Петербургъ, какъ поступить съ бѣглянкой; но оттуда дали знать, что инцидентъ потерялъ интересъ—Эстеръ была оставлена въ покоѣ.

Провѣряя у старожиловъ Бобруйска эту легенду-быль, я услышалъ ее и отъ престарѣлаго даіона Д. Б., который сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Въ Бобруйской крѣпости была одна лишь лавка, содержащая дѣдушкой даіона, Гершономъ Б., прозваннымъ за предоставленное ему исключительное право торговли въ крѣпости „Гершонъ деръ крѣпостнеръ“. Однажды, когда жена Гершона шла со своей дочкой-красавицей изъ крѣпости въ городъ, въ проѣздѣ крѣпостныхъ воротъ имъ повстрѣчалась коляска, въ которой сидѣли важный генералъ со своимъ адъютантомъ. Коляска остановилась и молодой офицеръ, выйдя изъ нея, заговорилъ съ женщинами, спросилъ объ ихъ именахъ, адресѣ, и, подаривъ на прощаніе молодой Гершонихѣ золотой, передалъ ей приглашеніе вечеромъ явиться въ крѣпость. Въ тотъ же день Гершонъ со своей дочерью покинули Бобруйскъ и поселились въ деревушкѣ близъ города, нынѣшнемъ мѣстечкѣ Щедринъ.

Этотъ случай, по словамъ даіона, произошелъ въ одинъ изъ пріѣздовъ Николая I въ Бобруйскъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что исторія возникновенія м. Щедрина такова.

Въ виду того, что евреи, при отдѣльномъ устройствѣ такъ называемой селибы и занятіи хлѣбопашествомъ, освобождались съ потомствомъ на 50 лѣтъ отъ воинской повинности, община, случайно образовавшаяся въ деревушкѣ Трушановскаго, совмѣстно съ купцами Голодцами, имѣвшими вблизи усадьбу, откупили у помѣщика 43 десятины земли и образовали новую селибу, заселивъ ее хлѣбопашцами и назвавъ ее Щедринъ. Купчую совершили на имя цадика ребъ Менделе Шнеерсона изъ Любавичъ, болѣе извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ Менделе Любавичскій.

Передаютъ, что Мендель, какъ учредитель, еслибы пользовалъ этотъ актъ въ личныхъ интересахъ для полученія званія почетнаго гражданина, каковое званіе, при тогдашнихъ особо строгихъ разграниченіяхъ податныхъ сословій, давало много преимуществъ ¹⁾).

А. С. Кацнельсонъ.

¹⁾ Р. Менделе получилъ званіе почетнаго гражданина въ награду за дѣятельность въ качествѣ участника образованной въ Петербургѣ въ 1843 г. раввинской комиссіи. Ср. Цадикъ Мендель Любавичскій, Восходъ, 1905 г., кн. I.

Къ судьбѣ евреевъ-врачей въ Россіи.

Евреи-врачи появляются въ Россіи въ болѣе или менѣе замѣтномъ количествѣ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ 18 вѣка. До того времени извѣстны лишь единичныя имена, какъ, напр., Леонъ и фонъ-Гаденъ ¹⁾ при Московскомъ дворѣ, Антоніо Рибейро Санхеъ при Аннѣ Леопольдовнѣ.

Врачи обыкновенно получали медицинское образованіе за границей, а затѣмъ держали экзамены въ Петербургѣ при медико-хирургической академіи ²⁾. Иной разъ въ послужныхъ спискахъ встрѣчается отмѣтка:—«польскій» лекаръ. Одни изъ выдержавшихъ экзаменъ получали право на частную практику, другіе назначались повѣтовыми или городовыми врачами или же опредѣлялись на военно-медицинскія службы. Въ виду отсутствія въ то время въ отношеніи евреевъ-врачей какихъ либо правовыхъ ограниченій, въ ихъ послужныхъ спискахъ не отмѣчалось вѣроисповѣданіе, а потому многія имена оставляютъ сомнѣнія, принадлежатъ ли они евреямъ. Однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно установить еврейское происхожденіе, а именно если сохранилась переписка объ исключеніи даннаго лица изъ подушной подати — участіе въ такихъ дѣлахъ кагала ясно указываетъ на принадлежность врача къ еврейству. Въ русской арміи служилъ, между прочимъ, (съ 1788 г.) Эліасъ Аккордъ, переводчикъ съ польскаго на нѣмецкій языкъ анонимной брошюры „Die Juden oder die Nothwendige Reformation der Juden in der Republik Polen“ ³⁾ (1786 г.); извѣстны также врачъ Франкъ, жившій въ м. Креславкѣ (Вит. губ.) и ознакомившій (въ 1800 г.) Державина, составлявшаго записку о евреяхъ, со своими соображеніями о нравственномъ преобразованіи евреевъ ⁴⁾, и Авраамъ Бернгардъ (позже крестившійся), представившій имп. Павлу I записку въ защиту евреевъ отъ обвиненія въ ритуальныхъ преступленіяхъ.

¹⁾ І. Берхинъ. Два врача-еврея при Московскомъ дворѣ, Восходъ, 1888 г., кн. 3.

²⁾ Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи; здѣсь приводится рядъ наиболѣе раннихъ врачей-евреевъ.

³⁾ Еврейская Энциклопедія, т. I, стр. 641.

⁴⁾ Гессенъ, Евреи въ Россіи, стр. 44—6, 446—448.

Впервые вопросъ о непринятіи евреевъ-врачей на государственную службу былъ возбужденъ въ 1828 г. Разсматривая дѣло о незаконномъ владѣніи докторомъ медицины (исправлявшимъ въ г. Себежѣ должность уѣзднаго врача и имѣвшимъ чинъ „польскаго надворнаго совѣтника“) Левинымъ Шпирой нѣсколькими дворовыми людьми, сенатъ, между прочимъ, нашелъ, что по существующимъ узаконеніямъ о евреяхъ „права входить имъ въ гражданскую государственную службу не предоставлено“; поэтому онъ постановилъ впредь не принимать евреевъ на государственную службу и потребовалъ свѣдѣній, не состоятъ ли еще на должностяхъ другіе евреи, кромѣ Шпиры ¹⁾.

Число „чиновниковъ и др. лицъ, кои, происходя изъ евреевъ, не приняли христіанской вѣры“ и состоявшихъ на службѣ по министерству внутр. дѣлъ въ медицинскихъ званіяхъ, было невелико ²⁾.

Министерство внутр. дѣлъ не знало, какъ поступить съ этими лицами—уволить ли ихъ со службы, и оно обратилось за разъясненіемъ къ гражданскому генералъ-штабъ доктору, который и высказалъ откровенно свое мнѣніе (1830 г.):

„Врачи изъ евреевъ приняты были на службу, по немнѣнію свѣдѣнія о ихъ вѣроисповѣданіи, на общемъ съ врачами другихъ вѣроисповѣданій основаніи; объ удаленіи ихъ отъ службы не сдѣлано съ моей стороны никакого распоряженія, ибо того и Указомъ Прав. Сената отъ 16 августа 1828 г. не требуется, а предписывается только не допускать впредь къ гражданской службѣ не принявшихъ христіанской вѣры евреевъ; полагая по сему, что удаленіе врачей изъ евреевъ отъ службы зависитъ отъ разрѣ-

¹⁾ Втор. Полн. Собр. Зак., № 2233.

²⁾ Въ Кіевской губ.: 1) Въ гор. Уманѣ — Штабъ-лекаръ Германъ Хайсъ; 2) въ гор. Липовцѣ—лекаръ Вернардъ Розенбергъ.

Въ Волынской губ.: 3) въ Заславскомъ повѣтѣ—докторъ Левъ Гринбергъ; 4) въ Житомирѣ—штабъ-лекаръ Іосифъ Трахтенбергъ; лекаря въ повѣтахъ: 5) Ковельскомъ—Веніаминъ Гольденталь; 6) Владимірскомъ—Григорій Рапопортъ, окулистъ; за искусное леченіе глазныхъ болѣзней былъ въ 1819 г. „Всемилоостивѣйше награжденъ подаркомъ“, 7) Новгородъ-Волынскомъ—Михайло Раутенбергъ.

Въ Подольской губ. повѣтовые лекаря: 8) въ Литинѣ — Исаакъ Бернштамъ; 9) въ Проскуровѣ—Соломонъ Фрейдъ.

Старшіе лекарскіе ученики въ повѣтахъ: 10) Гайсинѣ—Лейба Носовецкій; 11) Могилевѣ—Мишко-Винеръ.

Младшіе ученики въ повѣтахъ: 12) Винницкомъ — Ихель Гершковичъ; 13) Балтскомъ—Берко Збрижскій; 14) Проскуровскомъ—Лейба Фурксъ; 15) Литинскомъ—Лейба Консонъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя мы находимъ Мейера Зейденберга на службѣ у городского управленія въ Бахчисараѣ. Въ Могилевской, Минской, Виленской и Черниговской губ. при нѣкоторыхъ уѣздныхъ врачахъ евреи состояли лекарскими учениками.

шенія Прав. Сената..., я долгомъ считаю присовокупить, что исключеніе ихъ изъ службы, при настоящемъ недостаткѣ во врачахъ по гражданскому вѣдомству, не можетъ быть безъ затрудненія относительно исправленія медицинскихъ обязанностей по занимаемымъ ими нынѣ мѣстамъ“.

Положеніе 1835 года предоставило право на государственную (учебную и гражданскую) службу евреямъ, получившимъ степень доктора, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе; при этомъ съ поступленіемъ на государственную службу открывался доступъ во внутреннія губерніи и столицы. Что касается лицъ съ другими медицинскими званіями, то было сказано, что если они вступятъ на государственную службу, то производятся наравнѣ съ прочими подданными. Это замѣчаніе побудило врача Іосифа Бертенсона, временно исполнявшаго въ 1835 г. должность уѣзднаго врача, обратиться къ гражданскому генер.-штабъ доктору съ указаніемъ на то, что не только доктора медицины, но и прочіе еврей-врачи имѣютъ право на госуд. службу при испрошеніи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшаго разрѣшенія. Комитетъ министровъ согласился съ доводами Бертенсона, но Государь положилъ резолюцію „не иначе, какъ въ однѣхъ западныхъ губерніяхъ“, и такимъ образомъ съ вступленіемъ на службу еврей-врачи, за исключеніемъ докторовъ медицины, не пріобрѣтали права на повсемѣстное жительство (1836 г.). Ссылаясь на этотъ законъ, сенатъ предложилъ министру, если онъ желаетъ, чтобы издавна состоящіе на службѣ еврей-врачи оставались на своихъ мѣстахъ, исходатайствовать для каждого изъ нихъ Высочайшее разрѣшеніе; но министръ нашелъ это лишнимъ, такъ какъ законы обратной силы не имѣютъ. Никто изъ врачей, находившихся на службѣ, не былъ уволенъ, но кое кто, опасаясь за будущее, успѣлъ креститься.

Въ теченіе всего этого времени еврей принимались и на военно-медицинскія должности, при чемъ нѣкоторые достигали видныхъ постовъ, какъ, напр., извѣстный на югѣ ратоборецъ за просвѣщеніе евреевъ, проживавшій въ Умани Абрагамсонъ.

Но внезапно въ 1844 г. послѣдовало конфиденціальное повелѣніе имп. Николая I совершенно прекратить пріемъ евреевъ на государственную службу.

Впрочемъ, уже во время войны 1855 г. правительство не отказалось отъ услугъ евреевъ-врачей¹⁾, а въ 1856 г. распоряженіе 1844 г. было отмѣнено имп. Александромъ II по докладу

¹⁾ Вт. Полн. Соб. Зак., № 29808.

предсѣдателя еврейскаго комитета гр. Киселева: право на государственную службу было вновь предоставлено докторамъ медицины, но не прочимъ врачамъ.

Между тѣмъ въ медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинскую) академію были приняты бесплатно нѣсколько евреевъ, которые, по общему правилу, обязаны были, по окончаніи академіи, поступить на службу по указанію правительства. Въ 1858 г. состоялся ихъ выпускъ, и тогда возникъ вопросъ—какъ быть? Съ одной стороны, законъ требовалъ, чтобы молодые врачи заплатили службой за слушаніе лекцій, съ другой стороны—въ законѣ ничего не было сказано о распространеніи общаго правила на евреевъ. Военный совѣтъ нашелъ выходъ: находя „неудобнымъ имѣть въ войскахъ врачей изъ евреевъ“, онъ постановилъ: „медиковъ изъ евреевъ..., обязанныхъ прослужить по назначеніи правительства, за бесплатное слушаніе лекцій въ академіи, передать въ распоряженіе министра внутр. дѣлъ“.

Вопросъ о врачахъ всплылъ и тогда, когда въ 1861 г. Государственный совѣтъ занялся разсмотрѣніемъ предложенія министра народн. просвѣщенія о предоставленіи права на повсемѣстное жительство лицамъ съ высшимъ образованіемъ.

„Государственный Совѣтъ, признавая, что дарованіе евреямъ, окончившимъ курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, права повсемѣстнаго въ Имперіи пребыванія и водворенія, только можетъ увеличить число лицъ изъ евреевъ, поступающихъ въ сіи заведенія, нашелъ, что въ дарованіи имъ сихъ правъ должна быть соблюдаема также нѣкоторая постепенность, какъ и въ дозволеніи сего водворенія евреямъ-купцамъ высшихъ гильдій, слѣдственно въ томъ лишь случаѣ, когда ими приобрѣтены обширныя основательныя познанія и когда вообще они получили образованіе, могущее служить ручательствомъ въ отступленіи ихъ отъ заблужденій фанатизма и въ удаленіи отъ вредныхъ, къ сожалѣнію, обычныхъ непросвѣщеннымъ евреямъ дѣйствій и самихъ правилъ.“

„По мнѣнію Государственнаго Совѣта, лишь такое истинное просвѣщеніе, основанное не на поверхностномъ обученіи, можетъ искоренить въ евреяхъ предразсудки, которые были всегда едва ли не единственнымъ препятствіемъ къ сближенію и сліянію ихъ съ кореннымъ христіанскимъ населеніемъ и принуждали наше правительство указывать и принимать разныя предосторожности противъ прилива ихъ, по крайней мѣрѣ, во внутреннія наши губерніи. Сіи мѣры предосторожности едва ли будутъ достаточны, если нынѣ, внезапно, всѣмъ евреямъ, нѣсколько времени посѣщавшимъ гимназіи въ западномъ и южномъ краѣ Имперіи, или въ

Царствѣ Польскомъ и, по всей вѣроятности, получившимъ весьма несовершенныя понятія въ нѣкоторыхъ наукахъ, будетъ дозволено поселяться повсюду въ Россіи, конечно, лишь для того, чтобы продолжать въ большихъ размѣрахъ свою противозаконную всякаго рода торговлю и другіе столь же противозаконные и вредные промыслы, бывшіе, какъ всѣми признано, одною изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія, а иногда въ нѣкоторой степени и развращенія народа въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ евреи многочисленнѣе.

„При настоящемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи, по убѣжденію Гос. Совѣта, едва ли можно безъ опасенія признать, чтобы еврей, не только окончившій гимназическій курсъ, но даже обучавшійся въ высшемъ учебномъ заведеніи, только не получившій ученой степени кандидата, магистра или доктора (а вышедшій изъ заведенія съ однимъ званіемъ дѣйствительнаго студента), чтобы такой еврей былъ совершенно свободенъ отъ тѣхъ предразсудковъ, которые признавались всегда вредными и вызывали разновременно разныя мѣры предосторожности противъ евреевъ. По мнѣнію Совѣта правительство и теперь поступить осторожно и не нарушить ничѣмъ самой справедливости, если въ предоставленіи евреямъ новыхъ гражданскихъ правъ будетъ держаться той же постепенности, которая имѣетъ существенную важность при измѣненіи всякаго рода законоположеній. Съ другой стороны, соблюденіе нынѣ этой постепенности было бы полезно и для самихъ евреевъ, поощряя ихъ къ ученію болѣе глубокому, болѣе основательному, и обращая предпочтительно на стезю науки, по умственнымъ ихъ способностямъ, особенно для нихъ доступную. Вслѣдствіе сего, въ настоящее время предоставленіе права повсемѣстнаго пребыванія и водворенія для занятія на общемъ основаніи промыслами и торговлею надлежитъ распространить только на тѣхъ изъ евреевъ, которые, по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, приобрѣтутъ ученыя степени доктора, магистра или, по крайней мѣрѣ, кандидата, не распространяя сего ни на получившихъ только званіе дѣйствительнаго студента, ни на получившихъ, по медицинскому документу званія, соотвѣтствующія степени кандидата по другимъ факультетамъ, такъ какъ вообще медики, не получившіе степени доктора медицины, по односторонности своихъ знаній, не могутъ быть признаваемы людьми достаточно образованными для того, чтобы пользоваться правами, предоставляемыми евреямъ, получившимъ ученыя степени доктора, магистра или кандидата“.

Это постановленіе и легло въ основу закона 27 ноября 1861 г., предоставившаго право на госуд. службу и повсе-

мѣстное жительство только евреямъ съ учеными степенями—докторамъ медицины и хирургіи, или докторамъ медицины, а равно докторамъ, магистрамъ или кандидатамъ по другимъ факультетамъ университета.

Этотъ законъ 1861 г. далъ медицинскому департаменту поводъ для пересмотра постановленія о непринятіи окончившихъ курсъ академіи на военно-медицинскія должности, но военный министръ Милютинъ отвергъ предложеніе, заявивъ, что „въ настоящее время неудобно возбуждать вопросъ относительно разрѣшенія вообще медикамъ изъ евреевъ поступать на службу по военному вѣдомству“; только доктора медицины, согласно закону 1861 г., могутъ быть принимаемы.

II.

Къ 1862 г. министръ народн. просвѣщенія вновь возбудилъ вопросъ о расширеніи правъ лекарей и фармацевтовъ, т. е. о распространеніи на нихъ закона 1861 г. Главноуправляющій II отдѣленіемъ Собств. Его Имп. Величества канцеляріи бар. М. Корфъ и Милютинъ выразили свое согласіе, но министръ внутр. дѣлъ Валуевъ воспротивился этому. Въ своемъ отвѣтѣ министру нар. просв. онъ писалъ:

„При настоящемъ Вашемъ предположеніи была бы нарушена постепенность, которая имѣлась въ виду Государственнаго Совѣта при обсужденіи закона о правахъ евреевъ, имѣющихъ высшія ученыя степени. Кромѣ указанныхъ Государственнымъ совѣтомъ основаній, *постепенность* распространенія правъ евреевъ лекарей и фармацевтовъ признается со стороны Министерства внутреннихъ дѣлъ необходимою и потому, что нынѣшнія медицинскія и фармацевтическія степени, съ 1845 года (т. е. съ изданія новаго положенія объ экзаменахъ) не дѣлятся, какъ прежде, сообразно съ успѣхами въ наукахъ, на отдѣленія, и нѣтъ также кандидатовъ медицины, которые, безъ права впрочемъ самостоятельной практики, пріобрѣтали это званіе по отмѣткѣ на экзаменѣ ниже тѣхъ, которыя требовались для степени лекаря.

„Нынѣ студентамъ медицины предоставлено право держать экзаменъ прямо на степень доктора, такъ что отличнѣйшіе изъ студентовъ утверждаются, по защищеніи диссертациі, прямо въ этой степени и сравниваются, въ порядкѣ допущенія къ экзамену, съ кандидатами другихъ университетскихъ факультетовъ. Впрочемъ, въ видахъ поощренія евреевъ къ большому усовершенствованію въ медицинскихъ наукахъ и доставленія имъ большей къ тому возможности, я полагалъ бы предоставить дарованныя положеніемъ 27 ноября

прошлаго года права и тѣмъ изъ евреевъ, которые, выдержавъ испытаніе на степень доктора медицины, диссертации на оную, однакожь, не успѣли защищать, такъ какъ въ этомъ случаѣ они могутъ быть сравнены съ кандидатами университетовъ. Но какъ судить о лекаряхъ, которые удостоиваются сего званія, безъ различія, кто изъ нихъ выдержалъ экзаменъ болѣе или менѣе удовлетворительно и какую можно установить между ними и университетскими степенями параллель? Ясно, что они должны быть сравнены съ дѣйствительными студентами университетовъ, отъ которыхъ также требуется лишь удовлетворительное знаніе науки. Но если лекаря и провизоры могли бы пользоваться тѣми же преимуществами, какъ и доктора, то отчего же не распространить это преимущество и на евреевъ дѣйствительныхъ студентовъ университетовъ, слушающихъ курсъ наукъ столько же времени, какъ и кандидаты?

„Если же распространить въ настоящее время право фармацевтовъ, а также ветеринаровъ, то, по всей справедливости, это слѣдуетъ отнести къ магистрамъ фармаціи и ветеринарныхъ наукъ, сравнивъ ихъ съ докторами медицины, а отнюдь не къ провизорамъ, хотя послѣдніе и состоятъ въ одномъ классѣ съ университетскими кандидатами, ибо здѣсь не классъ, а степень образованія должна имѣть значеніе. Къ тому же евреямъ лекарямъ предоставлено... право оставаться до двухъ лѣтъ въ университетскихъ городахъ для выдержанія экзамена на степень доктора, и тѣмъ открыть имъ уже путь, какъ къ дальнѣйшему усовершенствованію въ медицинѣ, такъ и къ приобрѣтенію сообразно тому обширнѣйшихъ правъ. Это право могло бы быть предоставлено и фармацевтамъ и ветеринарамъ для достиженія магистерской степени. Опытъ всего лучше долженъ показать, насколько таковая постепенность будетъ существенно полезна для науки и въ какой могутъ оправдать еврей,“ предоставленныя имъ правительствомъ права“.

Получивъ этотъ отзывъ, министръ народн. просвѣщенія не рискнулъ дать ходъ своему предположенію.

Въ 1863 г. выпускъ евреевъ-слушателей медико-хирургической академіи, обучавшихся бесплатно, въ числѣ четырехъ лицъ, обратился къ Милютину съ просьбой о принятіи ихъ на службу по военному вѣдомству; тогда же они возбудили предъ бар. М. Корфомъ ходатайство о томъ, чтобы медикамъ, не получившимъ степени доктора медицины, было предоставлено право поступать на военно-медицинскую службу по всему пространству Имперіи.

Бар. Корфъ, не зная причины, почему предложеніе министра народн. просвѣщенія, на которое онъ выразилъ свое согласіе, не получило движенія, запросилъ министра

о судьбѣ, постигшей его проектъ; когда же Корфу стало извѣстно, что дѣлу помѣшалъ Валуевъ, онъ воспользовался представленнымъ ему теперь прошеніемъ, чтобы, не ссылаясь на неудавшуюся попытку министра народн. просвѣщенія, самостоятельно возбудить вопросъ о лекаряхъ. Бар. Корфъ имѣлъ по этому поводу даже бесѣду съ Валуевымъ, но послѣдній согласился лишь на небольшую уступку.

„Разсмотрѣвъ вновь этотъ вопросъ въ отношеніи къ правамъ евреевъ-лекарей—писалъ Валуевъ бар. Корфу—и вслѣдствіе личнаго съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ объясненія, я полагаю бы возможнымъ исходатайствовать распространеніе вышепомянутыхъ правъ ученыхъ евреевъ и на тѣхъ изъ лекарей Россійскихъ Университетовъ и Медико-Хирургической Академіи, которые получаютъ званіе лекаря, съ отличіемъ, такъ какъ эта ученая степень вполне соотвѣтствуетъ степени кандидатовъ университетовъ. Затѣмъ, если признано будетъ возможнымъ распространить предоставленнымъ мнѣмъ Государственнымъ Совѣта 27 ноября 1861 г. евреямъ права и на дѣйствительныхъ студентовъ университетовъ, то со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣтится препятствія къ предоставленію тѣхъ же правъ всѣмъ лекарямъ, безъ различія успѣховъ, оказанныхъ ими во время университетскаго ученія“.

Это предложеніе Валуева не удовлетворило бар. Корфа. Но въ это время Милютинъ рѣшилъ дать ходъ ходатайству медиковъ, окончившихъ академію, и онъ обратился къ главнымъ военнымъ начальникамъ, чтобы узнать ихъ мнѣнія.

Неблагопріятныя для евреевъ отвѣты дали:

Начальникъ Гвардейскаго корпуса.—„Опредѣленіе въ войска и госпитали медиковъ изъ евреевъ, имѣющихъ степень лекарей, по примѣру евреевъ, удостоенныхъ степени доктора медицины, Его Импер. Высочество Командиръ изволить признавать мѣрою еще несовременною и несоотвѣтственною пользамъ службы по слѣдующимъ причинамъ:

„а) При леченіи и призрѣніи больныхъ нижнихъ чиновъ, недостаточно въ медикѣ однихъ только научныхъ свѣдѣній, но весьма важно, чтобы медикъ внушалъ къ себѣ довѣріе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ дѣйствовать на больного религіозными убѣжденіями и нравственнымъ вліяніемъ. Въ послѣднее время нижніе чины начали сознать пользу медицинскаго пособія,—что нужно приписать особой заботливости медиковъ пріобрѣсть довѣріе солдатъ. Но нельзя предполагать, чтобы, при существующемъ предубѣжденіи противу евреевъ не только въ низшемъ классѣ, но и въ классахъ болѣе образованныхъ, нижніе чины могли имѣть довѣріе къ медикамъ евреямъ, и потому допущеніе евреевъ

въ должности лекарей при войскахъ неблагопріятно подѣйствуетъ на солдатъ въ нравственномъ отношеніи и будетъ имѣть невыгодное вліяніе на самое пользованіе больныхъ.

„б) При извѣстной склонности евреевъ къ медицинскимъ наукамъ можно предполагать, что съ предоставленіемъ имъ права, наравнѣ съ лицами христіанскихъ исповѣданій, служить въ войскахъ лекарями, медики изъ евреевъ составятъ современемъ большую часть военныхъ медиковъ, тогда какъ по прочимъ частямъ военнаго управленія евреи вовсе не допускаются на службу въ классныхъ чинахъ. Имѣя это въ виду, кажется не представляется уважительныхъ причинъ дѣлать исключеніе для медиковъ-евреевъ тѣмъ болѣе, что въ другія должности, въ которыхъ по роду служебной дѣятельности и отношеній къ сослуживцамъ и подчиненнымъ, различіе религіозныхъ вѣрованій и предубѣжденіе не могутъ имѣть того вліянія на успѣшное исполненіе служебныхъ обязанностей, какъ въ званіи медиковъ.

„Послѣдовавшее въ 1861 г. разрѣшеніе принимать на службу въ войска евреевъ, удостоенныхъ степени доктора медицины, не можетъ также служить основаніемъ къ распространенію теперь же правъ и на евреевъ-лекарей, потому, что исключеніе, допущенное для евреевъ, отличившихся особыми учеными трудами и познаніями, не можетъ считаться несправедливостію въ отношеніи прочихъ евреевъ, не заявившихъ особыхъ познаній въ медицинѣ. Къ тому же высшая ученая степень, полученная евреями, нѣкоторымъ образомъ ослабляетъ существующее противъ нихъ предубѣжденіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить ручательствомъ и за нравственные ихъ качества“.

Начальникъ *второго резервнаго корпуса*: „Мѣра, выраженная въ Выс. утвержденномъ 27 ноября 1861 г. мнѣніи Гос. Совѣта, касательно допуска въ военную службу медиковъ, имѣющихъ дипломы на ученую степень, едва ли можетъ быть распространена, безъ особаго неудобства, на лекарей изъ евреевъ въ томъ вниманіи, что число этихъ послѣднихъ будетъ постоянно значительно больше числа первыхъ, и что именно лекаря, суть тѣ лица, которыя неотлучно находятся при постелѣ больного или умирающаго солдата. Лекарь, врачуя тѣло, врачуетъ и духъ больного, слѣдовательно, долженъ быть способнымъ внушать ему полное къ себѣ довѣріе, а этого послѣдняго чувства лекарь-еврей не будетъ никогда въ состояніи возбудить“.

Благопріятные для евреевъ отвѣты дали:

Начальникъ *Отдѣльнаго гренадерскаго корпуса*: „Государственными законами предоставлено лекарямъ изъ евреевъ поступать въ государственную службу въ тѣхъ губерніяхъ,

гдѣ дозволено евреямъ вообще имѣть постоянное жительство. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено евреямъ, имѣющихъ дипломы на ученые степени доктора медицины, допускать на службу по всѣмъ вѣдомствамъ, безъ ограниченія мѣста пребыванія ихъ чертою, для постоянной осѣдлости опредѣленной. Въ настоящее время возбужденъ вопросъ о распространеніи не на однихъ медиковъ-докторовъ, но и на медиковъ-лекарей, права поступленія въ государственную службу въ войска безъ опредѣленія мѣста жительства. Приведеніе въ исполненіе столь справедливой, по сущности своей, мѣры, въ связи съ другими правительственными распоряженіями, уже направленными къ одинаковой цѣли, едва ли можетъ встрѣтить существенное препятствіе. Служа какъ бы дополненіемъ уже Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, она должна принести пользу войскамъ, расширивъ кругъ выбора врачей, въ коихъ они часто нуждаются, въ особенности предъ открытіемъ кампаніи. Кромѣ такой выгоды, уже по себѣ значительной, она принесетъ свою долю пользы и еврейскому юношеству, недостатки котораго, неразлучные съ его происхожденіемъ, проистекаютъ, частію, отъ безнравственности и низкаго состоянія гражданственности.

„Противники предполагаемой мѣры могутъ признать до нѣкоторой степени неудобнымъ извѣстную нелюбовь народа къ евреямъ. Мнѣніе это при настоящемъ вопросѣ получаетъ большое значеніе отъ склонности русскаго солдата перемогаться въ болѣзняхъ и обращаться къ врачебной помощи только при вестерпимыхъ боляхъ. Но если принять въ соображеніе, что явленіе это происходитъ отъ инстинктивнаго отвращенія низшихъ сословій вообще къ госпитальному леченію, и что оно должно уменьшаться по мѣрѣ распространенія довѣрія къ врачамъ, то отъ самихъ евреевъ-лекарей, по подобію евреевъ-докторовъ, будетъ зависѣть пріобрѣсти своимъ искусствомъ и заботливостію о больныхъ не только довѣріе, но и расположеніе своихъ пациентовъ. Нелюбовь народа къ еврейскимъ врачамъ основана на безсознательномъ предразсудкѣ, а потому должно надѣяться, что, по мѣрѣ развитія просвѣщенія, привычка видѣть въ госпиталѣ среди другихъ лицъ, и евреевъ, какъ людей облегчающихъ страданія больныхъ, и многія обстоятельства, сближающія людей, какъ, напр., война и походы, изгладят со временемъ слѣды врожденной, но ничѣмъ не оправдываемой антипатіи.

„Такимъ образомъ, ходатайство евреевъ о распространеніи правъ, предоставленныхъ евреямъ-докторамъ медицины на евреевъ-лекарей... не только не должно быть отстранено, но, будучи приведено въ исполненіе, можетъ только при-

нести пользу еврейскому населенію вообще и войскамъ въ особенности“.

Главнoкомандующій войсками въ Царствѣ Польскомъ, командующіе войсками виленаго, одесскаго и кіевскаго военн. округовъ („доктора и врачи изъ евреевъ различаются между собою однѣми учеными степенями, всегда отличаясь, какъ тѣ, такъ и другіе способностями, знаніемъ дѣла и усердіемъ къ службѣ“), командующій войсками въ Финляндіи, а также начальникъ 4 резервнаго корпуса и резервовъ армейской пѣхоты, (3-го резервнаго корпуса), равнымъ образомъ и главный штабъ кавказской арміи *стали на сторону врачей-евреевъ*. Начальникъ резервовъ армейской пѣхоты заявилъ, между прочимъ:

„Если званіе лекаря даетъ право на частную практику, то нѣтъ основанія лишать лекарей-евреевъ права поступленія въ военномедицинскую службу, тѣмъ болѣе, что національность медицинскаго чиновника не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ нашего больного солдата“. Въ пользу евреевъ высказался также медицинскій департаментъ. „Если на основаніи закона, всѣ лица, безъ различія ихъ національности, происхожденія и вѣроисповѣданія, получившія отъ высшихъ учебныхъ заведеній нашихъ дипломы на званіе врача, имѣютъ право заниматься вообще медицинской практикой, то и евреи, получившіе дипломъ на званіе врача, должны также пользоваться этимъ правомъ практики, т. е. какъ медики гражданскіе и военные. За симъ, если, на основаніи Высочайше утвержденнаго 27 ноября 1861 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, евреи, имѣющіе дипломы на доктора медицины, допускаются на службу по всѣмъ вѣдомствамъ безъ ограниченія мѣста ихъ пребыванія чертою опредѣленною для постоянной осѣдности евреевъ, то, принимая на видъ, что наименованіе доктора медицины и хирургіи, или доктора медицины, не есть особое званіе, а только степень общаго ученаго названія, въ Россіи, врача,—департаментъ не можетъ не раздѣлять мнѣнія большинства командировъ корпусовъ, о томъ, чтобы евреевъ-врачей, не имѣющихъ высшей ученой степени, допустить въ военно-медицинскую службу и, вообще, чтобы распространить на нихъ законъ 27 ноября 1861 г. во всей его силѣ“.

Опираясь на приведенныя соображенія, Военный совѣтъ постановилъ уравнивать лекарей съ докторами медицины съ тѣмъ, чтобы это предположеніе было проведено законодательнымъ путемъ чрезъ Госуд. совѣтъ.

23 февраля 1863 г. Государь утвердилъ положеніе Военнаго совѣта, но повелѣлъ, чтобы вопросъ былъ предвари- тельно обсужденъ въ Еврейскомъ комитетѣ.

Въ виду послѣдовавшаго вскорѣ закрытія Еврейскаго

комитета вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ, а отсюда дѣло было передано Государственному совѣту, который постановилъ:

„1. Допустить опредѣленіе въ военно-медицинскую службу и тѣхъ евреевъ-врачей, которые не имѣютъ высшей ученой степени, распространивъ на нихъ во всей силѣ законъ 27 ноября 1861 года;—и

2. Всѣмъ прочимъ министерствамъ, которыя признаютъ полезнымъ распространить означенный законъ и на ихъ вѣдомства, предоставить входить о томъ съ особыми представленіями“.

Это мнѣніе Госуд. совѣта было 10 мая 1865 г. Высочайше утверждено.

Правомъ возбудить вопросъ о принятіи на службу евреевъ-врачей уже вскорѣ воспользовались—министерство народнаго просвѣщенія въ 1866 г. ¹⁾, а въ слѣдующемъ году министерство внутр. дѣлъ ²⁾, при чемъ министерство внутр. дѣлъ сдѣлало для своего вѣдомства исключеніе—оно отказалось принимать евреевъ-врачей на службу въ столицахъ съ ихъ губерніями, дабы не отвлекать врачей отъ внутреннихъ и сибирскихъ губерній, ощущавшихъ недостатокъ въ медицинской помощи.

Ю. Гессенъ.

¹⁾ Вт. Полн. Собр. Зак., № 43308.

²⁾ Тамъ-же, № 44195.

Матеріалы, документи и сообщенія.

Къ исторіи краковской еврейской общины XV вѣка.

Историкъ Янъ Длугошъ и краковскіе евреи.

Знаменитый польскій историкъ и дипломатъ Янъ Лонгинъ Длугошъ изъ Недзѣльска, герба Венява, родился въ Бржезницѣ, Серадзаго воеводства, въ 1415 году; получилъ образованіе въ Краковской Академіи, которую окончилъ 17-ти лѣтъ отъ роду; съ 1431 до 1455 года онъ состоялъ секретаремъ краковского епископа Збигнева Олесницкаго; въ 1436 году вступилъ въ духовный санъ и получилъ званіе краковского каноника; въ 1449 году онъ способствовалъ исходатайствованію въ Римѣ сана кардинала для своего покровителя; въ 1450 году имъ предпринято было паломническое путешествіе черезъ Италію въ Палестину.

Въ качествѣ посланника онъ отправленъ былъ королемъ Казиміромъ Ягеллономъ въ Венгрію во время регенства 1449 года, а затѣмъ въ 1453 году къ германскому Императору Фридриху III и къ папѣ Николаю V въ Римъ по поводу паденія Византійской Имперіи и занятія турками Константинополя, въ 1460 году—въ Богемію, въ 1463 году—къ Гроссмейстеру Ордена Крестоносцевъ, а въ 1465 году вторично въ Богемію.

Въ 1461 году Длугошъ впалъ въ королевскую немилость, продолжавшуюся до 1464 года. Однако, вскорѣ послѣ этого не только состоялось примиреніе, но король даже назначилъ Длугоша наставникомъ и учителемъ своихъ дѣтей. А когда въ 1471 году королевичъ Владиславъ былъ избранъ на богемскій престолъ, то для сопровожденія его и для руководства назначенъ былъ опять—таки Длугошъ. Въ Богеміи онъ оставался до 1478 года, улаживая различные спорные дипломатическіе вопросы между государствами Богемскимъ, Венгерскимъ и Польскимъ; затѣмъ Длугошъ возведенъ былъ въ санъ номината Архіепископа Львовскаго, но вскорѣ умеръ въ Краковѣ 19 мая 1480 года.

Въ извѣстномъ своемъ трудѣ „Historia Polonica“, составляющемъ плодъ двадцатипятилѣтней работы (съ 1455 года до конца его жизни), раздѣленномъ на 12 книгъ и написанномъ по обычаю того времени на латинскомъ языкѣ, Длугошъ изображаетъ исторію Польши отъ возникновенія государства до смерти короля Владислава II Ягеллона, т. е. до 1444 года.

Трудъ этотъ впервые изданъ былъ Яномъ Феликсомъ Гербуртомъ въ Добромиль лишь въ 1615 году, къ тому же неполностью, а только первыя шесть книгъ, обнимающія періодъ времени до 1240 года. Дальнѣйшее изданіе прекращено было за смертью издателя, а также по ходатайству разныхъ вельможъ, предки которыхъ изображены были Длугошемъ въ названномъ трудѣ не особенно лестно; продолженіе изданія было воспрещено, а напечатанные экземпляры подлежали уничтоженію.

Полное изданіе этого труда предпринято было лишь сто лѣтъ спустя учителемъ царевича Алексѣя Петровича, барономъ Генрихомъ фонъ Гюйссенъ, въ Лейпцигѣ, въ 1711-12 году, въ одномъ объемистомъ томѣ, на основаніи рукописи, полученной имъ изъ библіотеки Освѣдимскаго хорунжія Войтеха Дембинскаго. Сюда вошли 12 книгъ „Historia Polonica“. Впослѣдствіи издателемъ изъ собраній Краковской Академіи получена была еще 13-ая книга и она также была имъ издана вмѣстѣ съ другими трудами, касающимися Польши, въ видѣ второго тома. Наконецъ, графомъ Александромъ Пржездзецкимъ предпринято было въ Краковѣ изданіе всѣхъ трудовъ Длугоша въ 14-ти томахъ, съ 1868 до 1887 года.

Въ качествѣ историка Польскаго государства Длугошъ въ началѣ является лишь собирателемъ-лѣтописцемъ, произвольно толкующимъ своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ и приводящимъ разныя, сообщаемыя ими, свѣдѣнія, безъ надлежащей критической ихъ оцѣнки, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ, особенно въ послѣднихъ четырехъ книгахъ, которыя имѣютъ наиболѣе существенное значеніе, собрано весьма много фактическихъ данныхъ, подтвержденныхъ впослѣдствіи болѣе поздними изслѣдователями. Онъ пользовался между прочимъ и русскими лѣтописями.

Вообще трудъ Длугоша весьма важенъ для исторіи Польскаго государства, хотя онъ и проникнутъ духомъ ультрамонтанства—проводить идею господства церкви надъ государственной властью, а также—обособленности дворянскаго сословія и его привилегіаго положенія по отношенію къ крестьянскому населенію.

Длугошъ, какъ историкъ, не свободенъ отъ пристрастія и національных предубѣжденій. Особенно это выступаетъ при изображеніи имъ внутреннихъ соотношеній въ Богеміи, гдѣ въ это время находилось въ полномъ разгарѣ реформаторско-религіозное движеніе, перешедшее впослѣдствіи въ національно-со-

ціальное, въ борьбу консервативныхъ аристократическихъ элементовъ съ либерально-національнымъ гусситскимъ элементомъ.

Послѣ всего этого не трудно догадаться, что упомянутый трудъ Длугоша не безпристрастенъ и не лишенъ предубѣжденій также и по отношенію къ еврейскому населенію. Непонятно лишь его неосновательное и пренебрежительное отношеніе къ даннымъ евреямъ польскими королями привилегіямъ, по поводу коихъ у него подъ 1356 годомъ (по Лейпцигскому изданію „Joann. Dlugoss. seu Longini Hist. Polonicae. Lips. 1711. V. I p. 1110) значится слѣдующее: „... ad praeces quoque praefatae Hester Judeae et concubinae exorbitantes praerogativas et libertates per literas singulis Judaeis in Regno Poloniae habitantis, quae falso scriptae ab aliquibus insimulantur et quibus divina maiestas contumeliatur et offenditur concessit“, при чемъ онъ не указываетъ, какіе именно это были листы и привилегіи, но присовокупляетъ, что таковыя можно было встрѣтить еще и въ его время, т. е. въ царствованіе короля Казимира Ягеллона и заканчиваетъ презрительно: „quorum faltor olidus etiam in diem hanc perseverat“¹⁾.

Въ переводѣ на русскій это обозначаетъ: король Казиміръ Великій „по просьбѣ названной Еврейки Эсеири, любовницы, пожаловалъ нѣкоторымъ проживающимъ въ Польшѣ евреямъ, чрезвычайныя преимущества и льготы, но нѣкоторые подозрѣваютъ, что они ненастоящія и являются обидными и оскорбительными для Божественнаго Величія... при чемъ ихъ зловонный запахъ продолжаетъ чувствоваться и понынѣ“.

Подобнаго рода недовѣрчивое, ни на чемъ неоснованное и презрительное отношеніе къ еврейскимъ привилегіямъ Длугоша, близко знакомаго съ порядками королевской канцеляріи и отлично знавшаго что такія привилегіи выдавались королевскими канцлерами крайне осмотрительно, понынѣ не обратило еще вниманія изслѣдователей и ученыхъ—тѣмъ болѣе, что явленіе это на первый взглядъ могло быть обусловлено общимъ ультрамонтанскимъ направленіемъ его труда. Но приведенный ниже документъ бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на это обстоятельство; онъ указываетъ на чисто-личный характеръ такого отношенія къ древнимъ еврейскимъ привилегіямъ, съ которыми Длугошу пришлось столкнуться въ собственномъ дѣлѣ и такимъ образомъ испытать на опытѣ ихъ силу и значеніе.

Упомянутый документъ, относящійся къ началу 1469 года, хранится въ богатомъ собраніи бібліотеки графовъ Пржездзецкихъ въ Варшавѣ, написанъ на латинскомъ языкѣ, на пергаментномъ листѣ. на поляхъ коего, съ правой стороны замѣтны двѣ образовавшіяся, на сколько можно предположить, при выдѣлкѣ

¹⁾ Выдержка эта, безъ объяснительнаго перевода, приведена была нами въ статьѣ: „Свѣдѣнія о евреяхъ въ Польшѣ въ польской справочной книгѣ 1787 года“, Евр. Стар., Вып. III, стр. 124—125.

самого пергамента, небольшія сплошныя скважины; документъ въ свое время снабженъ былъ печатью, подвѣшенною, по обычаю того времени, на пергаментной полоскѣ, но уцѣлѣла лишь послѣдняя, въ то время какъ слѣдовъ печати не осталось вовсе.

Описываемый документъ, былъ, впрочемъ, уже опубликованъ но въ довольно рѣдкомъ и мало распространенномъ изданіи собраній названной библіотеки, предпринятомъ Графомъ Константиномъ Пржездзецкимъ, въ Краковѣ, въ 1890 году; обработка изданія поручена была ученому Адаму Хмѣлю; оно озаглавлено слѣдующимъ образомъ: „Zbiór dokumentów znajdujących się w bibliotece Hr. Przewdzieckich w Warszawie, wydał Adam Chmiel, nakładem Hr. Konstantego Przewdzieckiego. Kraków 1890“ Въ этомъ изданіи содержащемъ 75 разныхъ документовъ, отъ 1239 до 1741 года, описываемый нами документъ, помѣщенный подъ номеромъ XX, на стр. 35—37, составляетъ къ тому же единственный документъ, въ которомъ упоминается о евреяхъ.

Документъ касается весьма интересной и трудно объяснимой по отношенію къ евреямъ юридической сдѣлки, совершенной 20 января 1469 года передъ краковскимъ еврейскимъ судьей, между краковскою еврейскою общиною и краковскимъ каноникомъ оганномъ Длугошемъ старшимъ, заключавшейся въ замѣнѣ еврейскихъ общественныхъ недвижимостей въ Краковѣ, а именно: двухъ синагогъ, двухъ кладбищъ, а также всѣхъ еврейскихъ госпиталей и плацовъ на принадлежащій Длугошу домъ и плацъ на Спиглярской улицѣ, въ коемъ въ это время помѣщена и устроена была синагога.

При чемъ по поводу послѣдняго дома и плаца на оборотной сторонѣ документа, гдѣ изложено краткое его содержаніе, имѣется написанное болѣе позднимъ почеркомъ слѣдующее поясненіе: „in quibus nunc sita est nova Bursa Alamanorum et Germanorum... ex his areis solvitur census annuus f. 4.24 mansionariis Ecclesiae Castelli Cracoviensis“, т. е.: „на коихъ нынѣ расположена коллегія Аллемановъ и Нѣмцевъ... изъ каковыхъ участковъ уплачивается ежегодно чиншъ въ размѣрѣ 4 флориновъ и 24 грошей мансіонаріямъ костела въ замкѣ Краковскомъ“.

Необходимо имѣть въ виду, что выраженіе документа „Johannes Dlugosh, senior“, т. е. Іоаннъ Длугошъ старшій, примѣняется вообще въ современныхъ документахъ для обозначенія историка Длугоша, въ отличіе отъ младшаго его брата, также краковскаго каноника, получившаго, согласно древне-польскому обычаю называть всѣхъ дѣтей однимъ именемъ, также имя Яна и обозначаемаго обыкновенно въ современныхъ документахъ: „Johannes Dlugosh junior“, т. е. Янъ Длугошъ младшій.

Относительно выраженія въ документѣ „prescriptio“—давность, слѣдуетъ замѣтить, что въ Польшѣ, по установившемуся обычаю и древнему праву, продающій недвижимое наследственное владѣніе обязанъ былъ ограждать и защищать покупателя отъ всякаго рода судебныхъ притязаній, предъявляемыхъ къ нему по поводу купленнаго имѣнія, въ теченіе трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе того покупатель, при осмотрѣ имѣнія, обязанъ былъ пригласить, черезъ вознаго, ближайшихъ сосѣдей для присутствованія при осмотрѣ. Въ случаѣ ихъ неявки и незаявленія ими притязаній по поводу границъ имѣнія въ теченіе трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ новый владѣлецъ долженъ былъ уже подтверждать приобрѣтеніе покупкою, путемъ свидѣтельскихъ показаній, до истеченія же этого срока—онъ находился подъ защитою давности.

Соотвѣтственное постановленіе по этому предмету приведено ниже, вслѣдъ за подлинникомъ документа, согласно указанію свода статутовъ Герборта подъ заглавіемъ: *Statuta Regni Poloniae in ordinem alphabeti digesta a Joanne Herburto de Fulstin tum succamerario Premisliensi et S. R. M. Secretario post vero Castellano Sanocensi et Capitaneo Premisliensi Pooppter exemplarium inopiam recussai Samoscii. Martinus Lenscius Typographus Academiae excudebat MDXCVII. Cum privilegio S. R. Maiestatis. p. 333.*

Принимая во вниманіе, что латинскій языкъ документа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполне понятенъ для неспеціалистовъ, предпосылаемъ латинскому его подлиннику дословное его почти содержаніе на русскомъ языкѣ.

Документъ снабженъ слѣдующимъ заголовкомъ:

1469 года января 20 дня въ Краковѣ. Іоганнъ Хамецъ изъ Добрановицъ судья, Іоганнъ писарь и подсудокъ евреевъ въ Краковѣ, а также мѣстные еврейскіе сеніоры, разрѣшаютъ, признаютъ и одобряютъ состоявшуюся между краковскими евреями и краковскимъ каноникомъ Іоганомъ Длугошемъ замѣну синагогъ, госпиталей и кладбищъ, на домъ и плацъ, находящіеся на Спиглярской улицѣ“.

Текстъ документа гласитъ:

„Мы Іоганнъ изъ Добрановицъ судья, Іоганнъ писарь и подсудокъ евреевъ въ Краковѣ, а также бывшіе къ этому времени сеніоры еврейскіе, а именно: Моисей, Яковъ, Нахамъ, Абрагамъ изъ Сандеча, Яковъ Ноль, настоящимъ объявляемъ всѣмъ кому слѣдуетъ, что къ намъ явились публично всѣ проживающіе въ Краковѣ евреи мѣстной общины: средніе старшіе и простые, при чемъ они сознали и заявили, что всѣ

плацы, на которыхъ находятся ихъ синагоги старая и новая, со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, какъ равно всѣ дома, называемые еврейскими госпиталями, расположенные вокругъ синагоги, также и кладбища при обѣихъ синагогахъ, находящихся въ Краковѣ, позади собранія ремесленниковъ и близъ дома краковского каштеляна, вельможнаго пана Іоганна изъ Тенчина, коими они обладали, владѣли и каковыя держали въ полной свободѣ и спокойномъ владѣніи, они по собственному побужденію, добровольно и обдуманно, для успѣха, упорядоченія и устроенія, а также для вѣщшей пользы и удобства, настоящею мѣною записью, вѣчною и ненарушимую, обмѣнили, замѣнили и въ дѣйствительности отчуждили краковскому канонику, преподобному господину Іоанну Длугошу старшему, въ замѣнъ на домъ и участокъ или плацъ, расположенный по Спиглярской улицѣ, позади костела святого Стефана, гдѣ нынѣ помѣщена и устроена еврейская синагога, каковыя домъ, плацъ и участокъ названный господинъ Іоганнъ Длугошъ, считаетъ, оцѣниваетъ и таксируетъ въ 200 копъ широкихъ пражскихъ грошей, по польскому исчисленію, полагая по 60 грошей въ копѣ.

„Настоящимъ они заявляютъ также, что указанные дома, плацы и кладбища обмѣниваютъ, замѣняютъ, отчуждаютъ и переуступаютъ упомянутому господину Іоанну Длугошу не по недоразумѣнію или неосмотрительности, но вполне обдуманно, уступая ихъ въ собственность его же; при чемъ они, какъ совместно, такъ и въ отдѣльности, обѣщаютъ и обязываются ограждать и защищать его по поводу упомянутыхъ синагогъ, госпиталей и кладбищъ отъ всякихъ затрудненій со стороны кого бы ни было, оборонять и оправдывать его во всякомъ судѣ и судебномъ присутствіи, сообразно тому, по сколько кого либо касается давность.

„Настоящую замѣну, переуступку и отчужденіе означенныхъ синагогъ, госпиталей и кладбищъ, со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, совершенную вышеуказанными краковскими евреями и ихъ общиною съ господиномъ Іоганномъ Длугошемъ старшимъ, я Іоганнъ, судья еврейскій, также Іоганнъ подсудокъ и писарь, совместно съ вышеназванными сеніорами евреевъ, разрѣшили, одобрили и признали, а также разрѣшаемъ, признаемъ и одобряемъ, въ удостовѣреніе чего къ настоящему подвѣшена наша печать. Дано въ Краковѣ, въ пятницу на канунъ ближайшаго праздника Агнессы Дѣвы, тысяча четыреста шестьдесятъ девятого года“.

Приведенный документъ чрезвычайно важенъ и въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ полную топографическую картину расположенія еврейскихъ общественныхъ недвижимостей и земельныхъ участковъ въ Краковѣ во второй половинѣ XV вѣка.

Подлинный документъ на латинскомъ языкѣ гласить:

1469. die 20, mensis Ianuarii, Cracoviae.

Johannes Chamiec de Dobranowice iudex, Iohannes notarius et subiudex Iudeorum in Cracovia nec non seniores ipsorum, commutationem sinagogarum, hospitalium et cimeteriorum per Iudeos Cracovienses cum Iohanne Długosz, canonico Crac. pro domo et area in platea Spiglarska sita factam, admittunt, acceptant et gratificant.

Iohannes Chamyecz de Dobranowycze iudex, et Iohannes notarius et subiudex Iudeorum, in Cracovia nec non seniores Iudei protunc existentes, videlicet Moyses, Iacob, Nacham, Abraham de Sandecz, Iacob Nol, significamus tenore presencium, quibus expedit, universis, quomodo ad nostram accedentes presenciam et conspectum omnes Iudei mediocres, seniores et infimi et universi ex communitate Iudeorum in Cracovia habitantium, recognoverunt et fassi sunt, quod sponte, benivole et animo deliberato et ad efficiendum, ordinandum, disponendum sua maiora commoda et profectus, omnes areas et loca, in quibus (sunt) eorum sinagoge, antiqua et nova, cum suis pertinenciis, item omnes domos, que hospitalia Iudeorum vocabantur, circumcirca sinagogam consistentes, item cimiteria utriusque sinagoge post collegium artistarum et prope domum magnifici domini Johannis de Thanczin, castellani Cracoviensis, in civitate Cracoviensi consistencia, que et quas ipsi Iudei in omni libertate et pacifica possessione habebant, tenebant et possidebant, venerabili domino Iohanni Długosh seniori, canonico Cracoviensi, pro domo et area sive loco in platea Spiglarska post ecclesiam sancti Stephani, ubi nunc sinagoga iudaica est sita et locata, quam domum, aream et locum ipsius sinagoge prefatus dominus Iohannes Długosh pro ducentis sexagenis latorum grossorum monete pragensis et numeri polonialis, sexaginta grossos in quamlibet sexagenam computando, taxant, extimant et ponderant, commutatione perpetua et irrevocabili cambiverunt, commutaverunt et effective deduxerunt, presentibus quoque prefatas areas, domos et cimiteria non per errorem aut improvide, sed de certa sciencia prefato domino Iohanni Długosh commutant, cambiunt, resignant et reformant cum omnibus attinenciis dictarum sinagogarum, hospitalium et cimeteriorum in eundem dominum Iohanem Długosh transferendo, promittentes et se astringentes tam communiter quam divisim atque in solidum prefatum dominum Iohannem Długosh ab omni impedimento occasione prefatarum sinagogarum, hospitalium et cimeteriorum cuiuslibet persone, secundum

quod ad quamlibet personam pertinet prescriptio ¹⁾, in quolibet foro et iure evincere et liberare. Commutationem autem re-signacionem et reformationem prefatarum sinagogarum, hospitalium et cimiteriorum cum suis pertinenciis per suprascriptos Judeos Cracovienses et eorum universitatem, prefato domino Johanni Dlugosh seniori factam, ego Johannes, iudex Judeorum, et Johannes subiudex et notarius, memorati cum senioribus Judeis suprafatis admisimus, acceptavimus et gratificavimus, ac admittimus, gratificamus et acceptamus per presentes. In cuius rei testimonium sigillum nostrum presentibus est subappensum. Datum Cracovie, feria sexta ante Agnetis virginis festum proxima, anno domini millesimo quadringentesimo sexagesimo nono.

Приведенный документъ можетъ побудить къ дальнѣйшимъ розысканіямъ и изслѣдованіямъ въ указанномъ нами направленіи

С. Гольдштейнъ.

¹⁾ Въ указанномъ выше сводѣ Герборта значеніе давности praescriptio разъяснено слѣдующимъ образомъ: „Praescriptio—Possessionis Praescriptio animadvertenda est et fines ostendendi. Ex consuetudine et Jure antiquo servabatur, quod vendens haereditatem, emptorem per tres annos et tres menses ab impetitione quacunque, ad interveniendum et liberandum eundem sit astrictus, sed quia multotiens contingit: quod vicini illius venditae haereditatis, quorum limites etiam ipsam contingunt, infra praefatos tres annos et tres menses emptorem vexare postponunt, donec venditor et intercessor Praescriptione emptionis evadat: qua elapsa, primo emptorem pro limitibus inquietare non formidant: licet venditioni presentes extiterint: Eapropter volumus et statuimus: Quod cum aliqua haereditas emptori per venditorem ostenditur, vicini illius haereditatis per emptorem cum [Ministeriali] evocentur: quod illi ostensioni intersint: Qui si venire noluerint sic per Ministerialem vocati: et infra tres annos et tres menses possessoriquaestionem pro Limitibus non moveant: tunc possessor, ad probationem suae emptionis cum testibus admittatur. Praescriptione quae tanti temporis juvabitur“.

Критика и библіографія.

Новая книга о хазарахъ.

Hugo Freiherr v. Kutschera, Die Chasaren. Historische Studie. Ein Nachlass. Wien 1910, 271 pp. 8°.

При всемъ снисхожденіи къ посмертному труду, автору коего не суждено было подвергнуть свой историческій этюдъ послѣдней научной повѣркѣ и полировкѣ—мы все-таки должны признать настоящій этюдъ научно несостоятельнымъ. Правда, авторъ не жалѣлъ труда и старательно собиралъ матеріалы по своему предмету, но не будучи специалистомъ по тѣмъ отраслямъ науки, которыя необходимы для рѣшенія затронутыхъ имъ вопросовъ, онъ пользуется устарѣвшими авторитетами и не знаетъ результатовъ новѣйшихъ розысканій.

Тезисы Кучеры заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Въ еврейскомъ народѣ антропологи отмѣтили два различныхъ типа: брахикефальные и брюнеты—въ южной Европѣ и Азіи, долихокефальные и блондины въ сѣверной Европѣ. Точно также замѣчаются различія въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ и въ произношеніи словъ древне-еврейскаго языка между такъ-назв. испанскими евреями (сефардимъ) и нѣмецко-польскими (ашкеназимъ). Съ другой стороны, разсуждаетъ Кучера, совершенно неизвѣстно, куда дѣвалось населеніе обширнаго хазарскаго государства, господствующій народъ коего, по мнѣнію означеннаго автора, былъ финскаго племени. Всѣ эти явленія, утверждаетъ Кучера, объясняются вполнѣ, если допустимъ двоякое расовое происхожденіе для еврейскаго народа, а именно: А. южно-европейскіе и азіатскіе евреи, прибывшіе изъ Палестины, суть потомки чисто-семитской расы. Б. Прародительницей же русско-польскихъ евреевъ служила финско-хазарская раса; изъ Руси и Польши эти послѣдніе евреи эмигрировали будто въ Германію, Австрію и Венгрію. Замѣтимъ мимоходомъ, что если бы мы допустили справедливость мнѣнія Кучеры, то пришлось бы сильно

пожалѣть о бѣдныхъ нѣмецкихъ антисемитахъ и объ ихъ подражателяхъ въ нашемъ отечествѣ, которые такимъ образомъ совершенно потеряли бы почву подъ ногами, такъ какъ семитовъ-то въ Германіи и у насъ совершенно нѣтъ, et la guerre finit à faute de combattants, какъ кончаются нѣкоторыя древне-французскія сказанія.—Вотъ краткій résumé книги Кучеры. Но все его зданіе построено на болѣе чѣмъ шаткихъ устояхъ, какъ мы укажемъ здѣсь вкратцѣ: Что касается различія въ преобладающихъ типахъ южныхъ и сѣверныхъ евреевъ, то такое же различіе замѣчается вообще между южными и сѣверными народами разныхъ расъ преимущественно индо-европейцевъ (арійцевъ).

Къ тому, авторъ, слѣдуя устарѣвшей теоріи 50-хъ гг. прошлаго столѣтія, обращаетъ исключительное вниманіе на цвѣтъ волосъ и кожи, на брахи, и долихокефальность, между тѣмъ, какъ труды послѣдующихъ антропологовъ, какъ напр., Брока, Топинара, Тэлора, Геккеля и др., въ особенности ихъ краніометрическія таблицы по измѣренію череповъ разныхъ народовъ и расъ, ясно показали, какъ мало можно основываться на означенныхъ признакахъ при опредѣленіи народа и расы. Различія же въ религіозныхъ обрядахъ между сефардимъ и ашкеназимъ объясняются исторически, а именно, отъ двоякаго источника, откуда эти евреи черпали религіозныя традиціи, изъ Палестины или изъ Вавилоніи, либо же изъ обѣихъ странъ вмѣстѣ.

Этой же причиной объясняется различіе въ вокализациі древне-еврейскихъ словъ инспанскими и нѣмецко-польскими евреями. Аналогичное явленіе наблюдается также въ Сиріи, гдѣ между восточными и западными сирійцами существуетъ такое же различіе въ вокализациі словъ сирійскаго языка.—Утвержденіе, что евреевъ сѣверной и средней Европы создала русско-польская эмиграція—также противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ; не только языкъ польско-литовскихъ евреевъ но и много именъ собственныхъ и семейныхъ (большей частью по названіямъ городовъ и мѣстностей), литургическіе гимны (піутимъ), религіозные обряды вообще, и историческія преданія—все это указываетъ, наоборотъ, что германскіе евреи, послѣ разгрома во время крестовыхъ походовъ, переселились въ Польшу и Литву, часто по пригла-

шенію королей и князей. На Руси, правда, были нѣкоторыя старинныя еврейскія поселенія, прибывшія изъ Греціи и греческихъ колоній, и съ Востока чрезъ Кавказъ и Хазарію, какъ мы доказали въ другомъ мѣстѣ; но они не были многочисленны, и за исключеніемъ единичныхъ личностей, отправившихся на западъ для ученыхъ и учебныхъ цѣлей, никуда не переселялись. Точно также и польско-литовскіе евреи до возстанія Украйны въ половинѣ XVII столѣтія не эмигрировали на западъ, а, наоборотъ, иммигрировали съ Запада.

На вопросъ нашего автора, куда дѣвалось населеніе Хазарскаго государства—также нетрудно отвѣтить, если устранить устарѣвшіе ошибочные взгляды. Такъ, нынѣ никто изъ компетентныхъ ученыхъ не сомнѣвается въ томъ, что коренные хазары были тюркскаго племени, а не финскаго, какъ думаетъ Кучера, а подчинили они другія тюркскія, финскія, славянскія и кавказскія племена, ограничиваясь обложеніемъ ихъ данью. По разрушеніи хазарской власти, всѣ эти племена подчинились побѣдителямъ или стали самостоятельными; сами же хазары, большинство коихъ были кочевниками, имѣли только три-четыре города и одну крѣпость, и по разрушеніи ихъ смѣшались съ другими тюркскими кочевниками южной Руси и Кавказа. Ошибочно также думать, что весь хазарскій народъ былъ обращенъ въ іудейство; на самомъ дѣлѣ, только царь, окружающіе его вельможи и большая часть господствующаго класса перешли въ іудейство, такъ что хазары-евреи занимали въ государствѣ приблизительно такое положеніе, какъ польскіе католики въ православныхъ областяхъ юго-запад. Россіи до казацкаго возстанія.

Нельзя, конечно, относиться строго къ мелкимъ погрѣшностямъ, неизбѣжнымъ у неспеціалиста въ ученыхъ вопросахъ, требующихъ разнообразныхъ историческихъ и филологическихъ познаній. Но издатели посмертнаго труда Кучеры сослужили его памяти плохую услугу, не подвергнувъ этого сочиненія для просмотра компетентному человѣку для устраненія до напечатанія грубыхъ промаховъ, какъ напр. утвержденія автора, будто обиталища хазаръ и ихъ столицы были не при устьѣ Волги, какъ свидѣтельствуютъ всѣ

современные арабскіе путешественники, а въ юго западномъ Кавказѣ (стр. 117—122), упуская изъ виду, что въ письмѣ самаго Хазарскаго царя Іосифа описывается положеніе его столицъ при рѣкахъ Итиль (древнее названіе Волги) и Бузанъ, впадающихъ въ Каспійское море; или когда авторъ принимаетъ на вѣру извѣстіе какого-то француза, (1845 г.), будто румынскіе евреи называютъ своего раввина древне-хазарскимъ титуломъ Хаганъ (стр. 261); не трудно догадаться, что извѣстіе француза безъ всякаго сомнѣнія произошло отъ исковерканнаго древне-еврейскаго слова хамъ (мудрецъ חכם), какъ титулуются раввины особенно у сефардимъ, и не имѣетъ ничего общаго съ хазарскимъ названіемъ царя.

Замѣчая, съ одной стороны, большое стараніе автора собрать множество матеріаловъ для рѣшенія поставленной себѣ задачи, а съ другой неудачный выборъ этихъ матеріаловъ и неправильное ихъ приложеніе—намъ невольно припоминается сказаніе Хазарскаго царя Іосифа о томъ, какъ его праотецъ царь Буланъ, бывший язычникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ревностнымъ богоскателемъ, видѣлъ во снѣ ангела, который сказалъ ему: „Твои намѣренія хороши, но твои дѣйствія несоотвѣтственны“ (בונתך רצויה אבל מעשיך אינם רצוים).

А. Гаркави.

Пятница 1619 года.

Письма пражских евреевъ къ евреямъ Вѣны, посланныя въ пятницу
22 ноября (15 Кислева) 1619 года.

Комиссія для обнародованія памятниковъ и изслѣдованій по исторіи евреевъ въ Нѣмецкой части Австріи (Deutsch—Oesterreich), образовавшаяся нѣсколько лѣтъ назадъ при Правленіи Вѣнской Общины, развиваетъ довольно успѣшную дѣятельность. Намъ пришлось уже отмѣтить въ этомъ журналѣ два интересныхъ памятника по исторіи евреевъ въ Вѣнѣ, имѣющихъ громадное значеніе для выясненія разныхъ моментовъ, особенно изъ области хозяйственной жизни вѣнскаго еврейства ¹⁾. Лежащее предъ нами новое изданіе Комиссіи „Jüdische Privatbriefe aus dem Jahre 1619“ ²⁾ представляетъ исключительный интересъ. Еврейская частная переписка начала XVII вѣка! Это совершенная новинка въ области историческихъ памятниковъ. Еврейскихъ писемъ мы имѣемъ весьма много. Литература респонсовъ состоитъ изъ отвѣтовъ раввиновъ на письменныя обращенія отдѣльных лицъ, цѣлыхъ группъ и общинъ. Сохранились письма еврейскихъ ученыхъ, какъ, напр., Маймонида къ своему сыну и почитателямъ, письма итальянскихъ и нѣмецкихъ раввиновъ, изъ которыхъ извѣстный гебраистъ Буксторфъ извлекъ формулы для своего труда „Institutio epistolaris hebraica“ (Базель, 1610), изданныя недавно письма многосторонняго литератора Лео Модены и мн. др. Но эти ученые писали съ цѣлью сдѣлать содержаніе своихъ писемъ извѣстнымъ болѣе или менѣе широкому кругу лицъ, что естественно заставляло авторовъ придавать соответствующее содержаніе и внѣшній характеръ своимъ письмамъ. Это скорѣе ли-

¹⁾ Ср. „Евр. Старина, 1909, кн. 11, 283 и сл.

²⁾ Nach den Originalen des K. u. K. Haus—, Hof— und Staats-archivs im Auftrage der historischen Kommission der israelitischen Kultusgemeinde in Wien, herausgegeben von D-r Alfred Landau und D-r Bernhard Wachstein. Mit acht Schrifttafeln, Вѣна и Лейпцигъ, 1911, XLIX+133+60.

тературные памятники, чѣмъ частныя письма, предназначаемыя исключительно для опредѣленныхъ лицъ, составленныя наскоро, простымъ слогомъ и безъ прикрасъ. Съ такими именно письмами мы встрѣчаемся въ настоящемъ изданіи. Они и даютъ возможность заглянуть глубже въ условія жизни даннаго періода, непосредственно ознакомиться съ мыслями и чувствами пишущихъ и окружающихъ ихъ лицъ.

Въ нѣмецкой исторіографіи въ послѣдніе годы обращено вниманіе на частную переписку. Историкъ культуры Г. Штейнгаузенъ обнародовалъ двухтомное изданіе „*Deutsche Privatbriefe d. Mittelalters*“ (1899, 1908). Слѣдуетъ привѣтствовать появленіе такого же рода памятниковъ и въ еврейской исторіографіи. Содержаніемъ исторіографіи должна стать жизнь народа во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Предъ нами 54 письма¹⁾, почти всѣ датированныя: пятница 15 Кислева (22 Ноября) 1619 года — лишь немногія составлены во вторникъ 12 Кислева, — такъ что мы вправѣ говорить о „пятницѣ 1619 года въ письмахъ пражскихъ евреевъ къ роднымъ и знакомымъ въ Вѣнѣ“. Интересъ этой коллекціи писемъ заключается преимущественно въ томъ, что изъ нихъ мы узнаемъ о настроеніяхъ и переживаніяхъ, горѣ и радости, чаяніяхъ и опасеніяхъ, надеждахъ и смутныхъ предчувствіяхъ большого числа лицъ въ одинъ опредѣленный моментъ; только онъ одинъ рисуется намъ въ яркомъ свѣтѣ; то, что случилось до и послѣ этого момента, остается во мракѣ неизвѣстности. Сбылись ли надежды и чаянія пишущихъ, осуществились ли ихъ опасенія?... „Лишь старые надгробные камни Вѣны и Праги свидѣтельствуютъ о томъ, что многіе изъ писавшихъ эти письма вскорѣ перестали надѣяться и опасаться...“ Эти письма не дошли до адресатовъ, благодаря чему они и сохранились для послѣдующихъ поколѣній. Это было въ началѣ тридцатилѣтней войны. Письма были, повидимому, перехвачены военнымъ отрядомъ, а потомъ, неизвѣстно какимъ путемъ, очутились въ придворномъ и государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ, гдѣ хранятся до сихъ поръ.

Письма принадлежатъ лицамъ разнаго пола, возраста, соціальнаго положенія и умственнаго развитія. Наряду съ извѣстными

¹⁾ По номерамъ въ коллекціи 46 писемъ, но подъ №№ 3, 6, 7, 8, 18, 20, 24 и 45 имѣются по 2 письма, (А и В) принадлежащія членамъ семьи и отправленныхъ вмѣстѣ.

учеными и дѣятелями, какъ Іомъ Тобъ Липманъ Геллеръ, авторъ „Тосафотъ Іомтобъ“¹⁾, врачъ Ааронъ Маоръ Катанъ Лудерна²⁾ и другими менѣе извѣстными учеными, выступаютъ лица изъ средней массы населенія Праги (купцы, заимодавцы, учителя, мясники, общинные служащіе и т. д.). Рядъ писемъ принадлежитъ женщинамъ, которыя не всѣ сами писали, а пользовались услугами писца. Не лишены интереса немногія письма юношей и молодыхъ дѣвушекъ. Одно лишь письмо (№ 44) носитъ офиціальныи характеръ³⁾—обращеніе Пражскаго секретаря къ Аврааму Флешу, близко, повидимому, стоявшему къ Правленію вѣнской общины; оно и можетъ служить образцомъ тогдашняго ерейскаго канцелярскаго стиля.

Содержаніе писемъ въ высшей степени разнообразное. Каждая фраза характерна для ознакомленія съ тогдашней жизнью. Особенно ярко проявляются любовь и уваженіе къ занятію Торой. Трогательны напоминанія родителей своимъ дѣтямъ объ обязанности посвятить этому священному дѣлу всѣ мысли, все свое существо. Нѣкій Давидъ, сынъ Менахема Клаппцимеръ,⁴⁾ внушаетъ своему внуку Залману заниматься усердно, ибо онъ платитъ учителю 9 гульденовъ въ семестръ, что не по его средствамъ. Другой, нѣкій Соломонъ Ауэрбахъ, умоляетъ сына Пинхаса слѣдить за занятіями младшаго брата Мойсея, а къ нему самому, отецъ обращается со словами: „Liber son Mosche, bit dich, gedenk in ein seliche Zeit, das man nit aus noch ein kan, dich ein wenig geniten“⁵⁾ bist nun gros genug, las dich denken, bist in Polen, mus man auch auf der bank ligen, un ein

¹⁾ См. Евр. Энциклопедія, т. VI; Kaufmann, Die letzte Vertreibung d. Juden aus Wien, 1889, 15 и сл.

²⁾ Укажемъ на неточность въ введеніи къ письмамъ, въ общемъ весьма цѣнномъ. Здѣсь ошибочно сказано, будто письмо № 43 не частное, а офиціальное обращеніе секретаря пражской общины къ вѣнской общинѣ. Между тѣмъ, письмо № 43 адресовано пражскому еврею, находившемуся тогда въ Вѣнѣ, съ просьбой вступить въ переговоры съ вѣнскимъ общиннымъ правленіемъ.

³⁾ Ibidem, стр. 25. Лудерна обладалъ также значеніями по раввинской письменности.

⁴⁾ Наименованіе Klappzimmer или Klappzimmerer по мнѣнію Popper'a (Aus Inschriften d. alten Prager Judenfriedhofs, Zeitschrift für Gesch. der Juden in Deutschland, V, 370) означаетъ музыканта, быть можетъ, игравшаго на барабанѣ и колокольчикахъ.

⁵⁾ Неумоимо трудиться или стараться, ср. стр. 120—23.

mal essen, ein mal nit. Drum sich: leren un schreib, ge nit spazieren“.

Наиболѣе характернымъ является письмо (№ 3) нѣкоего Ханоха Гаммершлага къ сыну Аарону, недавно женившемуся и проживавшему тогда въ домѣ тестя въ Вѣнѣ. Старикъ Гаммершлагъ простой еврей, не обладавшій, повидимому, большими познаніями въ еврейской письменности, занимался ссудными операціями. Но его уваженіе къ занятіямъ Торой безъ всякихъ практическихъ цѣлей (תורה לשמה) — типичное явленіе въ тогдѣшнемъ еврейскомъ обществѣ. Онъ упрекаетъ сына, начавшаго заниматься кредитными операціями и потерпѣвшаго сразу убытки, что (му слишкомъ рано думать о дѣлахъ, о которыхъ самъ Гаммершлагъ-отецъ презрительно отзывается — „mischkeln“ (вѣроятно отъ еврейскаго schekel и „drumeln“¹⁾) — пусть онъ лучше изучаетъ Тору. Отецъ жалѣетъ, что послалъ сына въ Вѣну; онъ довѣрился тестю, который обѣщалъ ему заниматься съ Аарономъ; теперь же, узнавъ, что Ааронъ пренебрегаетъ Торой, отецъ желаетъ взять его обратно въ Прагу, гдѣ хочетъ нанять для него лучшаго учителя, ибо заниматься дѣлами онъ успѣетъ всегда. Тѣмъ не менѣе онъ даетъ сыну разные совѣты, какъ выпутаться изъ неудачнаго дѣла.

Имѣть ученаго зятя считалось большой честью для всей семьи, и въ подлежащихъ письмахъ разсказывается не мало интереснаго о томъ, какими средствами старались заполучить такого ученаго юношу: пользовались, между прочимъ, международными торговыми связями. Съ какимъ удовольствіемъ пишетъ упомянутый Ханоха, что его племянница стала невѣстой сына знаменитаго Іоеля Сиркисъ (Bach). Уваженіе передъ ученымъ велико, онъ и заочно титулуется „рабби“. Родители преклоняются передъ учеными сыновьями и обращаются къ нимъ съ восторженными и напыщенными привѣтствіями.

Вообще поразительно обиліе титуловъ и степеней среди тогдашнихъ евреевъ, жившихъ въ гетто, не пользовавшихся признаніемъ со стороны христіанскаго общества, — они вознаграждали себя за обиду взаимнымъ вѣжливимъ и почтительнымъ обращеніемъ. Въ письмахъ мы встрѣчаемся съ различными категоріями лицъ, среди которыхъ не всѣ ученые, и это отличаетъ настоящую кор-

¹⁾ См. стр. 120, гдѣ объяснено это странное выраженіе.

респонденцію отъ переписки между собою лицъ, равныхъ по учености (какъ напр., раввиновъ и литераторовъ).

Занятіе Торой, въ которомъ соединены любовь къ умственному труду и сознаніе важности религіознаго долга, является утѣшеніемъ для общества, жившаго въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, о чемъ достаточно часто свидѣлствуютъ настоящія письма. Мы узнаемъ о неудачныхъ ссудныхъ операціяхъ, о задержкахъ въ платежахъ, въ виду наступившей войны; ярко рисуется положеніе лицъ, лишившихся заработка и предоставленныхъ милости родныхъ. Время было тревожное. Въ Прагѣ чуть не произошелъ еврейскій погромъ. Очень живо описываетъ это событіе, а также свое несчастное положеніе нѣкая Сарель въ письмѣ къ своему мужу Лебъ Сарель Гутману ¹⁾.

„Ich dank *G(ott)* *g(lobt)* *s(ei)* *e(r)* ²⁾, as ich dir neiert kan schreiben vor grausen viel schreiben, as ich het zu schreiben kan ich nischt schreiben, vor wegen mir ein *Bedrängnis* ³⁾ sein augestanden mit ⁴⁾ as schier ein ein lauf ⁵⁾ is esen, gwe in unseren Gassen ⁶⁾, is as in der *Tempelzerstörung* ⁷⁾ zugegangen, was sol ich dir vil schreiben der von, ich mein bist klug genugen, lang mit lip, kanst dir wol vorstellen ⁸⁾ o, wie es zn gêt in aso ein Zeit. Nu mir sein gerettet ⁹⁾ gewrn der von mir haben gewis das *Verdienst der Vorfahren* ¹⁰⁾ genosen un besonders mir is es ein der schrecklich wesen gewesen, hab kein Pfennig zu zeren, wen es mir *G. b.* ¹¹⁾ selt das *Leben* ¹²⁾ an treffen es leit einer den andren izundert nischt geren in einer hant auf der ander, hab ich welen was zu zeren haben, hab ich wol musen *doppelt Pfänder* ¹³⁾ geben un gute Zinsen. Was sol ich ton? Hab mich gewunden as ein wurum, e ich hab welen epes ver setzen in aso ein Zeit. Das sprich wort is: naut brecht eisen, gê es wie es wil. Man mus esen, das ge-

¹⁾ Мы цитируемъ по нѣмецкой транскрипціи письма. Выраженія, напечатанныя курсивомъ, представляютъ нѣмецкій переводъ древнееврейскихъ словъ. Мы приводимъ въ примѣчаніяхъ первоначальный текстъ.

²⁾ צרות. ³⁾ חש"י.

⁴⁾ Damit (этимъ). ⁵⁾ Auflauf.

⁶⁾ ברחובותנו. ⁷⁾ חרבן.

⁸⁾ נצול. ⁹⁾ משיג זיין.

¹⁰⁾ ח"י. ¹¹⁾ זכות אבות.

¹²⁾ כפל. ¹³⁾ משכנות. ¹⁴⁾ תיות.

sind wil esen, sei man karg, wie man wil, man mus fort gelt haben, hab ehig gewart, hab jo ver meint selst haben ein *Darlehensgeschäft* ¹⁾ gemacht mit dem *Schwiegersohn* ²⁾ des Simcha CZ oder mit R. Moses Sohn des Joel Chasan ³⁾. izundert hab ich gesehn as es nit is, hab wol musen *versetzen* was ich gehabt hab, *Gott g. s. e.* ⁴⁾ sol mir noch weiter helfen mit ernen. Was sol man ton? der *Reiche* un der *Arme* ⁵⁾ sein izundert alles gleich, gewint einer so vil als der ander; gleib mir drum: nach mein kop nach wintsch ich dir izundert auf der zeit nit ein her, ich mein, bist wol selbert klug genugen der zu, man derf dich nit vil lernen ⁶⁾, neiert wen ich neiert her, wo du in *der Welt* ⁷⁾ bist, as ich neiert her von dir un das ich kan ale woch briw haben von dir un das ich weis, as du auf ein gute stel bist. den hie kan man izundert nischt ton bis es *G. g. s. e.* wert bald besser machen *Zum Guten* ⁸⁾.

Небезызвѣстный въ еврейской литературѣ Израиль Мордехай Лифшюцъ, въ виду несостоятельности его должниковъ, лишился всего состоянія, и единственнымъ средствомъ спасенія явилась бы продажа дома, и вотъ сынъ его Израиль Иссерль обращается къ своей тетѣ въ Вѣнѣ съ просьбой повліять на богатаго старшину общины Авраама Эттингена, чтобы онъ далъ взаймы отцу 200 гульденовъ подъ обезпеченіе „sârisen“ (одно изъ немногихъ славянскихъ словъ въ текстѣ нашихъ писемъ). Упомянутый выше Соломонъ Ауэрбахъ тоже жалуется на плохія времена—aber kein *Lebensunterhalt* is durch aus nit, и проситъ своего сына Пинхаса заботиться о своемъ братѣ Моисей, пока онъ — отецъ — опять будетъ въ состояніи посылать Моисею деньги.

Жалоба на недостатокъ въ заработкѣ, на то, что все дорого и что положеніе неизвѣстно, затрагиваются въ цѣломъ рядѣ другихъ писемъ. Любопытно, что книги (еврейскія), которыя вообще были очень распространены, принимались въ качествѣ денегъ. Наряду съ ссудными операціями пражскіе евреи занимались также торговлей, (напр., кожей). Благодаря военнымъ событіямъ торговые письма не получались во время или совсѣмъ пропадали, товары залеживались по дорогѣ. Многіе не рѣшались отправляться

¹⁾ חתן. ²⁾ חילוף.

³⁾ חתן. ⁴⁾ חשׁו״י.

⁵⁾ עולם. ⁶⁾ עני עושר. ⁷⁾ Учить.

⁸⁾ לטובה.

въ путь, опасаясь за свою жизнь. Одного молодого человека изъ известной семьи Валлерштейнъ ограбили до нага, другой пражскій еврей попалъ въ плѣнъ и пражская община обратилась къ вѣнской общинѣ съ просьбой уплатить за него выкупную сумму, взаменъ чего она возмѣститъ общинѣ въ Колинѣ деньги, предназначенныя для нея вѣнской общиной. Сильно пострадали евреи въ Никольсбургѣ во время нападенія на городъ.

Въ Прагѣ, а еще сильнѣе въ Вѣнѣ, свирѣпствовали чума и другія болѣзни. Лицъ, приѣзжавшихъ изъ Вѣны, не впускали въ Прагу. Всѣ эти событія живо изложены въ письмахъ, и получаютъ бытовыя картинки, рисующія кромѣ того настроеніе и переживанія корреспондентовъ. Врачъ Маоръ Катанъ Лущерна упрасиваетъ свою семью остаться долѣе въ Вѣнѣ, въ виду бурнаго времени и эпидемій, а сестра его, увѣщевая свою невѣстку не думать о поѣздкѣ, распространяется болѣе подробно о всѣхъ неудобствахъ и непріятностяхъ, связанныхъ съ такимъ путешествіемъ ¹⁾: *ach Kränken mir sich ser, as du dich u. v. S. v. must aso geniten, aber was sol man machen? ich hab mein bruder sehr gekipelt, wie man in hat auf genommen, er sol dich her nemen, hat er ganz und gar nit gewelt, ich hab imer zu gesagt: wie wiltu on weib hausen, aber hiz is mein Meinung gar nit, un ach die ganz Familie, got behit sie, sein ach der wider in ein selchen unruhigen Zeit es zit ein wek, wer*

¹⁾ Мы приводимъ это письмо въ оригинальномъ текстѣ, такъ какъ оно одно изъ немногихъ, написанныхъ собственноручно женщиной, а не писцомъ.

אך זיין מיר זיך מצער אז דוא דיך בעו"ה מוזט אזו גנומן אביר ואז זאל מן שאן איך האב מיין ברודר גאר זער גקיפלט וויא מן אין האט אויף גינומן ער זאל דיך דערנעמן האט ער כלל וכלל נישט גיוועלט איך האב אימר צו גיזאגט וויא ווילטו אן א ווייב הייזען אביר הייז איז מיין דיעה גאר נישט אונ' אך די גנץ משפחה גאט בהיט זי זיין אך דר ווידר אין איין זעלבין רעש עס ציט איין וועק ווער גאר קאן זיין גזינד פר שיקן נון וויא ווילטו מיין הערץ ליבה שוועגען דיר אין איין זין נעמן אין איין זעלבין ויעזון הער צו קומן איינש מן לאזט נישט איין דיא לייט די דא זיין הער קומן ביילה איר טאכטער אונ' דיא מיט איר זיין קומן דיא האט מן נישט וועלן איין לאזן האבן מוזן ג' ימ' אויף דען בית חיים ליגן דר נאך האבן זיא גאר איין וועק מוזן ציהן אונ' דז אנדיר מיט איין גזינד אונ' מיט קינדער אויף דען וועג לגן אך האט מן זיא בגול[ט] מן האט זיא וועלן גאר אין לעגן פירן איז גאר פיל דר פון צו שרייבן.

nor kan sein gesind ver schiken. Nun, wie wiltu, mein herz libe schwegerin, dir in ein sin nehmen, in ein solchen wesen her zu kumen? eins: man last nimant ein, die leit, die da sein her kumen: Bêle ir tochter un die mit ir sein kumen, die hat man nit welen ein lasen, haben musen 3 Tage auf den Friedhof ligen, der nach haben sie gar ein wek musen zihen. Un das ander: mit ein gesind un mit Kinder auf den weg lêgen. Ach hat man sie *beraubt*, man hat sie welen gar in leger figen, is gar vil dar von zu schreiben.

Несмотря на всё эти невзгоды, авторы писемъ не отчаиваются. Они проникнуты оптимизмомъ: положеніе измѣнится къ лучшему. Ихъ укрѣпляетъ вѣра въ Божій Промыслъ.

письма ожидались съ нетерпѣніемъ, и горькіе упреки посылались тѣмъ, кто мало или рѣдко писалъ. Политическія новости въ Прагѣ, находившейся тогда въ центрѣ бурныхъ событій войны, живо интересовали евреевъ, и они спѣшатъ подѣлиться ими со своими родными, передавая, что узнали и видѣли. Они интересуются также событіями, происходившими за предѣлами Праги. Одна корреспондентка сообщаетъ слухъ о завоеваніи баварскимъ герцогомъ города Нердлингена, и убѣдительно проситъ подтвержденія этого факта. Въ другомъ письмѣ точно указано, когда происходила коронація пфальцскаго Курфюрста въ Прагѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы находимъ интересное замѣчаніе о томъ, что нельзя свободно посылать нѣмецкія письма въ виду положенія, въ которомъ находятся „теперь страны“, и пишущій эти строки проситъ прислать таинственные знаки: въ нѣкоторыхъ письмахъ, дѣйствительно, имѣются условные знаки, которые и остались нерасшифрованными.

Особенно любопытны письма такихъ выдающихся лицъ, какъ Липмана Геллера и Аарона Маора Катана. Авторъ „Tosafot Jom Tob“ въ письмѣ къ своей невѣсткѣ Эдель, составленномъ на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ, безъ всякихъ древне-еврейскихъ риторическихъ украшеній, весь занятъ заботой о выдачѣ дочери замужъ. Маоръ Катанъ, занимавшій видный постъ, какъ общинный врачъ, и имѣвшій большую практику среди евреевъ и христіанъ (изъ высшихъ классовъ общества), описываетъ своей женѣ на томъ же нѣмецко-еврейскомъ языкѣ, что обремененный практикой, онъ купилъ лошадь, на которой отправляется съ раннего утра къ больнымъ и что онъ едва успѣваетъ обѣдать. Его письмо дышетъ глубокой, любовью къ оставленной въ Вѣнѣ семьѣ, которая, повидимому,

испытывала непріятности со стороны родныхъ, что вызываетъ у Катана негодование: „das sol got der barmen, das man gar kein *Hilfsbereitschaft* ¹⁾ in der *Familie* ²⁾ nit sol sein, kein brüder, kein schwager, kein veter, kein muter, kein schwester nit mên ver handen, der einem um sein agenen gelt ein dinst selt ton, un lasen dich aso ganz mit meine kinder gën. Ein *Christ* ³⁾ mit ein *Juden* ⁴⁾ is mên antgegen kommend, got sol es derb (armen)“... Характернымъ является postscriptum, עיקר שכי „Суть я забылъ: sich, wen du aus gest, gë nit alein, besonders weil ich nit dorten bin. Las die leit nit dir nach rêden. We schalom“! (съ миромъ).

Далеко не исчерпавъ содержанія писемъ одной изъ пятницъ 1619 года, мы хотимъ лишь подчеркнуть ихъ значеніе для ознакомленія съ тогдашней общинной и домашней жизнью, экономическимъ положеніемъ, вопросами воспитанія и образованія, условіями заключенія браковъ и т. д. Такимъ образомъ, небольшая пачка писемъ, составленныхъ почти сплошь въ теченіе немногихъ часовъ (около 4 часовъ наступила уже суббота), освѣщаетъ ярче и полнѣе, чѣмъ груда актовъ, многообразную жизнь группы лицъ, общины, эпохи. Въ письмахъ, быстро набросанныхъ въ „историческую“ пятницу, отражаются полно и глубоко событія изъ общественно-политической, духовно-культурной и повседневной жизни—словомъ все то, что составляетъ содержаніе бытовой исторіи.

Не менѣе важна форма этихъ писемъ. Различно пишутъ ученый, дѣловой человекъ, бѣдный отецъ слуги, дающій сыну совѣты, какъ снискать расположеніе хозяевъ, дѣвочка-подростокъ, которая проситъ дядю прислать ей подарки, наконецъ, женщина, которая если и сама не пишетъ, даетъ полную свободу своей словоохотливости. Древне-еврейскихъ писемъ всего 4, изъ нихъ одно официальное письмо пражскаго общиннаго секретаря. Характернымъ для стиля этихъ, какъ и подавляющаго большинства нѣмецко-еврейскихъ писемъ,—обиліе типичныхъ формулъ, почти совпадающихъ въ обѣихъ группахъ писемъ. Несомнѣнно, эти формулы заучивались дѣтьми при урокахъ писанія. Образцомъ можетъ служить письмо одного мальчика (№ 4 коллекціи), кото-

¹⁾ גמילות חסד.

²⁾ מש פהח

³⁾ גוי.

⁴⁾ יהודי.

рый обнаруживает знакомство со всеми правилами составления письма, но не въ состояніи наполнить его содержаніемъ. Нѣмецко-еврейскія формулы весьма похожи на формулы нѣмецкихъ писемъ въ XVI вѣкѣ и ранѣе. Нѣмецко-еврейскія вступительныя формулы встрѣчаются только въ письмахъ женщинъ или отъ ихъ имени; въ письмахъ же мужчинъ лишь тогда, когда они обращены къ женщинамъ. Формулы гласили: vil (или tausend) guter seliger gebenschter freidiger jar, di solen dir alle weren war, auf dein heipt un har ¹⁾ или: vil freid un nimer kein leid, sol sein bereit zu ale Zeit и. т. п. Рѣже начало письма: un gesund שלום или vil שלום zu aler zeit un stund. Только два письма нѣкоей Нехамы, дочери Якова Пршибрама (№ 25 и 23) начинаются словами חיים ושלום וכל טוב (жизнь и миръ и все доброе). Послѣ пожеланій обозначается адресатъ: zu hand meiner lieben mum, meiner her, en liben schwester и т. п. die frum un die klug, затѣмъ имя, у мужчинъ съ сокращеннымъ титуломъ: כבוד הר"ר (kebod harab rabbi), כבוד מ"ר (kebod maalat rabbi) הר"ר (harab rabbi). А по перечисленіи адресатовъ и ихъ дѣтей прибавлено еще: un zu als was enk (вамъ) lib is; иной разъ и тутъ принято писать эти слова въ приѣмѣ: zu meinen harzigen schwester kindern die fromen un die bidern mit al iren glidern. Письма мужчинъ начинаются обыкновенно однимъ словомъ S'chalom или же въ соединеніи съ другими לאהובת שלום и т. п. Другія письма начинаются приѣмованными строками, въ которыхъ выражается извиненіе за краткость письма: מפני הכנסה כלל אקצרה מלה. Въ такой же формѣ сообщается о здоровьи пишущаго и выражено пожеланіе здоровья адресату: ראשית הדברים בריאות החיים והשלום חנני מלך הנעלם מאדתי ג"כ כל יתעלד или בריאותנו הישרה и т. п. ²⁾ Фактическое содержаніе писемъ начинается со словъ ר"ד (Reschith dabar) или von ersten или sei wissen, а всякому новому сообщенію предшествуютъ: שוב или men sei wissen das или belangt das. Закон-

¹⁾ Такую формулу находимъ уже въ письмѣ жены извѣстнаго р. Иссерлейна Шондлинъ (XV вѣкѣ): gar vil guter jor di musen dir werden war, wi du gut bist, см. Lequet joscher Иосифа б. Моисей, изд. Фреймавомъ, Берлинъ, 1904, II, 19, а также Gudemann, Geschichte des Erziehungswesens etc. III, 101.

²⁾ Любопытно, что у Buxtorf'a, Institutio epistolaris hebraica (Базель 1610), гдѣ использованы письма нѣмецкихъ и итальянскихъ раввиновъ за предшествующія 30 лѣтъ, не встрѣчаются такіе обороты.

чивается суть письма словами: ich weis dir weiter или auf der zeit niks mên или kein פירושים (новости) zu schreiben или просто nischt mên. Заключительные обороты разнообразны: damit behits enk got frie un spot vor aler nod, das bit un begert (die enk hot lib un wert) enker schwester; (весьма часто) vil guts или (vil שלום un) vil (hundert или tausend) gesunde или guter (gebenschter) freidiger jar von mir или von dein weib; got sol dich lasen frisch un gesund bleiben (bis zu hundred jaren); leb frisch un gesund zu langen jaren. Древне-еврейскій оборотъ слѣдующій: שלום מא"ה ומני הרכל.

Подпись всюду древне-еврейская. Женщины не обозначаютъ себя женой такого-то, и не фамиліи прозвищемъ мужа, а дочкой такого-то, съ прибавленіемъ титула, если отецъ былъ ученымъ (лишь одна подписалась Resel Landau). Такъ какъ большинство писемъ отправлялось второпяхъ, въ виду наступленія субботы, то это и мотивируется корреспондентами: kan nit mer schreiben, is ערב שבת или *der Bote* ¹⁾ wil mir awek gen или *der Bote* ²⁾ hat nicht welen saumen. Мясникъ Барухъ Рейнигеръ (Reiniger соотвѣтствуетъ еврейскому מנקר) пишетъ: „hat mir nischt fir ibel mein ibel schreiben, in meiner eil geschriben in *Fleischmarkt* ²⁾ in der kram. Изъ писемъ, принадлежащихъ мужчинамъ, датирована половина, а изъ женскихъ писемъ—лишь одно. Число помѣчено въ концѣ писемъ; указанъ преимущественно шестой день недѣли רודו, съ числомъ — 15 Кислевъ (ט"ו כסלו) или безъ него и съ указаніемъ отдѣла изъ Библии, который читался въ эту недѣлю (Waischlach); вмѣсто самого отдѣла часто приводится фраза изъ него. Въ концѣ слѣдуютъ привѣты: gris al unsere libe heipt; ales was enk (вамъ) lib is un nach mir frekt и т. п.

Мы привели рядъ особенностъ внѣшней формы, отсылая тѣхъ, кто пожелаетъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, къ самимъ письмамъ и къ введенію, гдѣ обстоятельно описаны, кромѣ способа адресованія писемъ, также ихъ форматъ, печать и условія пересылки. Сходство слога нашихъ писемъ съ болѣе старымъ нѣмецкимъ слогомъ доказано во введеніи на основаніи сравненія ихъ съ изданной Штейнгаузенемъ перепиской нюренбергскаго купца Балтазара Паумгартнера съ женой (отъ 1582 до 1598). Вахштейнъ и Ландау, издавшіе настоящія письма, сдѣлали по-

¹⁾ ברצח, שלי.

пытку хоть бы отчасти изслѣдовать языкъ писемъ съ лингвистической точки зрѣнія. Они указываютъ на незначительный процентъ древне-еврейскихъ оборотовъ, исключая титуловъ, евлогій и постоянныхъ формулъ,—отъ 2 до 8 процентовъ, въ то время, какъ въ мемуарахъ Глюкель фонъ Гамельнъ (1691—1719) мѣстами можно констатировать до 20 процентовъ древне-еврейскихъ выражений. Изслѣдователь развитія жаргона найдетъ здѣсь не мало цѣнныхъ указаній. Кромѣ спеціальнаго глоссарія, гдѣ объяснены необычныя въ нынѣшнемъ жаргонѣ выраженія, издатели посвятили языку писемъ около 20 страницъ введенія.

Письма изданы весьма тщательно. Для объясненія именъ, учреждений, обычаевъ и событій привлечена громаднѣйшая литература по исторіи и фольклору евреевъ XVII вѣкѣ. Иныя изъ многочисленныхъ примѣчаній къ письмамъ представляютъ собою изслѣдованія важныхъ и иной разъ крайне запутанныхъ вопросовъ. Для исторіи еврейскихъ семействъ той эпохи примѣчанія эти составятъ неоцѣнимый источникъ.

Письма изданы въ оригинальномъ текстѣ со многими факсимиле на особыхъ таблицахъ (воспроизведены также 11 печатей); нѣмецко-еврейскія—въ нѣмецкой транскрипціи со знаками препинанія, которыхъ нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ, и съ переводомъ древне-еврейскихъ оборотовъ на нѣмецкій языкъ; древне-еврейскія же письма приведены цѣликомъ въ переводѣ. Примѣчанія сдѣланы къ транскрибированнымъ или переведеннымъ текстамъ писемъ; къ нимъ составленъ именной и предметно-географическій указатель. Слѣдовало бы только передъ каждымъ письмомъ помѣтить сверху число каждого письма, насколько возможно было установить его. Для большинства писемъ это была пятница—22 Ноября 1619 года.

М. Вишницеръ.

Посмертный трудъ Матіаса Берсона.

Bersohn Mathias. Dyplomatarjusz, dotyczący żydów w dawnej Polsce, na źródłach archiwalnych osnuty (1388—1782). Dzieło pośmiertne, wydane staraniem rodziny. Warszawa 1910, str. 266+XXXVII.

Величайшее несчастье для автора умереть до выхода въ свѣтъ послѣдняго труда, т. е. оставить рукопись не вполне готовою для печати въ убѣжденіи, что семья уже озаботится ея напечатаніемъ. Такое несчастье постигло извѣстнаго собирателя еврейскихъ древностей и ревностнаго изслѣдователя еврейской исторіи М. Берсона. Симпатичное и въ высшей степени интеллигентное лицо его смотритъ съ портрета, приложеннаго къ книгѣ, какъ бы желая сказать, что у автора были самыя лучшія намѣренія, но смерть пресѣкла нить его жизни и онъ нисколько не повиненъ въ томъ, что издатели такъ напечатали его трудъ.

Берсонъ вообще никогда не отличался глубиной; усердный собиратель, человекъ состоятельный, онъ не обладалъ достаточной исторической и архивной подготовкой, слишкомъ мало былъ знакомъ со средневѣковою латынью и древне-еврейскимъ языкомъ. Вслѣдствіе того его произведенія нѣсколько поверхностны и недостаточно разработаны, какъ, напримѣръ, монографіи „Tobiasz Kohn, (1872) lekarz polski z XVII wieku“ или небольшой біографическій сборникъ „Słownik biograficzny uczonych Żydów polskich XVI, XVII i XVIII“ (Варшава, 1906). Къ болѣе цѣннымъ произведеніямъ Берсона слѣдуетъ отнести работы о древнихъ деревянныхъ синагогахъ въ Польшѣ.

Берсонъ поручалъ списывать для себя документы, касающіеся евреевъ, почти во всѣхъ польскихъ архивахъ и собирался издать эти весьма цѣнные для изслѣдователей прошлаго документы. Настоящій дипломатарій, содержащій регесты еврейскихъ документовъ, находящихся въ коронной метрицѣ, долженъ былъ составить первый томъ. Это—грамоты польскихъ королей съ 1388—1782 г., разные судебные акты, привилегіи, декреты, и вообще все, касающееся отношенія королевской власти къ евреямъ. Не смотря на то, что въ средневѣковомъ обществѣ юридическія нормы часто не выходятъ изъ области теоріи, а въ дѣйствительности отношенія регулируются самой жизнью, слѣдуетъ все же признать, что собраніе грамотъ, обнимающихъ

отношеніе королей къ евреямъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ, можетъ бросить свѣтъ на исторію евреевъ въ Польшѣ.

Но все-таки разсматриваемое изданіе насъ не удовлетворяетъ по слѣдующимъ причинамъ. Для кого предназначена эта книга: для изслѣдователей, или для широкихъ круговъ общества? Авторъ утверждаетъ, что для общества: „Два соображенія, говоритъ онъ, научно-историческое и общественное, побудили меня поторопиться съ выпускомъ въ свѣтъ хотя бы одной части этого труда, который представляетъ однако самостоятельное цѣлое“. Тутъ-то и кроется ошибка. Регесты издаются не для временныхъ публицистическихъ цѣлей, онѣ должны служить задачамъ историческихъ изслѣдованій. Между тѣмъ авторъ хотѣлъ этимъ трудомъ дать какъ будто отвѣтъ „на извѣстныя обвиненія, и вмѣсто словесной борьбы, вмѣсто безполезной полемики, которая всегда раздражаетъ и никогда не убѣждаетъ ни одной изъ сторонъ, вмѣсто оправданья, взаимныхъ жалобъ и упрековъ, недостатковъ и слабостей“ издалъ настоящія регесты. Что можетъ узнать простой читатель изъ этой книги? Онъ узнаетъ, что въ Польшѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, евреи обвинялись въ ритуальныхъ убійствахъ, и что короли польскіе, подобно папамъ и императорамъ, выступали противъ этого. Онъ узнаетъ также, что евреевъ за такія обвиненія изгоняли изъ разныхъ городовъ (Сандомиръ 1712 г.), что большое число польскихъ городовъ обладало привилегіей *de non tolerandis Judeis*, что евреямъ воспрещено было проживание въ Мазовіи и въ столицѣ Рѣчи Посполитой. Онъ узнаетъ, что они должны были жить на отведенныхъ имъ улицахъ и что мѣщане отъ души ихъ ненавидѣли. Думалъ ли Берсонъ, что эти свѣдѣнія въ состояніи потушить пламя, разгорѣвшееся нынѣ въ Царствѣ Польскомъ, что они смогутъ измѣнить сужденія о евреяхъ и еврейскомъ вопросѣ какъ самихъ евреевъ, такъ и ино-вѣрцевъ? Жаль, что автора нѣтъ въ живыхъ, наши вопросы должны остаться безъ отвѣта.

Регесты издаются исключительно для изслѣдователей, поэтому онѣ должны быть составлены по одной системѣ отъ начала до конца, а этого-то именно нѣтъ въ настоящемъ изданіи. Или печатается собраніе документовъ, либо регесты. Здѣсь же предъ нами смѣсь: немного документовъ, немного изложеній, немного заглавій. Выборъ ихъ настолько произволенъ и не-систематиченъ, что поневолѣ рождается вопросъ, чѣмъ руководствовался авторъ при этомъ изданіи.

Вторымъ недостаткомъ изданія является полное отсутствіе хронологіи; авторъ начинаетъ съ начала и въ номерѣ 309 (стр. 179) доходить до 1774 г., а съ номера 310 опять начинается 1682 г. и кончается ноябремъ 1782 года (349); потомъ слѣдуютъ два дополненія, изъ которыхъ первое (№ 351—385) обнимаетъ разные годы XVII столѣтія въ хаотическомъ безпорядкѣ, а второе заключаетъ разные пропуски отъ 1452—1450 г. Мы знаемъ, что

и къ книгамъ коронной метрики имѣются дополненія, что Вержбовскій въ своемъ *Matricularium etc.* въ концѣ каждого тома тоже приводитъ Appendix, но вѣдь онъ издаетъ регесты, на основаніи разныхъ актовыхъ книгъ, въ то время какъ Берсонъ издалъ акты, имѣющіе отношеніе къ одному лишь предмету.

Повидимому, издатель А. Краусгаръ не просмотрѣлъ рукописей, а прямо отдалъ ихъ въ наборъ. Оказалась масса опечатокъ, errata занимаютъ четыре страницы, три документа напечатаны двукратно; многія регесты были уже напечатаны въ III томѣ „Русско-еврейскаго Архива“ въ видѣ полныхъ документовъ. Правда, въ опечаткахъ и въ дополнительномъ разъясненіи Краусгаръ исправилъ многія ошибки.

Въ общемъ Дипломатарій Берсона не выдерживаетъ сравненія съ регестами Ароніуса, съ „Регестами и Надписями“, издаваемыми Евр. Истор.-Этнограф. Обществомъ въ Петербургѣ, или изданіемъ Бонди и Дворскій „*Zur Geschichte der Juden in Böhmen, Mähren und Schlesien*“¹⁾.

Однако, было бы несправедливо не воздать должнаго кропотливому и полезному труду, или утверждать, что работа автора непригодна и нежелательна на скудной почвѣ нашей исторіографіи. То, что книга могла бы быть издана лучше, не исключаетъ того, что она и въ настоящемъ видѣ полезна и послужить къ облегченію розысковъ еврейскихъ документовъ въ т. н. коронной метрицѣ. Въ этомъ большая заслуга Берсона. Надѣмся, что дальнѣйшія рукописи будутъ изданы съ большимъ стараніемъ и болѣе научно.

М. Балабанъ.

Профессоръ Т. И. Буткевичъ, Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ. Харьковъ, 1910, X+607+1+XIX стр.

Настоящее сочиненіе врядъ-ли внесетъ въ сознаніе общества правильное представленіе объ одномъ изъ самыхъ загадочныхъ явленій русской жизни, какое представляетъ собою необычайное развитіе сектъ, къ которымъ должны быть, въ частности, отнесены іудействующіе.

Эта книга проникнута тенденціями миссіонерской исторіографіи. При обзорѣ сектъ, развившихся подъ вліяніемъ еврейскаго міровоззрѣнія, авторъ не только не воспользовался всей литературой предмета,—онъ не имѣетъ понятія даже о капитальныхъ работахъ. Ему остались неизвѣстными и документы, опубликованные А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, и М. И. Соколовымъ въ сборникѣ „О ереси жидовствующихъ“ (Москва, 1902), „Псалтырь жидовствующихъ“, опубликованный М. Сперанскимъ (ib. 1907) и

¹⁾ См. отзывъ объ этомъ изданіи въ „Евр. Старинѣ“, 1909, 1 стр. 146—47. Ред.

друг. Авторъ не знаетъ также замѣчательныхъ работъ академика А. И. Соболевскаго, пролившихъ свѣтъ на литературу жидовствующихъ.

Довольно пространный очеркъ о іудействующихъ или жидовствующихъ начинается съ исторіи секты. Секта жидовствующихъ, по мнѣнію автора, имѣетъ свои глубокіе корни въ проявлявшемся еще въ апостольскомъ вѣкѣ стремленіи соединять христіанское ученіе съ воззрѣніями тогдашняго раввинизма (?) Въ средніе вѣка воззрѣнія эвѣонитовъ и назареевъ проповѣдывались на Западѣ. *Пропагандистами ихъ и защитниками были такіа лица, какъ Маймонидъ и Сальвадоръ*¹⁾ (курсивъ нашъ). Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, откуда онъ взялъ, что пропагандистами воззрѣній іудействующихъ сектъ въ средніе вѣка на Западѣ были ученый философъ и врачъ XII в. Моисей Маймонидъ и французскій врачъ и историкъ 19 в. Сальвадоръ, авторъ „Institutions de Moise et du peuple Hebreu“ (1829 г.) и „Jesus et sa doctrine“ (1838). Послѣ краткаго изложенія сущности (по „Просвѣтителю“ Іосифа Волоцкаго) и исторіи ереси жидовствующихъ, авторъ переходитъ къ современнымъ жидовствующимъ и излагаетъ (преимущественно по „Исторіи Министерства внутр. дѣлъ“ Н. Варадинова) оффиціальныи ходъ слѣдствія свѣтскихъ и духовныхъ властей по дѣлу объ обнаруженіи жидовствующихъ сектъ (стр. 384—397).

Затѣмъ, сбивчиво говоря (стр. 397—402) о раздѣленіи современныхъ жидовствующихъ на секты (геры, субботники, субботники—караимиты и назареи), къ тому же не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, авторъ заканчиваетъ свой обзоръ очеркомъ о „вѣроученіи и богослужебномъ культѣ жидовствующихъ“ (стр. 402—417). Слѣдуетъ отмѣтить, что бытъ жидовствующихъ и отношенія православнаго населенія къ нимъ изложены согласно тенденціозному отзыву С. З. Максимова (въ Отеч. Зап. 1867, V), между тѣмъ, какъ всѣ бытописатели жидовствующихъ единогласно отзываются о нихъ благопріятно. Подобные очерки посвящены авторомъ также сектамъ іеговистовъ (стр. 524—555) и адвентистовъ (стр. 555—574).

И. Б.

¹⁾ Стр. 384.

Общія собранія

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

28 ноября 1910 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ *М. М. Винавера*, общее собраніе, посвященное ознаменованію 50-лѣтняго юбілея русско-еврейской періодической печати. Собраніе открылось приглашеніемъ предсѣдателя почтить вставаніемъ память всѣхъ почившихъ дѣятелей русско-еврейской печати. Почтена была вставаніемъ и память скончавшагося извѣстнаго писателя, сотрудника „Еврейской Старины“, *С. П. Рабиновича—„Шефера“*. Женѣ покойнаго послана телеграмма слѣдующаго содержанія: „Общее собраніе „Евр. Ист.-Этн. О-ва“ оплакиваетъ тяжелую утрату, понесенную еврейской наукой со смертью вашего славнаго мужа, неутомимаго труженика и распространителя историческихъ знаній, безжалостно похищеннаго у насъ, когда онъ еще не успѣлъ закончить свой жизненный трудъ. Президіумъ: Винаверъ, Дубновъ, Кулишеръ“.

Затѣмъ были заслушаны доклады *М. И. Кулишера*: „Пятидесятилѣтіе русско-еврейской журналистики“ и *Ю. И. Гессена*: „Возникновеніе и гибель „Разсвѣта“ (1860—1861)“.

Сообщивъ со словъ недавно умершаго *Я. Пассовера* нѣкоторыя подробности возникновенія „Разсвѣта“, *М. И. Кулишеръ* разсказалъ по личнымъ воспоминаніямъ объ отношеніи къ журналу въ тогдашнихъ культурныхъ пунктахъ, Житомиръ и Бердичевъ. Въ то время, какъ московскіе евр. дѣятели, вдохновлявшіе редактора „Разсвѣта“, считали необходимой борьбу съ предрасудками, царившими въ русскомъ обществѣ по отношенію къ евреямъ, въ юго-западномъ краѣ имѣлись кружки интеллигентовъ (учителей казенныхъ училищъ и кандидатовъ въ казенные раввины), требовавшихъ жестокой борьбы въ печати съ ортодоксальнымъ еврействомъ. Не смотря на слабое распространеніе журнала, его вліяніе было огромно; обличительныя статьи, появлявшіяся на страницахъ „Разсвѣта“, вызвали безконечные споры.—Когда „Разсвѣтъ“ погибъ, возникъ „Сіонъ“.

„Тонъ „Разсвѣта“, живой и энергическій, уступилъ мѣсто холодному, спокойному, историко-юридическому способу изложенія въ „Сіонѣ“, но и это изданіе, какъ и „День“ въ началѣ 70-хъ годовъ, умерло отъ двухъ болячекъ, отъ которыхъ умеръ „Разсвѣтъ“—отъ цензурныхъ стѣсненій и равнодушія публики,—недо-

статочнаго числа подписчиковъ. Не хватало матеріальныхъ средствъ для того, чтобы дожить до лучшихъ временъ, и изданія прекращались. На цензурные скорпіоны „Сіонъ“ наткнулся въ полемикѣ съ украинофильскимъ журналомъ „Основой“, издававшимся кружкомъ малороссовъ—Кулишемъ, Костомаровымъ, Марко-Вовчкомъ и другими въ Петербургѣ. Журналъ этотъ весь былъ проникнутъ враждой и ненавистью къ евреямъ. Духъ этотъ царилъ и въ серьезныхъ, статьяхъ и въ беллетристикѣ. Когда студентъ П—въ (должно быть—Португаловъ) обратился въ редакцію съ письмомъ, не предназначеннымъ для печати, прося не употреблять слова „жидъ“, редація напечатала это письмо и въ своемъ отвѣтѣ заявила, что просьбу удовлетворить не можетъ, но если бы она даже и согласилась на такую уступку, то это дѣла не измѣнитъ: мнѣніе малорусскаго народа о евреяхъ весьма неблагопріятное. „Сіонъ“ отмѣтилъ эту статью, возбудивъ тогда же, между прочимъ, вопросъ о предпочтительности общечеловѣческаго національному и о неудобствѣ націонализма мелкихъ народностей. „Основа“ усмотрѣла въ этомъ доносъ по начальству на украинскій сепаратизмъ, и „Сіонъ“ передалъ поступокъ „Основы“ на судъ русской печати, обѣщавъ войти въ обсужденіе отношеній между евреями и южно-русскимъ населеніемъ. Но статьи не пропускались, и „Сіонъ“ прекратилъ свое существованіе. А „Основа“, продолжала клеветать на евр. народъ.—Необходимость борьбы съ клеветой содѣйствовала возникновенію „Дня“. „Здѣсь впервые былъ привлеченъ весь наличный законодательный матеріалъ для характеристики юридическаго положенія евреевъ, впервые использованы были многочисленныя данныя, имѣвшіяся въ русской литературѣ для изображенія экономическаго положенія евреевъ. Это главнымъ образомъ заслуга И. Г. Оршанскаго. Тутъ былъ и новый методъ разработки еврейскаго вопроса, и новый цѣнный матеріалъ для освѣщенія его. Этимъ косвенно разрушалось фантастическое зданіе еврейскаго засилія, воздвигнутое Брафманомъ и его сторонниками. Прямымъ разоблаченіемъ нелѣпыхъ измышлений Брафмана занялся Моргулисъ“, выяснившій неосновательность выводовъ, сдѣланныхъ изъ книги Брафмана. Однако, равнодушіе публики заставило издателя „Дня“ Орнштейна закрыть журналъ, положеніе котораго пошатнулось послѣ того, какъ онъ оказался неспособнымъ реагировать на погромъ, происшедшій въ 1871 году въ Одессѣ; очередной послѣ погрома номеръ заключалъ въ себѣ только искалѣченную цензоромъ замѣтку М. Кулишера о погромѣ; статьи другихъ сотрудниковъ, даже Оршанскаго, къ которому цензура относилась довольно терпимо, благодаря его умѣнью скрывать гнѣвъ и негодованіе подъ маскою серьезнаго изложенія—были исключены.

Въ 70-хъ годахъ редакторъ „Гамелица“ Цедербаумъ сталъ издавать „Вѣстникъ русскихъ евреевъ“ при ближайшемъ участіи Н. К. Гирса, автора надѣлавшаго шуму неоконченнаго романа „Старая и юная Россія“, напечатаннаго въ „Отечественныхъ За-

писках". Но никто не читалъ „Вѣстника“ и имъ не интересовался. „Вѣстникъ“ вскорѣ пересталъ выходить, а для сохраненія права на изданіе ежегодно выпускался одинъ номеръ. Этимъ правомъ и воспользовалась въ 1879 г. группа, въ составъ которой входили Минскій (Н. М. Виленкинъ), Маркъ Варшавскій, Розенфельдъ, П. Я. Левинсонъ, Богровъ, С. А. Венгеровъ, д-ръ Оршанскій (братъ И. Г. Оршанскаго) и М. Кулишеръ, на котораго были возложены обязанности редактора. Цедербаумъ выхлопоталъ переименованіе журнала и въ концѣ 1879 г. появился второй „Разсвѣтъ“.

Кличъ „Жидъ идетъ“, раздавшійся со страницъ „Новаго Времени“, нашелъ сочувственный откликъ въ русской публикѣ. Съ этимъ надо было бороться. „Разсвѣтъ“ встрѣтилъ сочувствіе среди всѣхъ слоевъ еврейскаго населенія. Подписка росла, достигнувъ черезъ полгода свыше 3.500. Конкуренція „Русскаго Еврея“, возникшаго одновременно съ „Разсвѣтомъ“, нисколько не мѣшала. Цензура тоже мало стѣсняла. Вообще тогда господствовали, если не благожелательныя, то терпимыя отношенія къ евр. печати.

Къ двумъ задачамъ, которыя преслѣдовались прежними еврейскими органами на русскомъ языкѣ, присоединилась третья—борьба съ индифферентизмомъ молодого поколѣнія къ еврейскому вопросу, къ интересамъ родной массы. Средствомъ же для искорененія этого индифферентизма являлась „работа, направленная къ выясненію экономическаго положенія евреевъ и его духовно-нравственной физіономіи, т. е. та же работа, которая необходима была для разсѣянія предубѣжденія противъ евреевъ среди русскаго культурнаго населенія“.

Но уже со второго номера въ редакціи обнаружились несогласія. Дразги все болѣе и болѣе мѣшали совмѣстной работѣ. Въ этихъ столкновеніяхъ играли роль уязвленное самолюбіе и личные мотивы. Но „основная причина этой раздражительности и нервности была та, что чѣмъ далѣе, тѣмъ виднѣе было, что для устраненія еврейскаго безправія мало одного кратковременнаго усилія, что это работа затяжная, требующая настойчиваго труда и долговременнаго изученія. Молодежь, входившая въ составъ редакціи, способна была на порывъ, но не на серьезную продолжительную работу по еврейскому вопросу, къ которой она вообще не была подготовлена. При такомъ настроеніи она поддавалась интригамъ разныхъ лицъ внутри и внѣ редакціи и обнаруживала недовольство по всякому поводу“. Это обстоятельство и заставило М. Кулишера отказаться вскорѣ отъ редакторства.—Далѣе, сообщивъ рядъ данныхъ о сотрудиникахъ „Восхода“, докладчикъ отмѣтилъ заслугу редактора „Восхода“, А. Е. Ландау, заключающуюся въ томъ, что благодаря ему „нить жизни „органа русскихъ евреевъ“ съ тѣхъ поръ почти не прерывалась“. Основанный въ 1881 году, „Восходъ“ продолжалъ существовать несмотря на общія неблагопріятныя условія. „Въ связи съ измѣнившимся во второй половинѣ 90-хъ годовъ характеромъ дѣятель-

ности „Общества распространенія просвѣщенія“, направленной къ насажденію народныхъ школъ, въ связи далѣе съ расширеніемъ дѣятельности колонизаціоннаго общества въ сферѣ экономики, логунгомъ „Восхода“ послѣднихъ лѣтъ становится—самопомощь, самодѣятельность. Уже и раньше проявлялась эта струя въ „Восходѣ“, но не въ тѣхъ рѣзкихъ очертаніяхъ, въ какихъ она проявилась теперь...

„Но какъ бы печально ни было, сказалъ въ заключеніе докладчикъ, положеніе еврейскаго органа по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя онъ ставилъ себѣ, роль и судьба такого органа, какъ и вообще печатнаго слова, не исчерпывается цѣлями, поставленными на его знамени, или вѣрнѣе не могутъ и не должны находиться въ зависимости отъ этихъ цѣлей.

„Нѣтъ ничего хуже безгласнаго времени. Нѣтъ ничего постыднѣе для культурнаго общества, какъ то, что оно не чувствуетъ потребности въ печатномъ словѣ для выраженія своихъ нуждъ и печалей, хотя бы достиженіе практическихъ результатовъ не предвидѣлось,—и поэтому не поставляетъ надлежащаго контингента читателей-подписчиковъ, необходимыхъ для существованія изданія. Ибо независимо отъ практическаго воздѣйствія печатнаго слова на современность, независимо отъ того, что оно кое-что предупреждаетъ, кое-кого обуздываетъ, кое-кому разъясняетъ вопросы, стоящіе на очереди, независимо, наконецъ, отъ того, что оно освѣдомляетъ о фактахъ, оно объединяетъ разрозненные силы, дѣлаетъ имъ перекличку, группируетъ ихъ около себя. *Vivos voco* — живыхъ призываю—могло сказать о себѣ каждое изъ охарактеризованныхъ мною изданій, и въ этомъ отношеніи выполняло то, что, безотносительно къ специальнымъ задачамъ и цѣлямъ, составляетъ суть и назначеніе печатнаго слова. При данныхъ условіяхъ прошлое русско-еврейской печати можетъ передать дѣятелямъ настоящаго и ближайшаго будущаго только весьма скромный завѣтъ: дѣлайте то, что возможно“.

Ю. И. Гессенъ сообщилъ, на основаніи архивныхъ документовъ, исторію возникновенія и гибели перваго русско-еврейскаго органа „Разсвѣта“. Идея объ изданіи журнала для евреевъ на русскомъ языкѣ принадлежитъ знаменитому другу евреевъ Н. И. Пирогову. Онъ возбудилъ въ 1856 г. соотвѣтствующее ходатайство предъ министромъ народн. просвѣщенія, ссылаясь на то, что услуги по изданію журнала предложили „одесскіе купцы Осипъ Рабиновичъ и Іоакимъ Тарнополь“. Министръ народн. просвѣщенія Норовъ не нашелъ никакой опасности въ изданіи журнала; благопріятно отнесся къ этой мысли и мин. вн. дѣлъ Ланской. Но вопросъ встрѣтилъ противоѣдствіе въ „Еврейскомъ комитетѣ“, который заявилъ, что изданіе на русскомъ языкѣ „еврейскаго журнала религіознаго содержанія было бы во многихъ отношеніяхъ неудобно“. Комитетъ поэтому полагалъ „предоставить Рабиновичу и Тарнополь, если они пожелаютъ, издавать сей журналъ

на еврейскомъ или на употребляемомъ евреями въ Россіи жидовско-нѣмецкомъ жаргонѣ“.

Рабиновичъ, однако, не оставилъ своего намѣренія издавать журналъ именно на русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ хотѣлъ этимъ путемъ воздѣйствовать на русскую общественную мысль въ пользу облегченія положенія евреевъ, и онъ вскорѣ представилъ новую записку на имя Пирогова съ обѣщаніемъ не касаться религіозныхъ вопросовъ. Но дѣло не двигалось. Тогда Рабиновичъ и Тарнополь послали въ министерство „Записку о важности направленіи и пользѣ еврейскаго періодическаго изданія въ Россіи на русскомъ языкѣ“, въ которой осторожно намѣчались и основныя линіи изданія—стремиться къ духовному возрожденію еврейскаго населенія, съ одной стороны, и къ облегченію его правового положенія—съ другой. Еврейскій комитетъ нашелъ, что, съ исключеніемъ религіозныхъ задачъ, не встрѣчается препятствій къ его разрѣшенію, и это постановленіе Комитета получило, наконецъ, высочайшую санкцію 22 октября 1859 г., а 27 мая 1860 г. вышелъ первый номеръ „Разсвѣта“ съ девизомъ: „И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ!“.

Давъ краткій очеркъ дѣятельности „Разсвѣта“ и пережитыхъ цензурныхъ мытарствъ, докладчикъ остановился подробнѣе на томъ обстоятельстве, что „Разсвѣтъ“ создалъ новое общественное настроеніе. Если до сихъ поръ радѣтели просвѣщенія, стремясь къ нравственному возрожденію еврейскаго народа, возлагали свои надежды на правительство, то „Разсвѣтъ“ энергично выступилъ противъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ, что возрожденіе евр. народа возможно лишь при облегченіи ограничительнаго законодательства. На характеръ журнала обратило вниманіе правительство: новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ, самъ защищавшій идею объ эмансипаціи евреевъ, былъ вынужденъ дать понять Рабиновичу, что журналъ можетъ освѣщать темныя стороны еврейской жизни, но не долженъ брать на себя задачи защиты правъ евреевъ. Тогда Рабиновичъ закрылъ „Разсвѣтъ“, при чемъ его побудили къ этому въ значительной мѣрѣ и неблагопріятныя матеріальныя условія.

Послѣ этого доклада *С. М. Дубновъ* подѣлился своими воспоминаніями о сотрудникахъ второго, петербургскаго „Разсвѣта“, ихъ настроеніяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ.

Закончилось собраніе словомъ предсѣдателя *М. М. Виназера*, охарактеризовавшаго дѣятельность русско-еврейской печати, какъ непрерывное и беззавѣтное служеніе народу: „Въ докладѣ Кулишера передъ нами ряды могильныхъ камней, связанныхъ между собою живыми зелеными вѣтвями. Прошлое связано съ настоящимъ, настоящее получаетъ свое питаніе въ прошломъ. Русско-еврейская печать зародилась въ моментъ, когда евр. интеллигенція только еще начала выдѣляться изъ народа. Она и не теряла потому связи съ народомъ, проявила самостоятельность съ пер-

выхъ же шаговъ своего существованія. Она не была научно-иудистической, какъ еврейская пресса на западѣ, ни конфессіональной, какъ польско-еврейская печать. Въ тяжелыхъ условіяхъ русской жизни она выработала себѣ совершенно самостоятельную фізіономію. Она была народной. Она, съ одной стороны, установила опредѣленныя отношенія къ русскому обществу, и тутъ она говорила отъ имени евреевъ, какъ цѣлостнаго національнаго организма, защищала права евреевъ, какъ равноцѣннаго народа въ составѣ племенъ Россійской Имперіи. Съ другой стороны, она оказывала огромное воспитывающее вліяніе на самосознаніе евреевъ. Она взращивала въ еврействѣ самоуваженіе,—и, кто знаетъ, не ей ли мы въ значительной мѣрѣ обязаны тѣмъ, что въ рѣшительную минуту еврейство, несмотря на различіе партійныхъ оттѣнковъ, оказалось единымъ въ сознаніи своего достоинства и въ отстаиваніи своихъ правъ. Русско-еврейская интеллигенція, по случайнымъ причинамъ отдѣленная внѣшнимъ образомъ отъ народной массы, связывалась съ нею черезъ еврейскую печать. Масса непрерывно чувствовала, что интеллигентъ ея внутренне съ нею. Въ глухія времена, когда не было еще ни политической трибуны, ни открытыхъ путей культурнаго общенія, она была единственною въ еврействѣ трибуною, политическою и культурною. Въ этомъ ея огромная историческая заслуга предъ еврействомъ“.

Передъ закрытіемъ засѣданія предсѣдатель предложилъ отправить привѣтственную телеграмму М. Г. Моргулису, какъ старѣйшему представителю русско-еврейской печати.

Первая половина засѣданія, состоявшагося 12 декабря 1910 г., подъ предсѣдательствомъ М. М. Винавера, была посвящена памяти бар. Д. Г. Гинцбурга.

„Нынѣшнее засѣданіе историко-этнографическаго общества—сказалъ предсѣдатель—приходится открыть скорбной вѣстью о кончинѣ члена нашего общества, члена Комитета, барсна Давида Гораціевича Гинцбурга. Оцѣнкѣ научной и литературной дѣятельности покойнаго Давида Гораціевича будетъ посвящена особая рѣчь д-ра Л. С. Каценельсона. Но, независимо отъ литературныхъ и научныхъ заслугъ, историческому обществу подобаетъ вспомнить хоть вкратцѣ о той спеціальной связи, которая существовала между покойнымъ Д. Г. и нашимъ Обществомъ. Предтеча нашего Общества, Историко-этнографическая комиссія числила въ своихъ рядахъ Давида Гораціевича съ перваго момента своего существованія. Кружокъ молодыхъ тогда людей, объединившійся для того, чтобы двинуть впередъ изученіе еврейской исторіи и этнографіи, не могъ не включить въ свои ряды такого цѣннаго человѣка, какимъ былъ тогда уже Давидъ Гораціевичъ. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій кружка онъ прочелъ рефератъ о Вайсѣ. И съ первыхъ же дней, если не ошибаюсь, со втораго засѣданія—гостепріимно открылъ свою квартиру для со-

браній кружка, тогда еще нуждавшагося въ строгой конспиративности.

„Въ теченіе долгаго времени этотъ домъ давалъ намъ пріютъ. Здѣсь читалъ Влад. Соловьевъ докладъ свой о пророкахъ, здѣсь происходило самое торжественное изъ нашихъ засѣданій, связанное съ пребываніемъ въ Петербургѣ Антокольскаго, засѣданіе, на которомъ присутствовали Влад. Соловьевъ, Вл. Стасовъ, Хвольсонъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Гаркави, а докладъ читалъ Кулишеръ. Много еще вечеровъ сохранилось, вѣроятно, въ памяти тѣхъ, кто интересовался этими первыми попытками организациі работъ въ области еврейской исторической науки.

„Еврейское историко-этнографическое Общество является преемникомъ этого кружка и этихъ занятій, и естественно, что оно съ перваго же момента зачислило Давида Гораціевича въ свои члены, а затѣмъ и избрало его единодушно въ члены Комитета.

„Предлагаю Обществу исполнить печальный долгъ передъ усопшимъ, и почтить память его вставаніемъ“. (Всѣ встаютъ).

Послѣ сего *др-ъ Л. Каценельсонъ* сказалъ:

„Намъ пришлось собраться сегодня при открытой еще могилѣ нашего дорогаго Д. Г. Гинцбурга и, конечно, мы не можемъ приступить къ нашимъ занятіямъ, не давъ раньше исхода тому чувству жгучей горести, которое каждый изъ насъ испытываетъ теперь вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ еврействомъ. Наша печаль тѣмъ глубже, что наше общество въ сущности родилось въ домѣ Гинцбурговъ, тамъ оно сдѣлало свои первые шаги и тамъ оно впервые заговорило, и не дѣтскимъ лепетомъ, а зрѣлымъ научнымъ языкомъ, традиціи котораго оно стремится удержать и теперь...

„Во вступленіи къ своему реферату объ арабской поэзесѣ Алканса, Д. Г., оправдываясь въ томъ, что онъ занимаетъ еврейскую аудиторію главою изъ исторіи арабской литературы, говорилъ, что въ „виду обнаруживаемой теперь (это было въ серединѣ 80-хъ гг.) внѣ насъ тенденціи загнать насъ опять въ мрачное духовное гетто и изолировать насъ отъ всѣхъ источниковъ свѣта и знанія, мы тѣмъ болѣе обязаны внутри насъ напрягать всѣ свои умственные силы къ научной самостоятельности и, не удовлетворяясь узкимъ кругомъ нашей національной исторіи и литературы, расширить, по возможности, этотъ кругъ на счетъ смежныхъ съ нимъ областей знанія“. И указывая на примѣръ нашихъ средневѣковыхъ героевъ мысли, соединившихъ еврейскую Тору съ греческой философіей и арабской поэзіей, онъ призывалъ насъ къ подражанію имъ.

„Этой великой троицѣ человѣческаго духа: религіи, философіи и искусству, Д. Г. оставался вѣренъ всю свою, къ величайшему ипискорбію нашему, слишкомъ короткую жизнь. Онъ не былъ поэтомъ, но онъ былъ изслѣдователемъ поэзіи; его обширныя познанія въ семитическихъ литературахъ, родственныхъ древне-еврейской, открыли ему дорогу къ болѣе глубокому пониманію

этой послѣдней; и результатомъ его изысканій въ этой области явился его трудъ о древне-еврейской метрикѣ. Къ этой же области надо отнести и предпринятое имъ вмѣстѣ съ покойнымъ В. В. Стасовымъ роскошное изданіе еврейскихъ орнаментовъ, которыми онъ доказалъ, что напрасно враги наши, да и мы сами думали, что сила еврейскаго творчества только въ словесномъ и тоническомъ искусствѣ, а пластическое искусство намъ будто совершенно чуждо.

„Надо-ли, затѣмъ напоминать вамъ о безконечной любви Д. Г. къ нашей религіи, къ нашей Торѣ? Когда въ научной бесѣдѣ съ нимъ заходила рѣчь о Библии, всегда философски-спокойный, Д. Г. преображался, онъ превращался въ поэта.

„Я вспоминаю его радость, когда покойный философъ Владиміръ Соловьевъ прочелъ намъ въ его салонѣ рефератъ о пророкахъ, въ которомъ онъ далъ сильный отпоръ тѣмъ представителямъ критической школы, которые свои произвольныя гипотезы выдаютъ за библейскую критику. Эта безудержная критика, разрѣзывающая живую библию на мертвые кусочки, составляла предметъ постоянныхъ огорченій Д. Г. Въ этой критикѣ онъ видѣлъ, и не безъ основанія, проявленіе особеннаго рода антисемитизма. Имъ завидно, говорилъ онъ, что еврейскій народъ справедливо гордится тѣмъ, что онъ далъ міру эту книгу, и они всѣми силами стараются развѣнчать ее, доказать, что она состоитъ вся изъ сплошной лжи. Самъ превосходный знатокъ Библии и отличный экзегетъ, онъ, къ сожалѣнію, однако, слишкомъ малое обнародовалъ печатно въ этой области. То же самое относится и къ еврейской средневѣковой философіи, которую онъ изучилъ основательно по арабскимъ оригиналамъ. Духовной жаждой томимый, вѣчно стремясь къ утоленію ея изъ богатаго кладезя знанія, который представляетъ его поистинѣ чудная библіотека, онъ не находилъ времени, чтобы дѣлиться своими знаніями съ другими. Онъ все откладывалъ, въ своемъ цвѣтущемъ здоровьи не подозревая, что неумолимая смерть—у него за спиною.

„Впрочемъ, я невѣрно выразился. Д. Г. не былъ тѣмъ скупымъ рыцаремъ, который думалъ только о собственномъ обогащеніи; своимъ духовнымъ богатствомъ—онъ дѣлился съ другими и охотно дѣлился. Уже съ давнихъ поръ, какъ вы знаете, онъ собиралъ вокругъ себя молодыхъ людей изъ студентовъ университета, которымъ онъ любовно преподавалъ философію и экзегетику; его кабинетъ былъ уже давно превращенъ въ маленькую академію, гдѣ всѣ желающіе могли дѣлиться своими еврейскими знаніями съ молодежью. Съ открытіемъ же курсовъ востоковѣдѣнія, онъ отдался преподавательской дѣятельности со всѣмъ свойственнымъ ему увлеченіемъ, со всей его любовью къ его стародавнимъ тремъ кардинальнымъ завѣтамъ: Торѣ, философіи и поэзіи. И эту любовь къ знанію еврейства онъ успѣлъ привить и своимъ ученикамъ, оплакивающимъ теперь смерть своего любимаго учи-

теля. Мнѣ часто приходилось слышать отъ покойнаго Д. Г. упомянутое выше изреченіе: чѣмъ больше насъ извнѣ загоняють въ мракъ, тѣмъ упорнѣе мы должны поддерживать свѣтъ знанія внутри насъ, тѣмъ больше мы должны насаждать знаніе нашей Торы, нашей философіи и нашей поэзіи. Мнѣ всегда приходила при этомъ на мысль прекрасная талмудическая легенда. По поводу чудныхъ псалмовъ Корахидовъ въ псалтырѣ Талмудъ спрашиваетъ: Но вѣдь Корахъ со всѣми присными и домочадцами провалился въ преисподнюю, откуда же явились эти псалмы? и отвѣчаетъ: *קורח נלכד ללחם בנגנום עמו ואמר עלי שירי*

„Мѣстечко утвердилось для нихъ въ геенѣ огненной, здѣсь-то стали Корахиды и воспѣли гимнъ Господу. Этому примѣру слѣдовалъ всегда еврейскій народъ. Когда вокругъ него бушевала враждебная стихія, клубился дымъ ненависти, угрожая затуманить его взоръ, онъ всегда находилъ себѣ мѣстечко,—въ синагогѣ, въ школѣ, гдѣ, забывая на минуту окружающій его грозный адъ, онъ пѣлъ свой великій гимнъ, сплетенный изъ Торы, философіи и поэзіи. Да послѣдуемъ и мы этому завѣту. Съ этимъ именно связана память незабвеннаго Д. Г. Гинцбурга. Миръ его праху!“.

Вторая половина засѣданія была посвящена выслушанію доклада *д-ра Л. Кантора* (изъ Риги) на тему „Воспоминанія и встрѣчи. Изъ общ. жизни петербургскаго еврейства 80-хъ годовъ“ (появится въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Еврейской Старины“).

За позднимъ временемъ пришлось отказаться отъ преній и ограничиться заключительнымъ словомъ предсѣдателя. *М. М. Винавера*.

„Напрашивается само собой, чтобы изблеченный въ участіи въ „Русскомъ Евреѣ“, подъ чужимъ именемъ (Буки-бенъ-Югли, Л. С. Каценельсонъ) отвѣтилъ редактору и восполнилъ бы несомнѣнный пробѣлъ въ докладѣ—сообщеніемъ о роли самого редактора „Русскаго Еврея“. Но Л. С. отказывается исполнить эту обязанность сейчасъ, обѣщаясь сдѣлать это въ другой разъ. А теперь позвольте мнѣ лично подѣлиться съ вами нѣкоторыми мыслями, навѣянными только что прослушаннымъ докладомъ.

„Когда слушаешь живыхъ свидѣтелей пережитой исторической эпохи, то при всемъ напряженіи, съ которымъ слѣдишь за ораторомъ, нельзя отдѣлаться отъ тягостнаго вопроса: отчего же эти факты, столь цѣнные, приходится ловить изъ устной бесѣды? Какъ мало у насъ развито сознаніе важности всего переживаемаго, какъ мало мы прибѣгаемъ къ орудію всякой культурной націи, къ записыванію того, что переживается. Вѣдь это все проходитъ, все исчезаетъ. Не будь такого счастливаго случая, какъ сегодня, не будь совпаденія случайной инициативы нашей съ готовностью д-ра Кантора устно изложить намъ свои воспоминанія, все это исчезло бы, быть можетъ, безповоротно. Да зачѣмъ искать далеко, зачѣмъ углубляться въ 80-е годы?“

„Вотъ мы пережили послѣдніе годы, полные событій, захваты-
вающихъ по интересу. И каждый изъ насъ долженъ покаяться,
что онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы запечатлѣть на бу-
магѣ пережитое и видѣнное для будущаго времени. Между тѣмъ
вѣдь это волна исторіи, можетъ быть, даже болѣе важная,
чѣмъ всѣ предыдущія. То, что говорилъ намъ сегодня докладчикъ,
было такъ интересно не только по историческимъ фактамъ, но
и по жизненности и яркости впечатлѣній активнаго участника и
свидѣтеля эпохи. Это были одни живые образы, непосредствен-
ныя ощущенія, безъ примѣси политическаго и въ особенности
полемическаго элемента. И эта черта мемуаровъ особенно драго-
цѣнна; намъ, историческому обществу, она особенно приличе-
ствуется. Термины, нынѣ нами примѣняемые въ нашемъ полити-
ческомъ обиходѣ, быть можетъ, даже и непримѣнимы къ тѣмъ
условіямъ. Между тѣмъ мы торопимся окрещивать событія на
современный ладъ, примѣнительно къ нынѣшней формулировкѣ
еврейской проблемы. Однихъ объявляемъ націоналистами *par*
excellence, другихъ, изъ противоположныхъ, *par excellence* ас-
симиляторами. Я сомнѣваюсь, насталъ ли уже моментъ дѣлать въ
этой области выводы. Это еще вопросъ живой; можетъ быть,
окажется, что тѣ лозунги, которые руководятъ нами теперь, и
которыхъ тогда еще не было, имѣютъ, свои корни тамъ, въ той
эпохѣ, когда они, не провозглашаемые, жили однако въ душахъ,
въ первичной неразложимой и неизмѣнной преданности еврей-
скому народу, которой всегда былъ исполнена русско-еврейская
печать. Именно потому для насъ теперь важно не затемнять сво-
ихъ горизонтовъ слишкомъ скороспѣлыми обобщеніями. Важно
прежде всего запечатлѣвать со словъ живыхъ свидѣтелей исче-
зающіе живые образы, какъ то сдѣлалъ нынѣ докладчикъ. Едва
ли кто-нибудь изъ насъ когда нибудь забудетъ эти три фигуры—
Рабиновича, Богрова и Леванду; они возстали передъ нами точно
живые, благодаря множеству мелкихъ искусно нанизанныхъ штри-
ховъ,—болѣе цѣнныхъ для историка, чѣмъ самыя глубокія теоріи.

„И потому, воспроизводить ихъ, пока не поздно, есть долгъ
каждаго передъ еврейской наукой и передъ еврейскимъ народомъ.
Не знаю, нужно ли мнѣ, послѣ сказаннаго, формально благода-
рить докладчика. Такое признаніе заслугъ есть лучшая бдагодар-
ность. И это несомнѣнно оцѣнить прежде всего человекъ, кото-
рый, какъ нашъ докладчикъ, всей своей жизнью доказалъ, какъ
высоко онъ цѣнитъ служеніе еврейской наукѣ и еврейской лите-
ратурѣ“.

Оглавление «Еврейской Старины» за 1910 г.

Стр.

Ю. И. Гессенъ. Въ эфемерномъ государствѣ. Евреи въ Варшавскомъ герцогствѣ (1807—1812)	1
М. Балабанъ. Правовой строй евреевъ въ Польшѣ въ средніе и новые вѣка	39, 161, 324
С. Метиславская. Евреи въ польскомъ возстаніи 1831 г.	61, 235
Ю. Г. „Гелейтъ цолль“	81
С. А. Городецій. Рабби Натанъ Шпиро, краковскій каббалистъ XVII в.	192
М. И. Кулишеръ. Польша съ евреями и Русь безъ евреевъ на рубежѣ XVII и XVIII вѣка	214
С. М. Дубновъ. Саулъ-Пинхасъ Рабиновичъ (некрологъ)	321
Х. Коробковъ. Экономическая роль евреевъ въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка	346
Ливерантъ. Приключенія еврея во время польскаго возстанія 1863 г.	378
С. Ан—скій. Народныя дѣтскія пѣсни	391
С. Л. Л. Н. Толстой	465
М. И. Кулишеръ. Исторія русскаго законодательства о евреяхъ въ связи съ системой взиманія налоговъ и отбыванія повинностей	467
С. Л. Цинбергъ. Исаакъ Беръ Левинзонъ и его время	504
И. Шипперъ. Еврейскій кредитъ въ Польшѣ въ XIV вѣкѣ	542
Ю. И. Гессенъ. Борьба караимовъ города Троку съ евреями	569
Д. Маггидъ. Иноязычные заговоры у русскихъ евреевъ въ XVIII и началѣ XIX в.	580
И. Берлинъ. А. Я. Гаркави (къ 50-лѣтнему юбилею)	592
И. Марконъ. Давидъ Лехно	598
Г. Клейнманъ. „Еврейскій сборникъ“	603
А. Нацнельсонъ. Разсказъ моей бабушки	607
Ю. И. Гессенъ. Къ судьбѣ евреевъ-врачей въ Россіи	612

Матеріалы, документы и сообщенія.

С. М. Дубновъ. Вмѣшательство русскаго правительства въ антихасидскую борьбу (1800—1801)	84, 253
М. Г. Каганъ. Домашній регламентъ въ Бѣлоруссіи (1845)	110
Я. М. Гальпернъ. Необходимая поправка	118

	Стр.
С. Дубновъ. Къ предыдущей замѣткѣ	120
Изъ переписки Б. А. Готлобера (1849—1855 г.)	283, 411
С. Гольдштейнъ. Изъ Жмудской старины	404
С. Станиславскій. Къ исторіи польскаго возстанія 1831 г.	419
Л. Зайдель—Евреи на Уралѣ	422
Сообщенія: 1) Квитанція пойманника; 2) М. Каганъ—Къ пророчеству о Бонапартѣ	427
С. М. Гольдштейнъ. Къ исторіи краковской еврейской об- щины XV вѣка. Историкъ Янъ Длугошъ и кра- ковскіе евреи	624

Критика и библіографія.

Х. Г. Коробковъ. Экономическая роль евреевъ въ конгрес- сномъ царствѣ Польскомъ (по поводу книги К. Г. Воблаго)	121
А. Прессъ. Три поколѣнія (о II томѣ „Мемуаровъ“ Венге- ровой)	307
М. Балабанъ. Обзоръ литературы по исторіи евреевъ въ Польшѣ (1907—1909)	141, 305, 442
М. Л. Вишницеръ. Къ исторіи евреевъ въ Прибалтійскомъ краѣ	293
Х. Г. Коробковъ. Екатерина II и еврейская колонизація	299
М. В. Рецензія о книгахъ М. Балабана: 1) <i>Dzieznica zydow-</i> <i>ska</i> и 2) <i>Spis zydów</i>	303
С. Марголинъ. Упрощенная исторіографія (по поводу „Но- вѣйшей исторіи евреевъ“ М. Филиппсона)	429
А. Я. Гарнави. Новая книга о хазарахъ	632
М. Вишницеръ. Пятница 1619 года (о „письмахъ пражскихъ евреевъ къ евреямъ Вѣны“)	636
М. Балабанъ. Посмертный трудъ Матіаса Берсона	648
И. Б. Проф. Т. Буткевичъ. Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ	650
Общія собранія Евр. Историко-Этногр. Общества—28 ноября 1910 г. Ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея рус- ско-еврейской печати; доклады М. И. Кулишера и Ю. Гессена.—12 декабря 1910 г. Памяти бар. Д. Г. Гиндбурга. Докладъ д-ра Л. Кантора	652

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Страна.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
61	7 сверху	границы	границы;
80	12 "	Когда	„Когда
"	15 "	рокомъ	рокомъ,
84	8 "	Шнеерсона	Шнеерсона,
86	8 снизу	классифиціи	классификаціи
93	2 "	Залмана	Залмана?
102	7 сверху	борьбу	божбу
118	3 снизу	вовсѣ	вовсе
"	1 "	существо	существа
120	14 "	Гальперина	Гальперна
"	19 "	поручена	поручено
142	18 снизу	Энциклопедическія	П. Энциклопедиче- скія
"	4 снизу	предсѣдательсвомъ	предсѣдатель- ствомъ
"	3 "	С. С. Дубновой	2) С. С. Дубновой
170	1 "	пунковъ	пунктовъ
171	16 сверху	§ 23	§ 23)
173	2 "	defer	deferri
175	14 сверху	Напругуліеса	Напругуліеса
177	3 снизу	Eisenstadt;	Eisenstadt:
181	6 "	„Король	Король
185	9 сверху	Чехіи	Чехіи,
187	5 снизу	въ,	въ
189	12 сверху	столько	столько,
"	13 "	воеводствахъ. ³⁾	воеводствахъ ³⁾ .
208	2 снизу	отдѣля	отдѣля ^{нш}
219	7 сверху	какъ,	какъ
286	10 снизу	ש"ק)	ש"ק);
309	15 сверху	Цильнѣ	Вильнѣ
"	18 снизу	ל"ק	ל"ק
"	14 "	стр.	стр.
443	3 и 5 снизу	Тумимъ	Теомимъ
453	6 сверху	תש"פ	תש"פ
464	6 снизу	въ комитетъ	присылать въ ко- митетъ.
"	9 "	правленіе	привлеченіе.
"		264	464

ПРИЛОЖЕНІЕ (ОБЛАСТНОЙ ПИНКОСЪ).

153	1 сверху	1632 годъ	1634 годъ.
174	4 снизу	„ново	„ново-
181	5 сверху	ל"ג	ל"ג

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ Ноября 1910 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„Вѣстникъ Общества для распространенія просвѣ- щенія между евреями въ Россіи“,

посвященный вопросамъ еврейскаго воспитанія и образованія.

1-й годъ изданія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ (8 книгъ въ году), на русскомъ яз., съ приложеніями на еврейскомъ и разговорно-еврейскомъ языкахъ, при ближайшемъ участіи: М. Г. Айзенштадта, Н. Р. Ботвинника, С. С. Вермеля, С. М. Гинзбурга, Г. А. Гольдберга, С. Л. Каменецкаго, М. Н. Крейнина, П. С. Марка и Я. Б. Энгера.

Кромѣ нихъ примутъ участіе: Альперинъ Б. А., Ан-скій С. А., Беръ М. Л., Брамсонъ А. М., Брамсонъ Л. М., Вруцкусъ В. Д., Вайншельбаумъ Х. Б., Вейсенбергъ С. Е., Винаверъ М. М., Гальпернъ Я. М., Гаркави В. О., Гольдбергъ-Окунъ М. А., Гринбаумъ И., Дубновъ С. М., Ерихмсонъ К. В., Житомирскій К. Г., Залкиндъ А. В., Зискандъ Д. Ф., Зутте Л. В. (Іерусалимъ), Идельсонъ А. Д., Каганъ П. И., Каценельсонъ Л. С., Каценельсонъ Як., Каценельсонъ М. Л., Киржницъ А., Козьбо А., Конштамъ А. М., Кроль М. В., Куперштейнъ В. М., Лазаровичъ С. Б., Лаяда А. А., Ландеръ Ф. Е., Лурье Л. А., Мандельбергъ Л. Е., Марковъ А. Е., Минцъ П. М., Паткинъ А. Л., Пинесъ Н. А., Рабиновичъ Сарра, Ратнеръ С. Б., Ривесманъ А. О., Страшунъ А. М., Сыркинъ Н., Туровъ Н. Л. (Яффа), Фитерманъ М. Я., Фіалковъ Х. Х., Чарно С. Г., Чериковеръ И. М., Шаргородская Ф. Д., Шефтель М. И., Шульковский І. О., Эйзенбергъ И. Г., Энгель Ю. Д., Эркинъ Д., Югенбургъ М. С. и др.

Программа журнала:

1. Указоженія, правительственныя распоряженія, указы Правительствующаго Сената, циркуляры и разъясненія, относящіяся къ образованію евреевъ, еврейскимъ училищамъ, хедерамъ, бібліотекамъ, курсамъ для взрослыхъ и т. п.

2. Хроника образованія евреевъ, еврейскаго школьнаго и бібліотечнаго дѣла, воспитанія и т. п. (извѣстія, корреспонденціи изъ Россіи и за-границы).

3. Отчеты и свѣдѣнія о дѣятельности Общества и его отдѣленій.

4. Статьи и изслѣдованія по вопросамъ образованія и воспитанія евреевъ, школьнаго и бібліотечнаго дѣла, по еврейской литературѣ и т. п.

5) Обзоръ педагогической литературы. Критика и бібліографія.

6) Объявленія.

Подписная цѣна: на годъ—3 р., на полгода—1 р. 50 к., за ноябрь—декабрь 1910 г.—75 к., съ ноября 1910 г. по январь 1912 г.—3 р. 75 к., съ пересылкой.

Редакція и контора журнала: Загородный пр., 23, кв. 35, тел. 52—86.

Объявленія: за страницу позади текста—20 руб., за 1/2 страницы—10 руб., за 1/4 стр.—5 руб.

Объявленія о спросѣ и предложеніи педагогическаго труда—по 1 р. за каждое.

ЕВРЕЙСКАЯ СТАРИНА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ
на еженедѣльную политическую общественную и литературную газету

„ЕВРЕЙСКІЙ МІРЪ“

Съ трехмѣсячнымъ журналомъ,

посвященнымъ научнымъ и художественно-культурнымъ интересамъ еврейства

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ входятъ:

Абрамовичъ С. М., Абрамова Ан., Айзманъ Д. Я., Айзенбергъ Л. М., Ан—скій С. А., Ахадъ-Гаамъ, Базинъ, М., Ben-Ader, Бенъ-ами, Берлинъ П. С., Бикерманъ І. М., Вирнбаумъ Н. (Mathias Acher), Ворецкій-Бергфельдъ Н. П., Брамсонъ Л. М., Браудо А. И., Бруцкусъ В. Д., Брусилловскій И. К., Вермель С. С., Вишницеръ М. Л., Выгодскій Л. Я., Гаркави А. Я., Гейлиманъ Т. Б., Гессенъ Ю. И., Гинзбергъ Э. Г., Гинзбургъ С. М., Гинцбургъ Илья, Гликманъ Д. О., Гнѣсинъ М. Ф., Грузенбергъ О. О., Гуревичъ С. Д., Гуревичъ Х. Д., Давидовичъ Д., Д'Оръ О. Л., Дубновъ С. М., Дубнова С. С., Закъ Л. С., Зусманъ А. А., Житловскій Х. І., Йохельманъ Д. Л., Канторъ Л. О., Картужанскій Л. И., Кастелянскій А. И., Каценельсонъ Я. Б., Кацыне А., Кипенъ А. А., Киржницъ А., Коганъ М. Г., Койгейнъ Д. М., Коробковъ Х. Г., Красный Г. Я., Крейнинъ М. Н., Кроль М. А., Ландау Г. А., Левинъ И. С., Левинъ М. С., Лешинскій Я., Лозинскій С. Г., Львовъ Л. Л., Мандельбергъ Л. Е., Марголинъ М. М., Марголинъ С. О., Марекъ П. С., Марковъ И. Ю., Маршакъ С. Я., Медемъ В. Д., Миркинъ Н. В., Моргулисъ М. Г., Моцкинъ Л. О., Немановъ Л. М., Niger S., Новаковский І., Осиповичъ Н. М., Пасманикъ Д. С., Перельманъ А. Ф., Перець І. Л., Полонскій Г. Я., Поляковъ С. Л., Португаловъ Г. М., Ратнеръ М. Б. (Австрія), Рабиновичъ-Сарра, Розенкнопъ М. Э., Розенфельдъ С. Я., Ротенбергъ Т. В., Сакеръ Я. Л., Сарпо, Соколова М. Н., Станиславскій С. М., Стоппнеръ Б. Г., Теплицкій Я. Н., Финкель М. А., Фюрнбергъ К. (Америка), Фридштейнъ В. С., Фругъ С. Г., Цензоръ Дм., Цинбергъ С. Л. (З.), Чериковеръ И. М., Шоломъ-Алейхемъ, Эльяшевъ И. (Бааль Махшовотъ), Эфренъ И. Р., Яновскій С. Я., Яншуфъ Н. (Палестина), Яшунскій І. В., и др.

Юридическій отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются отвѣты на запросы подписчиковъ, подъ редакціей прис. пов. Л. М. Айзенберга.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На еженедѣльникъ вмѣстѣ съ трехмѣсячнымъ журналомъ.

ВЪ РОССИЮ. На годъ . . . 7 р. — к.
На 1/2 года . . . 3 „ 50 „

ЗА ГРАНИЦУ. На 1 годъ . . . 8 „ 50 „

На еженедѣльникъ безъ журнала.

На 1 годъ . . .	5 р. — к.
6 мѣс.	2 „ 50 „
3 „	1 „ 25 „
1 годъ	7 „ — „
6 мѣс.	4 „ 50 „
3 „	2 „ — „

Подписка на одинъ только трехмѣсячный журналъ безъ еженедѣльника не принимается.

За границей подписка на „Еврейскій Міръ“ принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

За помѣщеніе объявленій въ газетѣ „Еврейскій Міръ“ взимается за строку петита: впереди текста—40 коп., послѣ текста—25 коп. (ширина страницы 4 столбца).

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Вознесенскій прѣспектъ, 20.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г. н

НОВЫЙ ВОСХОДЪ

годъ изданія—второй.

Еженедѣльная газета, посвящен. еврейскимъ интересамъ, ред. изд. М. Г. Сыркинъ

„Новый Восходъ“, подобно своему предшественнику — старому „Восходу“, ставитъ себѣ задачей: выясненіе и защиту интересовъ и нуждъ еврейскаго народа; поднятіе общественно-политическаго и національнаго сознанія, также какъ и культурнаго уровня широкихъ еврейскихъ массъ.

Стремясь охватить возможно шире всѣ явленія еврейской жизни, издательство „Новаго Восхода“ уже въ истекающемъ году нашло необходимымъ увеличить объемъ еженедѣльника сверхъ предполагаемаго первоначально размѣра. Въ виду такого увеличенія объема (отъ 2 до 2½ печатныхъ листовъ въ недѣлю), а также расширенія отдѣла иллюстрацій издательство вынуждено нѣсколько повысить плату за еженедѣльникъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Д. Я. Айзманъ, М. І. Бердичевскій, П. Берлинъ, Натанъ Бирибаумъ (Mathias Acher), Р. М. Бланкъ, Н. П. Борецкій-Бергфельдъ, С. С. Вермель, М. М. Винаверъ, М. Л. Вишницеръ, И. Галантъ, М. И. Ганфманъ, Ю. И. Гессенъ, М. И. Гинцбургъ, художн. Илья Гинцбургъ, М. Ф. Гнѣсинъ, Г. А. Гольдбергъ, М. Л. Гольдштейнъ, А. Г. Горнфельдъ, В. Гроссманъ, Х. Л. Гуревичъ, И. Л. Давидсонъ, А. С. Залшупинъ, С. Е. Кальмановичъ, Л. О. Канторъ, д-ръ Л. С. Каценельсонъ, Я. Б. Каценельсонъ, А. А. Кипенъ, І. А. Клейнманъ, Давидъ Койенъ, Г. Я. Красный, Е. М. Кулишеръ, І. М. Кулишеръ, М. И. Кулишеръ, С. Б. Лазаровичъ, Д. А. Левинъ, С. В. Лурье, Я. М. Магазинеръ, С. О. Марголинъ, д-ръ А. Марковъ, М. Г. Моргулисъ, М. И. Мышь, Н. М. Осиповичъ, М. Я. Острогорскій, М. В. Познеръ (Парижъ), Г. Я. Полонскій, Б. Д. Порозовская-Яновская, А. А. Прессъ, М. Я. Притыкинъ, Н. О. Пружанскій, Сарра Рабиновичъ, Л. А. Севъ, Г. Б. Слюзбергъ, Стеллинъ (псевд.), М. Л. Тривусъ (Шми), И. Троцкій (Берлинъ), І. Е. Фриде, Н. Фюрнбергъ (Нью-Йоркъ), М. И. Шефтель, Л. Я. Штернбергъ, И. Г. Эйзенбетъ, С. С. Юшкевичъ и друг.

Въ „Новомъ Восходѣ“ подписчики найдутъ юридическіе совѣты и указанія по вопросамъ, касающимся все болѣе усложняющагося и запутывающагося законодательства о евреяхъ. Руководить этимъ отдѣломъ Г. Б. Слюзбергъ.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи на 1 годъ 3 р. 50 к., на ½ года 1 р. 80 к., на 3 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 40 к. За-границу на 1 годъ 5 р., на ½ года 2 р. 60 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 60 к.

При подпискѣ на 1 годъ допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ вносится 1 р. 50 к. не позже 1 Мая—1 р. и не позже 1 Сентября—1 р.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Колокольная, д. 3, кв. 26.

הפרס של "הד הזמן"
ספר "ערוך השלם"
מאת רבי חנוך יהודה קאהוט.

ליקסקין גדול ואינציקלופדיה רבה תלמודית ומדרשית
שגם עשר כרכים גדולים יוצאים ע"י "הד הזמן"
בשלימות ובחדור מצוין במשך שלש שנים,
החל מן סוף יוני 1910 וגמור בסוף מארט 1913.

שלשת הכרכים הראשונים של "ערוך השלם"
יוצאים ביוני, ספטמבר ודקאבר שנת 1910.

כל כרך בודד של "ערוך השלם", הוצאת "הד הזמן",
מכיל לא פחות מן 36 גליונות בפורמאט של קווארטה
גדול (288 צד=כפול=576 עמודים).

תנאי החתימה עם המשלוח (כלי ספר "ערוך השלם"):

על העתון "הד הזמן" ביחד עם ה"ביבליאוותיקה":

בחו"ל:	בחו"ל:	ברוסיה:
במשלוח יומי	במשלוח ג"פ בשבוע	לשנה
15.60 רובל.	12.60 רובל.	10.— רובל.
7.80 רובל.	6.30 רובל.	לחצי שנה 5.— רובל.
3.90 רובל.	3.15 רובל.	לרבע שנה 2.50 רובל.
1.30 רובל.	1.05 רובל.	להרש אחד 83.— קפ.

תנאי החתימה עם המשלוח לרבע שנה (כלי חד עם ספר "ערוך השלם"):

- (א) במדינת הוסייה: על "הד הזמן" בלבד—2 רובל; על "הד הזמן" ביחד עם כרך אחד מה"ערוך השלם" 3.50 רובל;
ובתוספת ה"ביבליאוותיקה" 4.— רובל.
(ב) בחו"ל (במש"ח ג"פ בשבוע): על "הד הזמן" בלבד 2.50 רובל; על "הד הזמן" ביחד עם כרך אחד מה"ערוך השלם" 4.30 רובל;
ובתוספת ה"ביבליאוותיקה" 4.95 רובל.
(ג) בחו"ל (במשלוח יומי): על "הד הזמן" בלבד 3.25 רובל; על "הד הזמן" ביחד עם כרך אחד מה"ערוך השלם" 5.05 רובל;
ובתוספת ה"ביבליאוותיקה" 5.70 רובל.

תאריך:

Вильна, "ГЕДЪ-ПАЗМАНЪ"—WILNA (Rusland), "HEED-HASMAN".

נמשכת קבלת החתימה על העתון היומי

"הד הזמן"
בתוספת הירחון של "הד הזמן"

"ביבליאוותיקה",

ספרים שלמים לידועת היהדות והיהודים מעובדים ומתורגמים מלשונות
שונות. ה"ביבליאוותיקה" יוצאת בתור ירחון בחוברות בנות 10
גליונות (160 עמוד), העולות 120 גליון (1920 עמוד) במשך השנה.

